

Бердникова Татьяна

Проклятый граф

Призраки прошлого

16+

Татьяна Бердникова

**Проклятый граф. Том
II. Призраки прошлого**

«Автор»

2018

Бердникова Т. А.

Проклятый граф. Том II. Призраки прошлого /
Т. А. Бердникова — «Автор», 2018

Приключения в таинственном замке продолжают! Теперь его обитателям предстоит встретиться с тенями прошлых событий лицом к лицу, сразиться с виновником страшной трагедии и, быть может... познать счастье?

Читайте второй том книги «Проклятый граф», чтобы получить еще больше удовольствия и узнать еще больше тайн замка Нормонд!

© Бердникова Т. А., 2018

© Автор, 2018

Татьяна Бердникова

Проклятый граф. Том II. Призраки прошлого

– Как это ты не смог? – голос звонким эхом разлетелся по подвалу и, отразившись от темных стен, словно молот упал на голову произнесшей эти слова девушке. Татьяна поморщилась и, пока еще продолжая держаться за Винсента, потерла ухо свободной рукой. Собеседник, заметив это, чуть усмехнулся.

– Не забывай о том, где мы, – негромко произнес он и, оглядевшись, почему-то вздохнул. Затем осторожно усадил свою многострадальную спутницу на собственную подстилку и, сам садиться явно не планируя, прошелся по тесноватой, по сравнению хотя бы с той же улицей, где они были мгновение назад, клетке.

Татьяна, осторожно прислонившись затылком к одному из толстых холодных прутьев последней, медленно выдохнула. Холод действовал благотворно – головная боль отступала, и даже метания Винсента по клетке почти не мешали воспринимать его же слова.

– Я не знаю, почему я не сумел, – несколько отрывисто говорил между тем хранитель памяти, – Я делал все, как велел Эрик, стер память Роману, направился к их родителям... и все. Анри знал меня, разумеется, я ведь нередко бывал в замке... Ну, и вот, подхожу я к нему, пытаюсь стереть память, а он мне – «Что вы делаете, месье де ля Бош»? Естественно, я растерялся. Хотя, конечно, его тоже можно понять – не каждый день друг твоего сына заявляется к тебе после такой жуткой трагедии и тычет пальцами в лоб. В общем, я малость ошалел, ну и брякнул все, как есть, что, мол, я пытаюсь стереть ему память по приказу его же сына.

– Полагаю, этому он удивился еще больше, – девушка вздохнула и попыталась устроиться немного поудобнее. Платье, грязное и мокрое после отдыха на мостовой под дождем, противно липло к телу, сковывая движения; голова ежесекундно напоминала, что отступившая боль – не более, чем временный тайм-аут.

– Как не странно, нет, – хранитель памяти, остановившись возле одного из факелов, задумчиво провел рукой над пламенем, – Я тоже ожидал удивления, поражения, но чем дольше рассказывал, тем больше изумлялся сам. Анри остался совершенно спокоен. Он лишь уточнил, действительно ли я смогу обеспечить безопасность Эрика и Романа, и попросил не стирать память ни ему, ни Арабель.

– И что, хочешь сказать, они так и жили там? – девушка, от изумления даже забывшая о своем состоянии, недоверчиво приподнялась на львиной циновке, – В смысле, тут? Рядом с сыновьями?..

Винсент обернулся к ней. На лице его отразилась странная, исполненная облегчения улыбка, будто разговор с Анри, пересказанным им сейчас, состоялся не более пяти минут назад.

– Конечно, нет. Они с Арабель уехали, я помог им собраться... Потом привел замок в надлежащий вид, выгнал всех выживших слуг (им, конечно, тоже пришлось немного подработать воспоминания), и привел Эрика сюда. Дальнейшее тебе известно – он сидел сиднем все это время, а Роман развлекался за двоих.

– Роман! – Татьяна, неожиданно всполошившись, буквально подскочила на месте и, хватаясь за прут решетки, медленно поднялась на ноги, – Он же должен был ждать меня! Сколько прошло времени?

Лицо хранителя памяти стало кислым.

– Как я и полагал, немного больше, чем я рассчитывал. Точных цифр, насколько больше, не назову, конечно, но... В общем, мы оперативно управились за четыре часа по местному времени.

– За сколько?.. – чувствуя, что и так-то едва держащие ее ноги неминуемо слабеют, девушка поспешила нащупать за своей спиной прут, при помощи коего несколько мгновений назад поднялась с пола, и медленно начала стекать по нему вниз, – Четыре часа?? – она аккуратно приземлилась на подстилку и медленно покачала головой, – Боюсь, объяснить придется слишком много... А Эрик еще?..

– Уже нет, – с самым, что ни на есть мрачным выражением лица, обрадовал ее хранитель памяти, – Он проснулся какое-то время назад, и сейчас ухитряется одновременно размышлять о том, куда ты подевалась, и пытаться вспомнить, – он поморщился и, поднеся пальцы к виску, недовольно проворчал, – Кто бы мог подумать, что лучший друг будет столь немилосердно разламывать мне череп...

– Боюсь, ему сейчас не легче, – с тяжелым вздохом отреагировала Татьяна и, потеряв затылок, на порядок тише прибавила, – Могу себе представить... Винс, – неожиданная мысль, забредшая в ее несколько неадекватное сейчас сознание, заставила девушку поднять взгляд, – Скажи... А что хуже, в смысле, больнее – пытаться вспомнить или все же вспомнить?

– Это надо у Эрика спрашивать, – хмуро фыркнул мужчина и, тяжело вздохнув, несколько тише пробормотал, – Хотя, наверное, если вспомнит, это пройдет быстрее, чем если только и будет делать, что ломать себе... нам обоим голову. Но это не значит, что я сейчас со всех лап помчусь к Эрику возвращать ему память!

– Нет? – Татьяна, в свою очередь вздохнув, опять уцепилась за прут, поднимаясь с его помощью на ноги, – Ох, если бы меня кто-то решил избавить от головной боли, я бы по гроб жизни была обязана... Кстати, о гробах. Так почему я не умерла?

– А ты так рвешься свидеться со всеми гостями, что погибли там? – Винсент неопределенно мотнул головой, явственно намекая на только что увиденное прошлое, – Я понятия не имею, Татьяна. Видать, эти твои побрякушки обладают еще и защитными свойствами... Или я не знаю. Кстати, не желаете ли вы, мадемуазель, отправиться вон и пошуровать в больницу?

– Где-то в начале ты смутно напомнил вежливую версию самого себя, – девушка грустно вздохнула и вредным голосом продолжила, – Но тут же развеял это впечатление! Я-то желаю, но, боюсь, если Эрик обнаружит меня, он не предоставит мне такой возможности, – она помрачнела и, цепляясь за прутья клетки, медленно направилась к выходу, – И, боюсь, мы с тобой увидимся вновь, раньше, чем хотелось бы. Хотя, если честно, я не уверена, что ему будет так уж полезно вспомнить...

– Кто знает, – невесело проговорил хранитель памяти и чуть кивнул в сторону выхода из клетки, – Иди. Только, пожалуйста, будь осторожнее. Ничего хорошего, если ты упадешь где-то в коридоре, не случится, можешь мне поверить.

– Я сделаю все, от меня зависящее, – пообещала Татьяна и, сменив опору с прутьев клетки на стену коридора, чуть пошатываясь, направилась восвояси.

Путь, который за время знакомства с Винсентом стал для нее уже почти привычным, девушка на сей раз преодолела за куда как больший промежуток времени, и с немалым трудом.

Хватаясь за стенку, и не рискуя убирать от нее руку, она шла, еле переставляя, казалось, слабеющие с каждым шагом все больше, заплетающиеся ноги, спотыкаясь о, в общем-то, достаточно ровные плиты пола, и к концу пути уже едва ли не ползла. На лесенку, ведущую к гостиной, Татьяна, мертвой хваткой вцепившись в дверь, почти вывалилась, и, мечтая только о месте, куда бы можно было примостить гудящую от боли голову, попыталась сделать шаг по ступенькам вниз, очень надеясь, во-первых, не свалиться с лесенки, а во-вторых, не встретить никого из обитателей замка.

Увы, надеждам ее сбыться было не суждено.

Не успела девушка, придерживаясь за стену сбоку, спустить ногу на другую ступеньку, как знакомый голос из-за спины заставил ее, вздрогнув, медленно обернуться.

– Неужели ты все это время провела в подвале?

Татьяна, привалившись спиной к стене, и глядя на замершую в освещенном дверном проеме мужскую фигуру, глупо улыбнулась.

– Эрик... Какая, однако, неожиданная встреча.

– В самом деле? – граф де Нормонд красиво изогнул бровь, – Неужели ты не ожидала увидеть меня в этом замке?

– Нет, ну, почему же... – девушка обреченно вздохнула и, стараясь выглядеть как можно более несчастной, для чего ей, в общем-то, и усилий особых не требовалось, умоляюще сложила перед собой руки, – Можно я пойду переоденусь?

– Переоденешься?.. – на сей раз блондин, напротив, сдвинул брови. Взгляд его, по сию пору изучавший лицо собеседницы, теперь скользнул к ее платью и на лице молодого человека отразилось явственное непонимание происходящего.

– Татьяна, что с тобой? Ты выглядишь так, словно лежала где-то в грязи под дождем...

– Это не я так выгляжу, – сумрачноотреагировала девушка, несколько удивленная тем, как точно молодой граф сумел определить характер загрязнений на ее одежде, – Это платье. Я выгляжу еще хуже... Эрик, пожалуйста, позволь мне хотя бы переодеться!

Блондин удивленно шагнул вперед, спускаясь на одну ступень ближе к собеседнице.

– Да, конечно, но... Как ты могла так испачкаться, если была в подвале? И что ты вообще делала там на протяжении такого количества времени? – Эрик каким-то рефлекторным жестом потер лоб, – Роман сказал, ты хотела пойти поговорить с кем-то... Ты говорила со львом? – он поморщился и, коснувшись на сей раз виска, чуть покачал головой, – Кажется, я помню что-то такое... с подвалом... Но... – он коснулся другого виска, и Татьяна с трудом сдержала обреченный вздох. Что ж, этого следовало ожидать... Хотя, конечно, времени лучше, чтобы вернуть себе воспоминания, граф де Нормонд выбрать просто не мог.

– Это... – начал, было, вновь говорить Эрик, однако девушка, решительно отстранившись от стены, жестом остановила его.

– Стоп. Эрик... У меня к тебе одна очень-очень большая просьба, – дай мне, пожалуйста, переодеться. И постарайся ничего не вспоминать, пока я... пока мы не придем.

– Мы, – не отвечая напрямую, повторил ее собеседник и, глянув на Татьяну едва ли не подозрительно, переспросил, – Мы?..

– Ты можешь потерпеть еще минут пятнадцать? – девушка, неожиданно ощутив вызванное головной болью и поведением не желающего проникнуться ее состоянием, графа, раздражение, медленно втянула воздух, – Пятнадцать минут, Эрик! Я переоденусь и все тебе объясню. То есть, совсем все. Практически.

– Ладно... – молодой человек неуверенно кивнул и, потеряв переносицу, настороженно глянул вслед начинающей спускаться по лестнице и продолжающей при этом держаться за стену, Татьяне, – С тобой все хорошо?..

– Потом! – отрезала девушка и, изо всех сил стараясь шагать скорее, скрылась во тьме коридора. Ей еще предстоял очередной серьезный разговор с Винсентом.

***

– Интересно, нас ждет смерть через повешение или через отсечение головы? – на редкость оживленным, заинтересованным, и явно ненатурально жизнерадостным голосом произнес хранитель памяти, аккуратно поддерживая девушку и шагая с ней рядом по коридору, ведущему прочь из его клетки, – Надо будет предупредить Эрика, что если он попытается потащить лично меня на Гревскую площадь, то лично я буду царапаться и кусаться.

– Роман будет в восторге, – вздохнула в ответ Татьяна, – Он давно тебя в котики записывает... Погоди, на какую площадь?

– Гревскую, – многозначительно сообщил Винс и, видя, что собеседница ничего понятного в этой многозначительности не улавливает, ностальгически вздохнул, – В мое время там проводились публичные казни. Сначала вешали, а уж потом и...

– Спасибо, я поняла! – поторопилась прервать его девушка, не испытывая ни малейшего желания выслушивать страшные подробности кровавых казней, которые Винсенту вполне могло прийти в голову пересказать. Вообще, как заметила Татьяна, когда хранитель памяти пребывал в плохом настроении, ожидать от него можно было чего угодно.

– Даже понервничать спокойно не даст, – недовольноотреагировал мужчина и, тяжело вздохнув, почти мечтательно проговорил, – Вот в мое время девушки...

– Слушайте, дедушка Винсент, – его спутница, немного утомленная стенаниями на тему какого-то невнятного «времени», вновь решительно перебила собеседника, – Я интересуюсь, какое из всего обилия времен вы называете «своим»? Явно ведь не то же самое, где жил Эрик, верно?

«Дедушка» Винсент в ответ недовольно поморщился, однако, развернутых пояснений давать не стал.

– Ну, хорошо, пусть не в мое время, а во время площади. Тебе легче, внученька?

– Я бы так не сказала, – Татьяна тяжело вздохнула и на некоторое время замолчала, вновь возвращаясь мыслями к трудному разговору, что предстоял им сейчас. Хранитель памяти тоже умолк, вероятно, размышляя о том же самом.

– Мне это не нравится, – в конечном итоге сумрачно уведомил он спутницу, которая, в общем-то, и без того была прекрасно осведомлена о его отношении к происходящему, – Он меня, конечно, не убьет, но из замка выгнать точно может.

– Ну... – девушка, покрепче вцепившись в рукав старинного костюма, в котором, конечно, все еще продолжал щеголять ее собеседник, оглянулась через плечо назад, туда, где полумрак уже надежно скрыл львиную клетку, – Зато тебе больше не придется жить в клетке. Это же ведь хорошо.

– Да, если не придется бегать по лесам и полям, размахивая хвостом и есть птичек – будет хорошо, – еще мрачнееотреагировал Винсент и, заведя впереди дверцу, выводящую на лесенку, в свой черед ведущую к гостиной, остановился, – Так. Надеюсь, отсюда ты без моей помощи дойдешь?

– В смысле? – Татьяна, недоуменно переведя взгляд с дверки на собеседника, нахмурилась, – Ты что, тут останешься?

Хранитель памяти устало вздохнул.

– Я просто не хочу эпатировать публику своим появлением, только и всего. Если что, можешь ловить меня за гриву... И да, Татьяна, – он строго глянул на спутницу и, подняв указательный палец, внушительно добавил, – Существуют некоторые условности, о которых ты не должна забывать. Я не могу вернуть память хозяину просто так, потому лишь, что он начал вспоминать, понимаешь? Он должен приказать мне, потребовать вернуть воспоминания. И показать ему, кто я есть, я без приказа не могу. Поэтому туда я пойду как лев, а вот обратно... – он вздохнул снова и на мгновение сжал губы, – Посмотрим. Поняла?

– Ага, – невесело кивнула в ответ девушка и, глядя на то, как ее спутник принимает вид огромного хищника, чуть поморщилась, – Все-таки идти, держась за твою руку, было удобнее, чем за гриву.

Винсент негромко рыкнул и, демонстративно подойдя поближе к девушке, подставил голову. Татьяна, чуть усмехнувшись, аккуратно оперлась на нее ладонью и, нервно облизав губы, решительным, хотя и нетвердым шагом, направилась вперед. Идти им оставалось совсем немного...

В гостиную девушка и ее четвероногий спутник вошли как раз в тот момент, когда Эрик, постукивающий в ожидании обещавшей вернуться через пятнадцать минут девушки, пальцами по столу, уже почти собрался идти ей навстречу. Роман, который, находясь тут же, слегка покачивался на стуле, упершись ботинком в стол, заметив нетерпение брата, закатил глаза.

– Эрик, девушки в принципе не умеют одеваться быстро! Я вообще не понимаю, как ты мог столь наивно надеяться увидеть свою ненаглядную Татин через каких-то пятнадцать минут, – юноша на мгновение задумался, – До этого она где-то гуляла куда как дольше.

Эрик, пропустивший почти все слова виконта мимо ушей и уловивший лишь то, как он назвал Татьяну, медленно перевел взгляд на него.

– Что?.. – голос его прозвучал несколько растерянно, рука машинально метнулась к виску, пронзенному мгновенной болью.

– Что? – в свой черед не понял Роман и, услышав негромкий скрип двери, и последовавшие за ним шаги, сливающиеся с цокотом когтей, обрадовано перевел взгляд на вошедших, – А вот и она, дама с собачкой! – он перевел взгляд на Винсента и, почесав макушку, милостиво поправился, – С кошачкой, – затем изучил хранителя памяти еще раз и поправился вновь, – Ну... Со лвячкой. А зачем тебе, кстати, лвячка-то нужна, дама Татьяна? Для моральной поддержки, что ли?

– И как ты догадался? – беззлобно огрызнулась девушка, совершенно не реагируя на шуточки молодого человека. «Лвячка» же Винсент, обычно довольно остро реагирующий на выпады в свой адрес, на сей раз и вовсе предпочел сделать вид, что почти ничего не слышал и, бросив на виконта де Нормонд очень голодный и очень многообещающий взгляд, улегся на пол, явно стараясь прикинуться ковриком.

Татьяна, лишенная столь удобной подставки, оперлась рукой на ближайший к ней стул и уже даже начала в спешном порядке придумывать, с чего начать объяснения, когда Эрик решительно подал голос.

– В самом деле, Татьяна, для чего ты привела льва? Ты обещала все объяснить, а не... – он замолчал, явно не находясь, как продолжить. Девушка мысленно вздохнула.

– Если честно, я хотела скорее привести того, кто все объяснит, – проговорила она и, глянув на безмятежно лежащего Винсента, чуть кивнула в его сторону, – Вот и привела.

– По-твоему, лев сумеет что-то объяснить? – граф де Нормонд чуть приподнял брови. Его брат, как обычно, не вынесший муки молчанием, поспешил вставить свои три копейки:

– Татьяна, сознайся честно – давно ли ты билась головой о стену?

– Недавно, – уже несколько более раздраженно огрызнулась девушка и, вздохнув уже вслух, попыталась объясниться, – Он сможет объяснить. Не по львиному, конечно. Он не то, чтобы совсем лев... То есть, он конечно, лев, но все же расскажет.

Винсент, выслушавший вместе с обоими братьями эти пояснения довольно внимательно, дернул хвостом, слегка хлестнув им девушку по ногам. Та недовольно поморщилась и, бросив на него суровый взгляд, процедила сквозь зубы:

– Сейчас сам объяснять будешь!

– Татьяна? – Эрик, приподняв брови выше, с интересом созерцал столь мило беседующую со львом девушку.

– Мы все еще здесь, – не преминул расшифровать это короткое слово его брат и, очаровательно улыбнувшись, провокационно прибавил, – Сколько раз ты билась головой о стену сегодня, дитя мое? Лучше сразу сознайся и я, быть может, пощажу тебя.

– А если не признаюсь? – сумрачно отреагировала девушка, избегая пока что прямых ответов. Юноша разочарованно пожал плечами.

– Ну, тогда я позову скорую помощь и попрошу забрать нашу сумасшедшую Татин, которая обвиняет Винсента во всех смертных грехах.

Эрик схватился за голову. Молодые люди, увлеченные перепалкой, даже не заметили этого.

– Боюсь, скорая сначала захочет проверить, не надо ли во всех смертных грехах обвинить тебя!

– Не выйдет, – Роман довольно ухмыльнулся, – Я чист, как белый лист.

– Оно и видно, – фыркнула в ответ девушка, – Особенно, если заглянуть тебе в голову...

– Тихо! – голос графа де Нормонд, легко перекрыв голоса спорщиков, раскатился по гостиной, заставив задребезжать остатки стекол в оконных рамах. Молодые люди мгновенно замолчали; Винсент обеспокоенно вскочил на все четыре лапы.

– Винсент... – забормотал молодой граф, закрывая лицо руками и облокачиваясь на стол, за которым сидел, – Татин... сестра, его сестра... Винсент... Друг... Хранитель...

Хранитель памяти тихо заскулил и, не в силах сносить дальше такого немилосердного издевательства над его мозгом, потер морду лапой. Эрик, отвлекшись, отнял руки от лица и, приподнявшись в кресле, обеспокоенно взглянул на льва.

– Винс, что такое?

Лев опустил голову. Татьяна, вопреки графу присевшая на стул, за спинку которого до сей поры держалась, сочувственно взглянула на хищника.

– Ему больно, – негромко проговорила она и, вновь подняв глаза на графа, так же тихо добавила, – Больно, потому, что ты пытаешься вспомнить.

– Потому, что я пытаюсь... – граф де Нормонд, почти упав назад в кресло, растерянно заморгал, – Но почему??

Девушка тихо вздохнула. Похоже, настало время отвечать на вопросы прямо, не ограничиваясь различными экивоками...

– Потому, что он Винсент, – твердо произнесла она, – Твой друг. Твой... хранитель памяти.

– Кто? – вопрос, одновременно вырвавшийся и у Романа, и у Эрика, показался, по сравнению с только что звучащим тихим говором Татьяны, необычайно громким. Девушка чуть заметно поморщилась и, потеряв лоб, решительно повторила:

– Хранитель памяти. Он не лев, Эрик, и никогда им не был, он принял эту форму только, чтобы помочь тебе. И, если ты скажешь... Станет человеком. Ну, или почти человеком...

Молодой граф, откинувшись на спинку кресла, в свой черед потер лоб, с откровенным непониманием и недоверием взирая на стоящего с повинной головой льва. Роман, видимо пораженный прозвучавшими откровениями и не находящийся, что сказать, а быть может и попросту не желающий снова беспокоить брата, молчал.

– Это... как-то... – медленно начал произносить Эрик, одновременно со словами приподнимаясь с кресла и не прекращая вглядываться во льва.

– Глупо? – Татьяна слабо улыбнулась и покачала головой, – Что ж, проверь. Однажды после таких твоих слов он уже доказал, что все правда, докажет и сейчас.

– Однажды доказал? – хозяин замка, уже поднявшийся на ноги, перевел непонимающий взгляд на девушку, – Татьяна, я вовсе не...

– Да брось, – Роман, которому в конце концов надоело быть молчаливым наблюдателем, кривовато ухмыльнулся, опять откидываясь на стуле назад, – Ты видишь – девушка с головой не дружит? А просьбы сумасшедших лучше выполнять, а то вдруг кинется и разозлится? То есть, в обратном порядке.

– Кинется... – медленно проговорил граф де Нормонд и, на несколько секунд закрыв лицо рукой, прерывисто втянул воздух. Когда же он вновь обратил взгляд на Винсента, в глазах его застыла едва ли не та же отчаянная решимость, что совсем недавно наблюдала девушка, глядя на его прошлый разговор с хранителем памяти.

Эрик шагнул вперед и, остановившись возле льва, заглянул ему в глаза.

– Винсент, – негромко проговорил он, – Если это все правда... Докажи это. Стань человеком. Опять человеком... – последние слова он добавил, чуть нахмурившись

Лев тяжело вздохнул и, словно не желая в миг обращения быть так близко к хозяину, отступил на несколько шагов назад. А затем... Затем Татьяна вновь, без особого удивления, но со все возрастающим беспокойством, пронаблюдала за тем, как лев становится на задние лапы, как грива его сменяется темно-каштановыми, чуть выющимися, убранными после бала в хвост, волосами; светлая, песочного цвета шкура обращается в смуглую кожу, а глаза стремительно меняют цвет и форму.

Превращение завершилось довольно быстро, – Винсент не растягивал время. Не прошло и минуты, как посреди гостиной вместо льва появился и медленно выпрямился статный, стройный мужчина, одетый в костюм из восемнадцатого века, немного растрепанный, хмурый и недовольный.

– Здравствуй, Эрик, – негромко промолвил он, глядя только на хозяина и, похоже, попросту не замечая никого вокруг.

Откуда-то с правой стороны от Татьяны послышался грохот. Это Роман, вероятно, вопреки собственным словам, совершенно не ожидавший явления Винсента в его человеческой ипостаси народу, благополучно упал со стула, на котором до того небрежно покачивался, и сейчас медленно поднимался с пола, глядя на мужчину в немом поражении.

– Ты... – вздох Эрика пронесся по гостиной, казалось, не менее резко, чем прозвучавший недавно его же окрик. Молодой граф рефлексивно попятился, на шаривая рукой стол сбоку от себя и скользя рукой по спинкам стульев.

– Винсент... – потрясенно продолжал бормотать он, – Винсент... Винсент де... де...

– Де ля Бош, – сумрачно напомнил хранитель памяти и тяжело вздохнул, – Эрик, я не... Ах! – граф де Нормонд схватился за голову, явно трещащую от вновь нахлынувших на него воспоминаний; Винсент, ощущающий эту боль, пожалуй, едва ли не острее собственной, повторил этот жест, сжимая ладонями виски. Татьяна, неожиданно вспомнившая о собственной больной голове, неуверенно дотронулась пальцами до затылка. Один только Роман, не испытывающий никакой боли, да и вообще не чувствовавший совершенно никакого физического дискомфорта, внезапно ощутил себя белой вороной и, абсолютно недовольный этим чувством, попытался напомнить о себе всем присутствующим.

– Эй... – негромко окликнул он, – Что вы... у вас... Нет, это все, конечно, крайне увлекательно, но народ требует объяснений!

Внимание Эрика при звуке этих слов переключилось с воспоминаний прошлого на события настоящего, и напряжение спало.

Винсент медленно убрал руки от висков и, сумрачно вздохнув, воззрился на хозяина едва ли не умоляюще.

– Больше так не делай, – проникновенно попросил он, – Пожалуйста, я тебя очень прошу.

Взгляд хозяина замка снова обратился к нему, и Татьяна, видящая со стороны, как набежала тень на лицо хранителя памяти, ощутила едва ли не физически, как у него заныла голова.

– Но что... – граф де Нормонд, снова попятившийся, споткнулся о собственное кресло и тяжело упал в него, – Почему... Так ты – хранитель памяти? – эта фраза прозвучала на удивление твердо. Винсент кивнул.

– И был... Нет, – блондин медленно повел головой из стороны в сторону, – Хранишь... Что-то связанное со мной, да? С моим прошлым... С тем, что я не помню. Верно?

– Именно так, – голос Винсента ощутимо похолодел, взгляд стал серьезнее. Видимо, его интуиция сейчас подсказывала, что наступил решающий момент.

– Что... Как мне вспомнить? – Эрик медленно втянул воздух, – Как вернуть это? Что сделать?

– А ты уверен, что ты этого хочешь? – хранитель памяти нахмурился, – Я могу вернуть тебе это, но боль не исчезнет, Эрик. Во всяком случае, не сразу... То, что ты забыл, это...

– Что мне сделать? – в голосе молодого графа прозвучали металлические нотки. Хранитель памяти вздохнул и неожиданно чуть усмехнулся.

– Первый раз в моей практике, – произнес он, глянув мельком на внимательно изучающую собственные колени девушку, – Вопрос, я имею в виду. Да ничего особенного, Эрик, – он опять взглянул на графа и слегка пожал плечами, – Просто приказать и все.

– Приказываю! – тотчас же отреагировал блондин, – Верни... Нет... Напомни мне то, что я забыл. Верни мне память!

Голос Эрика раскатился по гостиной отдаленным отзвуком грома. Татьяна, вспомнившая о том, что именно такое впечатление произвели его слова в миг заключения сделки, вскинула доселе виновато опущенную голову. Винсент помрачнел.

– Как прикажете, господин граф, – тихо, почти не различимо проговорил он и, не ожидая повторного приглашения, решительно шагнул вперед, подходя к хозяину. Эрик напряженно замер.

Хранитель памяти, нагнувшись к сидящему в кресле другу, осторожно коснулся ладонями его висков и тотчас же прикоснулся своим лбом к его. Веки его сомкнулись, губы зашевелились, произнося неслышимые и определенно неизвестные слова.

Роман, глядя на это, напряженно замер, вцепившись в столешницу; Татьяна, в свой черед, сжала спинку стула.

Граф де Нормонд, вопреки возвращающему ему память другу, сидел, широко распахнув глаза. Лицо его, казалось, бледнело с каждым мгновением, губы дрожали.

Винсент отстранился и, завершив процедуру возвращения памяти тяжелым вздохом, сделал несколько шагов назад.

Эрик зажмурился. Татьяне, обладающей пылким воображением, представилось, как в сознании его, стремительно сменяя друг друга, проносятся одна за другой ужасающие картины прошлого.

– Ты... почему ты... Альберт... Нет, я... Больно, больно! Не хочу! Мама, Луи! – из-под плотно сомкнутых век молодого человека, оставляя влажные дорожки на бледных щеках, заструились слезы, – Отец... Роман! Боже... За что, я... я так виноват... Мама... Отец... – он замолчал так же внезапно, как и начал шептать эти больше похожие на бред, лихорадочные слова.

Роман, по сию пору стискивающий столешницу так сильно, что, казалось, вот-вот сломает ее, взволновано подался вперед. Он не понимал происходящего, не сознавал еще того, что вспоминает в данную секунду Эрик, однако, видя его состояние, и, более того, слыша произносимые им слова, и в числе прочих – свое собственное имя, все же испытывал вполне обоснованное и справедливое беспокойство.

– Эрик... – негромко позвал виконт, бросив на замершего, словно изваяние хранителя памяти весьма недружелюбный взгляд, – Эрик!

Молодой граф медленно открыл глаза. Лицо его казалось окаменевшим, взгляд был прикован к стоящему напротив Винсенту.

– Ты сделал?... – тихо и приглушенно произнес он, сжимая руками подлокотники кресла. Хранитель памяти, не говоря ни слова, согласно опустил подбородок. Уточнять, что сделал не совсем все, что приказывал ему хозяин, сейчас явно было не время.

– Хорошо... – граф де Нормонд, казалось, расслабился, откидываясь назад, на спинку кресла и снова смежая веки, однако, длился этот покой совсем недолго. На лице его отразилась какая-то неожиданная мысль, и молодой человек, рывком выпрямившись, взволнованно оглядел всех, находящихся в гостиной. Встретившись с обеспокоенным взглядом брата, он почему-

то занервничал и, словно не в состоянии больше сидеть, вскочил на ноги, отталкивая от себя кресло.

– Роман... – прерывисто заговорил он, – Я... Это все из-за меня... Прости... – почти выдохнув последнее слово, граф де Нормонд резко, словно он не в силах был долее оставаться в этом помещении, быстрым, нервным шагом направился к дверям, ведущим в холл, и скрылся за ними. Легкий сквозняк, пронесшийся вскоре по полу, известил оставшихся в гостиной, что блондин покинул замок.

– Вот и все, – негромко проговорил Винсент, безотрывно глядя на дверь, за которой только что скрылся его, отныне бывший, хозяин.

– Что «все»? – Роман, опершись обеими ладонями о столешницу, гневно выдохнул через нос, – Что значит «все», я тебя спрашиваю?! – он рывком отстранился от стола и, метнувшись к безучастно продолжающему смотреть в сторону выхода, мужчине, схватил его за грудки, – Что ты сделал с моим братом?! Отвечай! – и он энергично встряхнул совершенно не реагирующего на внешние раздражители собеседника. Винсент равнодушно пожал плечами.

– Вернул память, – на редкость кратко ответил он, делая вид, что действия виконта его совершенно не интересуют. Юноша тряхнул его еще раз.

– Роман... – устало попыталась окликнуть его Татьяна, в надежде воззвать к здравому рассудку молодого человека. Тот бросил на нее гневный взгляд.

– С тобой я поговорю потом! – рявкнул он, вновь взирая на постепенно, но пока незаметно закипающего оппонента, – Память вернул? А может, не только, а?! Учти, если ты только что-то...

– Успокойся! – Винсент, выходящий из себя, пожалуй, не медленнее, чем всем известный оборотень, а может, и быстрее, рывком сбросив руки юноши, в свой черед схватил его за ворот и встряхнул, словно нашкодившего котенка, – Ты думаешь, я хотел возвращать ему память? Или ты оглох, и не слышал того, что я говорил ему? Ты, глупец, даже не понимаешь того, что происходит с ним сейчас, ты понятия не имеешь!.. – он выпустил молодого виконта, слегка оттолкнув его от себя и серьезно глянул ему в лицо, – Он пошел на это в немалой степени ради тебя. Он хотел, чтобы ты жил спокойно! И ты-то жил, а вот он... – хранитель памяти умолк и снова глянул в сторону выхода из гостиной.

Роман, явственно растерявшийся, и не находящий слов для ответа на эту гневную отповедь, машинально поправил воротник.

– Я-то жил... – медленно повторил он наконец и, тряхнув головой, непонимающе и как-то недоверчиво нахмурился, – Что значит «ради меня»? О какой вине он говорил? Что вообще... – он опять замолчал, о чем-то задумавшись и неспешно водя указательным пальцем по губе. Наконец, мысли его приняли, вероятно, нужное направление и молодой виконт, просветлев лицом, снова обратился к Винсенту.

– Но если ему ты все вспомнил... Помог вспомнить, то и мне можешь?

– С чего ты это взял? – хранитель памяти фыркнул и тяжело вздохнув, оглянулся на безмолвно пытающуюся унять головную боль Татьяну. Та слегка пожала плечами. С чего Роман сделал такой вывод, она тоже не понимала, однако, само его предложение, его просьба, скрытая вопросом, отнюдь не казалась такой уж безрассудной. Винсент был прав – сама девушка, даже зная о случившемся, вряд ли смогла бы помочь молодому графу, но вот его младший брат, имеющий непосредственное отношение к трагедии, вполне мог оказаться полезным.

– Элементарная логика, – между тем гордо говорил Роман, поясняя сделанные им выводы, – Его слова, плюс то, что он помнит, а я нет, и твои слова... Дважды два равняется трем и мы делаем вывод!

– Надо же, какой умный мальчик, – хмуро отреагировал на его слова хранитель памяти. Юноша, фыркнув, упер руки в бока.

– Да уж, не глупая девочка! Ну, так что? Между прочим, Эрик сейчас там мокнет в гордом одиночестве, и если ты притворяешься, что желаешь ему добра...

– Я не притворяюсь! – огрызнулся явно задетый за живое мужчина и, резко сделав шаг к своему, вреднящему буквально на глазах, собеседнику, решительным жестом занес руку. Роман растерянно заморгал.

– Погоди, а разве...

Винсент легко, но уверенно хлопнул его раскрытой ладонью по лбу и что-то буркнул себе под нос. Юноша категорически возмутился.

– Между прочим, у меня хрупкий и ранимый лоб, а ты... – узнать окончание этой фразы ни девушке, ни хранителю памяти так и не пришлось. Молодой человек замер, широко распахнув глаза и глядя куда-то в небытие, а может быть, во внутрь собственного сознания и чуть шевеля губами.

Винсент негромко вздохнул и, отойдя, присел на ближайший к нему стул, внимательно созерцая виконта де Нормонд.

– Все-таки решился? – негромко произнесла за его спиной Татьяна, облокачиваясь на стол и старательно поддерживая голову. Хранитель памяти кивнул.

– Быть может, он и правда сможет помочь ему, – так же тихо проговорил он, и девушка, понявшая, что мысли мужчины следуют теми же путями, что и ее собственные, на мгновение сжала губы.

– Быть может... – еще успела произнести она, прежде, чем Роман, медленно моргнув, с уже абсолютно другим выражением вновь взглянул на экс-льва.

– Так вот, в чем дело, – неспешно проговорил он и, тяжело вздохнув, опустил голову, – Да, непросто будет утешить его... Но я все же попробую, – он вновь поднял глаза и как-то по-особенному, с совершенно иным, непривычным для этого времени выражением, улыбнулся, – Спасибо за помощь, месье де ля Бош. Мне нужно найти брата, – и с этими словами он, более ничего не уточняя и не объясняя, не выражая решительно никакой реакции на возникшие в его памяти события, направился к выходу из гостиной.

Татьяна, недоуменно и обеспокоенно следящая за его действиями, чуть приподнялась на стуле.

– Роман?..

– А? – юноша, уже почти дошедший до двери, обернулся и, скользнув взглядом по девушке, опять глянул на Винсента, – Ах, меня что, считают невоспитанным плебеем? Что ж, прошу прощения, – он ухмыльнулся и, вновь подойдя к сидящему на стуле и довольно настроенно созерцающему его, мужчине, протянул ему руку для пожатия, – Здравствуйте, Винсент. Мы крайне давно с вами не виделись. Ну, что еще? Обратно спасибо.

Хранитель памяти, медленно пожав протянутую ладонь, неуверенно кивнул.

– Ага, давно. Целых три секунды.

– У хранителей памяти что, со временем вообще не лады? – молодой интантер демонстративно коснулся пальцами собственного виска и сразу же стал похож на самого себя, каким он был знаком Татьяне, – Столетия секундами считать – это как-то... Ладно, кошачье создание, я научу тебя правильно считать позже, мне действительно надо поговорить с Эриком, – завершив повергшее Винсента в крайнее негодование высказывание, он вновь предпринял попытку отправиться на выход. Девушка, не выдержав, вскочила на ноги, забывая про головную боль.

– Роман! – решительно окликнула она виконта, успевшего уже взяться за ручку двери, ведущей в холл, – Ты-то сам... как?

– Я? – молодой человек задумчиво почесал макушку, затем оглядел себя и вздохнул, – Мне грустно. Но не настолько, чтобы валяться в истерике по грязному полу. Так что, если вы ждали именно этого, вынужден разочаровать, – окинув взглядом явно пораженных его словами собеседников, он вздохнул еще раз, уже куда как тяжелее и даже с нотками обреченности, после

чего на несколько секунд возвел очи горе, – О, и куда податься мне, несчастному, дабы спастись от ту... от недалекости людской? Я понимаю, что вы крайне поражены тем, что я не веду себя, как Эрик. И даже могу сделать скидку на состояние Татин, бившейся сегодня головой о стену. Но только ей! – парень сдвинул брови и, изо всех сил изображая серьезность, обвиняющее воззрелся на явно совершенно не ожидавшего такой реакции хранителя памяти. Поняв, что тот тоже понимает не более бившейся головой Татьяны, юноша с обреченным видом развел руками.

– Ну, хорошо... Читаю в ваших глазах обвинение в бездушии и не могу оставить это без внимания. Что ж... – он неожиданно посерьезнел на самом деле и негромко проговорил, – Горе тоже имеет срок давности. Если только дать возможность этому сроку пройти... Ты сам сказал, – он снова обратился к внимательно слушающему его мужчине, – Я жил все эти три столетия полной жизнью. Знаешь, в ней было много событий – и грустных, и веселых, и странных и даже опасных... Но я жил. Я не могу, признаюсь честно, представить, каково это – провести три столетия в оцепенении, под гнетом воспоминаний, пусть задавленных с чьей-то помощью, но все равно накладывающих отпечаток на общее состояние, на сознание, на душу... Не могу. Если я воспринимаю то, что случилось, через призму прошедших веков, в сознании Эрика это, боюсь, было едва ли не вчера. Поэтому я хочу ему помочь, – запас серьезности кончился, и Роман ухмыльнулся, – И, похоже, чтобы это сделать, мне надо бежать отсюда, пока меня еще кто-нибудь не остановил!

– Да ладно уж, иди, – Татьяна, почувствовавшая после речи виконта некоторое облегчение, да к тому же и надежду на то, что Эрику тоже может стать легче, чуть улыбнулась, опускаясь обратно на стул, – Я все поняла, и больше останавливать тебя не буду.

– Весьма верное решение, – молодой человек подмигнул и, уже открывая дверь, грозно добавил, – И не подслушивать! Мы будем секретничать.

Винсент, не отвечая, лишь хмыкнул; Татьяна так и вовсе предпочла сделать вид, что слова были обращены не к ней.

Роман сокрушенно покачал головой и, наконец, покинул гостиную.

Винсент, проводив его взглядом, откинулся на спинку стула, очень видимо расслабляясь.

– Вот теперь и в самом деле все, – негромко и почти облегченно вымолвил он, прикрывая глаза, – И прошло это все лучше, чем я ожидал.

– Нам еще предстоит объяснить, что мы делали на балу в восемнадцатом веке, – девушка слегка вздохнула и, почесав продолжающий болеть затылок, неожиданно вопросительно нахмурилась, – Слушай, Винс... А почему мне ты память так не возвращал? Провел обзорную экскурсию, но и только... Вообще, я ожидала, что Эрика ты тоже в прошлое поведешь.

Хранитель памяти, медленно выпрямившись, неспешно обернулся к собеседнице и внимательно воззрелся на нее.

– Ты что же, намекаешь, что раз уж сегодня день возвращения памяти, то мне и тебе ее вернуть надо? – он чуть покачал головой, – Пожалела бы ты свою голову, ей и так досталось сегодня.

– Ничего, она переживет! – Татьяна самонадеянно поднялась на ноги и, вцепившись в спинку стула, на несколько мгновений замерла, выравнивая свое положение в пространстве. Затем медленно двинулась вперед, приближаясь к по-прежнему сидящему на стуле мужчине.

– А вот если ты заставишь меня тебя уговаривать, подражая Роману, это будет не очень хорошо, – проговорила она, подойдя к нему практически вплотную, – Так что пожалей мою голову сам. Давай, я готова вытерпеть удар ладонью по лбу.

Винсент ухмыльнулся, поднимаясь со стула.

– Это не обязательное условие, – спокойно проговорил он и, сделав шаг к замершей в ожидании собеседнице, аккуратно коснулся кончиками пальцев ее висков, наклоняясь немного

ближе. Татьяна, ожидавшая, что сейчас хранитель памяти применит тот же способ, что и с Эриком, коснувшись своим лбом ее, слегка прикрыла глаза. Тепло рук Винсента успокаивало, боль, доселе уступавшая лишь холоду, как-то съежилась и, похоже, предпочла взять перерыв, и девушка, всецело доверившись мужчине, совершенно расслабилась.

Ощувив прикосновение ко лбу теплых губ, она вздрогнула и распахнула глаза. Хранитель памяти едва заметно улыбался, продолжая касаться пальцами ее висков, боль пока как будто не собиралась возвращаться, и девушка, тихо вздохнув, решила спустить этот, в общем-то, скорее братский, поцелуй, на тормозах. Тем более, что в сознании ее уже всю замелькали удивительно ясные картины недалекого прошлого...

Татьяна на мгновение опять прикрыла глаза, но тотчас же их распахнула и откровенно изумленно уставилась на стоящего перед ней мужчину.

– Так вот, о чем говорил тот ты... Мы и правда ни разу не?..

– Нет, – Винсент отрицательно покачал головой и, убрав пальцы с висков девушки, сделал шаг назад. Приятное тепло исчезло, и Татьяна чуть поморщилась, ощущая, что голова стремительно начинает замерзать.

– Дальше поцелуев дело у нас так и не зашло, – продолжил между тем хранитель памяти и, с явственным оттенком ностальгии вздохнув, перевел взгляд на ведущую в холл дверь.

– Все же у того тебя с культурой тоже было слабовато, – в свой черед вздохнула девушка, – Это же надо – брякнуть такое прямо в лицо, по сути, еще не знакомой девушке!.. А ты хочешь пойти подслушать? – последний вопрос относился к крайне внимательному, почти пронизывающему взгляду собеседника, все так же устремленному к дверям. Винсент чуть пожал плечами.

– Не могу сказать, что это будет очень уж культурно, но... А ты как думаешь?

– Я думаю, что теперь уже ты, наверное, не слышишь мыслей Эрика, – дождавшись согласного кивка со стороны мужчины, Татьяна кивнула сама и, чуть разведя руки в стороны, добавила, – Тогда у нас просто нет выбора.

Винсент медленно перевел на нее взгляд и тихо хмыкнул.

– Ты подаешь мне плохой пример, – сообщил он, аккуратно подхватывая девушку под локоть и осторожно увлекая ее в сторону холла, – И подталкиваешь к неправильным поступкам. И как меня угораздило связаться с тобой?

– Более неправильного, чем смех в темноте ты сделать не можешь, поверь мне, – очаровательно улыбнулась Татьяна, шагая рядом со спутником и уже выходя вместе с ним в холл, – А после общения с тобой прошлым, могу со всей ответственностью заявить – подталкивать тебя никуда не надо. Ты уже и так вполне подтолкнутый.

Винсент в ответ на это только ухмыльнулся, предпочитая не отвечать. Впрочем, продолжать абсолютно бессмысленный спор сейчас в любом случае было уже не время, – из-за приоткрытой входной двери доносились голоса графа и виконта де Нормонд.

– Я не понимаю, в чем ты можешь винить себя, – говорил Роман, не то отвечая на какие-то слова брата, не то просто выражая свое мнение, – После стольких лет ты все еще думаешь, что виноват ты?

На некоторое время повисло молчание, наполненное лишь тихим шелестом дождя. Выглянув в приоткрытую дверь и увидев косые струи, Татьяна вздохнула.

– Какой бесконечный дождь... – пробормотала она и чуть качнув головой, замолчала, не желая мешать графу де Нормонд отвечать.

– Ты просто не помнишь, – негромко произнес он после почти минуты безмолвия, – Не знаешь, а я... Я не могу рассказать...

– И не надо, – Роман слегка пожал плечами и с видом довольно безмятежным, добавил, – Мне и без тебя уже рассказали.

– Как?.. – Эрик, которого девушка и хранитель памяти могли видеть во все ту же щелочку приоткрытой двери, рывком развернулся к стоящему у него за спиной брату, – Как?? Кто?.. –

на его лице отразилось понимание и он медленно провел рукой по лбу, убирая мокрые волосы назад, – Но он же не должен был, пока я не скажу...

– А ты бы и не сказал, – Роман пожал плечами и тихо хмыкнул, – Не вини его, я просто слишком хорошо умею убеждать. Или ты мечтал стоять и страдать тут в одиночестве? – поймав несколько удивленный взгляд брата, юноша улыбнулся, – Нет уж, брат мой, позволь мне разделить с тобою эту скорбь.

– Ты не выглядишь скорбящим, – молодой граф чуть покачал головой.

– Жить надо было, а не сидеть холодцом на стуле, тогда бы и ты не скорбел, – многозначительно сообщил молодой человек и неожиданно тяжело вздохнул, – Эрик, а теперь серьезно – в чем ты себя обвиняешь? Ты сам пострадал едва ли не больше других!

– Но я жив, – возразил блондин, – А Луи... – он горько вздохнул, продолжая, – Это ведь я привел ее в замок, Роман. Ты помнишь... Отец не хотел, чтобы она осталась, а я убедил...

– Этого я не помню, – решительно прервал излияния старшего брата молодой виконт, – Зато помню, что когда ты сказал мне, что отец против, я потащил тебя к нему и мы уговаривали его вместе. Слушай, если хочешь кого-то винить, можешь обвинять меня, если легче будет, но говорить, что ты виноват в том, что тебя обманули – верх глупости!

По бледным губам графа мгновенной молнией скользнула слабая усмешка.

– Винсент сказал тоже самое.

– И он прав, – Роман пожал плечами, задумался на мгновение, оглянулся на замок и провокационно добавил, – Пусть только в этом, но прав, – и, удовлетворившись собственными словами, опять повернулся к собеседнику, – Нам есть кого винить и кроме самих себя, Эрик. Но о нем ты, как я вижу, даже не думаешь!

– О ком? – блондин, успевший опустить взор, снова поднял его, глядя на брата откровенно непонимающе.

Винсент, между тем, героически выдержав наезд, медленно втянул воздух.

– О ком-то, чье имя начинается на «Аль» и заканчивается на «берт», – фыркнул юноша и, окинув окрестности задумчивым взглядом, нахмурился, – О ком-то, кто так мило побеседовал с тобой перед тем, как вышвырнуть из замка, и кого упоминал Ричард как самую большую для нас угрозу сейчас.

– Но... – Эрик растерянно моргнул и снова отбросил назад мокрые волосы, – Но может, это и не он? То, что он так странно вел себя... То, что Ренард упомянул его имя... Это же все не доказывает, что дядя причастен!

– Как ты любишь идеализировать людей, – Роман, сам опустив взгляд, чуть покачал головой.

Татьяна же, лишь сейчас проникшаяся прозвучавшими словами, потрясенно заморгала.

– Погоди-погоди... – забормотала она, не сводя взгляда с молодых людей, но обращаясь к стоящему рядом с ней хранителю памяти, – Так Альберт это... дядя? Их дядя?..

– Ну да, – мужчина, сам отвлекшийся от созерцания общения братьев, удивленно перевел взгляд на собеседницу, – Я же говорил тебе.

– Ничего ты... – заспорила, было, девушка, но звонкий голос виконта де Нормонд перебил ее.

– А можно потише? Вообще, нормальные люди, когда подслушивают, стараются сделать это незаметнее.

Винсент тихо фыркнул и, продолжая одной рукой удерживать девушку, вторую отвел чуть в сторону.

– А может, вы сюда пойдете? Раз уж разговор зашел о вещах, касающихся всех.

– Я подумаю, – милостиво склонил голову юноша и, обернувшись к брату, вопросительно приподнял брови, – Что скажешь? Вернемся в замок?

– В замок?.. – блондин, явственно растерявшись, неуверенно перевел взгляд на приоткрытую дверь своей вотчины, – Я не знаю... Просто это... И к тому же...

– Эрик, – Роман решительным жестом щелкнул пальцами перед лицом собеседника и, положив ладонь ему на плечо, чуть тише проговорил, – Неужели ты забыл, что и о ком говорил тогда мне на балу? Подумай, ведь она все еще здесь, все еще с тобой... Или твое мнение изменилось?

– Нет, конечно! – хозяин замка вздрогнул, взирая на брата, – Нет, ни в коем случае...

– Ну, тогда кончай валять дурака и пойдем, – виконт чуть усмехнулся и, обняв собеседника за плечи, повлек его в сторону замка, – И подумай – ведь в твоей жизни есть, чему радоваться, есть, о чем беспокоиться и есть, о ком думать. Так и постарайся концентрироваться на этом, а не на делах давно минувших дней, – и, видя, что брат собирается возразить, он останавливающее поднял руку, – Да-да-да, я знаю, ты воспринимаешь это несколько иначе. Но все же стоит попытаться, – он глянул на входную дверь, оказавшуюся за время этой речи довольно близко и, подавшись ближе к уху собеседника, шепотом добавил, – Хотя бы ради нее.

Эрик опустил голову и, протянув руку, решительно коснулся ручки двери.

– Хорошо, – негромко промолвил он и резко потянул ее на себя.

Татьяна, увидев открывающуюся створу и глядя на входящего первым графа, как-то машинально сделала шаг назад. Тот же, заметив это, не смог сдержать улыбки.

– Вы боитесь меня... мадемуазель Лероа? – вежливым, мягким, заставляющим вспомнить недавно виденное прошлое, голосом, осведомился он, вопросительно склоняя голову на бок. Девушка слегка вздохнула, машинально включаясь в эту игру.

– Да как вам сказать, месье де Нормонд... Впрочем, если вы не будете сердиться, я, наверное, не стану опасаться вас.

– О, я совершенно не планирую сердиться, – поспешил успокоить собеседницу блондин и, переведя взгляд на Винсента, чуть усмехнулся, – Ни на вас, ни на вашего брата... Однако, объяснения услышать все же хотел бы.

– Нуу... – Татьяна замялась и, ища поддержки у человека, должно быть, более уверенного, тоже взглянула на хранителя памяти. Тот же, ответив взглядом скорее провокационным, нежели поддерживающим, усмехнулся и, отпустив девушку, которую по сию пору ухитрялся еще поддерживать, самым, что ни на есть беспардонным образом присел на оставленный молодым графом стул.

– Мы там оказались из-за ее побрякушек, – хладнокровно сообщил он к крайнему возмущению своей спутницы и невинно улыбнувшись, пожал плечами, как бы демонстрируя собственную непричастность.

– Побрякушек во множественном числе? – Роман, до сих пор проявлявший удивительный для него такт и не влезавший в разговор, нахмурился, делая шаг вперед, – Я помню только подозрительный браслет, а что еще?

– Кулон, – спокойно сообщил Винсент, и Татьяна, понимая, что другой альтернативы нет, с видом обреченным и решительно недовольным приподняла украшение за цепочку, демонстрируя всем присутствующим. Виконт сделал шаг вперед, всматриваясь в подвеску и недоуменно заморгал.

– Но Альберт же подарил его Мари!

– Погоди... – теперь уже Эрик, явно не знающий, о чем говорит брат, непонимающе нахмурился, – Альберт подарил Мари кулон?

Роман безмятежно пожал плечами.

– Ну, у них же были отношения.

Молодой граф, опешивший еще больше, сделал несколько шагов вперед и прислонился к столу.

– У Альберта с Мари были отношения??

– Подождите, какая Мари? – решительно вклинилась в мирное течение беседы Татьяна, – Мари – горничная? В чьей комнате меня поселил Эрик?

– Ага, – Роман кивнул и, очаровательно улыбнувшись, прибавил, – Я ее убил.

– Что?.. – Эрик, пораженно глядя на брата, медленно отстранился от стола. Татьяна, сделав вновь шаг вперед, изумленно приоткрыла рот; Винсент чуть сдвинул брови, продолжая восседать с видом всемогущего, обремененного нескончаемым знанием, аксакала.

– А что мне оставалось делать? – юноша развел руки в стороны, наивно хлопнув глазами, – Я хотел догнать тебя, чтобы сказать, что дядюшка, скорее всего, в курсе происходящего, но тут... меня, скажем так, сбили с пути истинного, – он с претензией воззрелся на сидящего с непричастным видом хранителя памяти, – Беспрецедентное явление двух Винсентов народу! Я думал, что у меня крыша поехала, или в глазах двоится, когда вы там на пару бегали!

Винсент невинно пожал плечами.

– Я тут не при чем.

– Я смотрю, ты вообще непричемный, – фыркнул в ответ юноша, – И невинный котик, лежишь себе, мурлычешь на подушечке... Даже песиков не калечишь.

– Роман, не отвлекайся, – хозяин замка вздохнул и, неожиданно подойдя к девушке, приобнял ее за талию. Татьяне мгновенно стало уютнее.

– Ну, в общем, когда видение ушмонало, я пошел за тобой, – продолжил виконт де Нормонд, – Тебя не нашел, Альберта не нашел, зато Мари чуть ли не на шею мне бросилась, вопя что-то о злобенькой «мадемуазель Луизе».

– Мда, мне тоже она говорила, что Луиза крайне «темпераментная» девушка, – негромко вставила Татьяна, прижимаясь к своему графу и с улыбкой глядя на него снизу вверх, – Велела держаться подальше от месье де Нормонда, а то мол, мало ли что.

– Может, она имела ввиду Романа? – Эрик еле заметно улыбнулся в ответ. Роман негодуя хлопнул в ладоши.

– Вы меня слушать будете или болтать? Короче, она бросилась мне на шею, а мне было как-то неадекватно, есть хотелось, и вообще... В общем, я себя не контролировал, ну и вцепился ей в шею, – он пожал плечами и вздохнул, – Жаль бедняжку. Хотя она и общалась крайне близко с Альбертом, видимо, заодно с ним не была.

– С чего ты вообще взял, что она с ним общалась? – молодой граф, снова недоуменно нахмурившись, чуть сильнее притиснул к себе девушку, – И то, что Альберт был причастен еще вовсе не...

– А как по мне, так это очевидно! – перебил его брат и, недовольно фыркнув, скрестил руки на груди, – Вот ты не считаешь, что он вообще всегда вел себя подозрительно? Кстати, вашу милую беседу я, хоть и пребывал в шоке от лицемерия Винсента в двух вариантах, – хранитель памяти при этих словах слегка поморщился, – Все же краем уха слышал. Эрик, сложи все вместе, – юноша тяжело вздохнул, – Альберт всегда занимался непонятно чем. Дальше, ты, вероятно, забыл, но я рассказывал тебе, что как-то видел его, посыпавшим приготовленную к обеду еду какой-то гадостью. Он тогда отшутился, мол, пряности особые, но все же... Потом то, как он беседовал с тобой и что говорил, его совет тебе убить, чтобы полегчало. Отношения с Мари, кулон... Ну и, наконец, то, что Ричард назвал именно его самой большой для нас угрозой.

– Он просто назвал его имя, – Эрик, в процессе беседы приходящий в себя до удивительного быстро, решительно вступил в спор, – Это вовсе не значит, что он говорил именно о дяде.

Роман на мгновение закатил глаза и, в свой черед грозно нахмурившись, строго погрозил брату пальцем.

– Перестань его идеализировать! Вот явится он в гости на чашечку чая – тогда увидишь.

– Ты так смело его обвиняешь, – молодой граф с сомнением качнул головой, – Но ведь Альберт человек. Он...

– Открывает пространство, как хранитель памяти, – насмешливо вклинился в мирную беседу Винсент и, откинувшись на спинку стула, заложил руки за голову, старательно изображая безмятежность.

Взгляды всех присутствующих, до этого мгновения устремленные в большей степени друг на друга, обратились к нему. Граф де Нормонд бесконечно родным и знакомым Татьяне движением изогнул бровь, сама девушка чуть приоткрыла рот, торопливо припоминая изумление хранителя памяти, вызванное действиями мужчины, говорившего с Эриком. Один Роман остался почти безучастен, лишь чуть склонив голову на бок. В глазах его, однако же, при словах восседающего на стуле мужчины, зажегся огонек неподдельного интереса.

– Что значит «как хранитель памяти»? – медленно проговорил блондин, не сводя глаз с кажущегося совершенно расслабленным Винсента. Тот повел плечами.

– Это значит «как хранитель памяти», – мягко произнес он и неожиданно вздохнул, – Послушайте, может, мы хотя бы в гостиную пойдем? А то говорить о таком здесь... – он окинул красноречивым взглядом серый от пыли холл, – Немного неудобно.

– А ты думаешь, в гостиной пыли меньше? – мигом перехватив его взгляд и разгадав значение последнего, хохотнул виконт де Нормонд, – Наивный подвальный кот... Может, ты все же для начала объяснишься?

– Я не буду объясняться, пока меня хотя бы не накормят! – возмутился мужчина, вскакивая со стула и, перехватив удивленный взгляд хозяина замка, совершенно по-кошачьи фыркнул, – На птичках я за это время похудеть успел, между прочим!

– Что-то в глаза это не бросается, – Роман демонстративно сжал губы, однако, возражать особенно не стал, приглашающим жестом указывая на дверь гостиной. Винсент, развернувшись на каблуках, занес, было, ногу, чтобы отправиться в предложенном направлении, однако, на полушаге остановился и, снова обернувшись к своему язвительному собеседнику, вежливо осведомился:

– Прошу прощения, что, возможно, напрягаю вас, господин виконт, но не соблаговолите ли вы, как-нибудь шляясь без дела, добыть мне более или менее нормальную одежду?

Роман, ухмыляясь, милостиво опустил подбородок.

– Я обдумую эту просьбу, когда мне не будут мешать разного рода приставучие личности. Иди давай, ты мешаешь пройти мне!

– Вот пример потрясающей вежливости, – с самым, что ни на есть, огорченным видом произнес хранитель памяти и, вздохнув, словно самый несчастный человек на свете, вновь выправил курс в сторону гостиной, направляясь к ней.

Молодой человек, насмешливо улыбаясь, последовал за ним; его брат, продолжая обнимать за талию девушку, вновь чуть привлек ее к себе и тоже повлек в сторону гостиной, с подозрительным интересом вглядываясь в спину идущего впереди Винсента.

Прибытие в искомое помещение он ознаменовал вопросом, в котором отразились все терзавшие его, видимо, еще с мига возвращения воспоминаний, сомнения:

– Разве ты был не в синем костюме на балу, Винсент?

Хранитель памяти, живо обернувшись на вопрос, лениво махнул рукой.

– Я был в красном, ты сам дал мне этот костюм. В синем был он.

Молодой граф вежливо приподнял брови, почему-то переводя взгляд на все еще обнимаемую им девушку.

– Он?

Татьяна тихо вздохнула и, тоже глянув на стоящего с видом исполненного долга, мужчину, чуть покачала головой.

– Винс, его же здесь нет.

– Но ведь это не мешало ему быть в синем, – резонно заметил хранитель памяти, опираясь одной ладонью о стол, возле которого уже несколько секунд стоял.

– О ком идет речь? – хозяин замка, переведя взгляд с девушки на непосредственного собеседника, чуть поморщился, – Опять какие-то загадки...

– Никаких загадок! – виконт де Нормонд, легкой поступью приблизившийся к столу, и без особых церемоний усевшийся на столешницу, развел руки в стороны, – На балу в честь передачи тебе титула присутствовали аж два Винсента, в целях возможности их различения одетые по-разному. Один улетел назад, сюда, другой остался в прошлом. Должно быть, так и страдает сейчас там, бедняжка, – Роман крайне ненатурально всхлипнул и, утерев несуществующие слезы, воззрился на прочих присутствующих крайне недовольно, – Долго стоять-то будем? Всех участников анти-Альбертовской коалиции приглашаю присесть (раз сами они до этого додуматься не в состоянии)! – скобки он весьма мастерски нарисовал в воздухе пальцами. Упомянутые участники, поочередно одарив юношу до крайности красноречивыми возразами, предпочли все же присесть, дабы не ждать еще одного, наверняка, еще более культурного предложения.

Роман, по-прежнему восседающий на столе, окинул всех довольным взглядом и, в свой черед не ожидая, пока ему вновь напомнят о причинах перемещения в гостиную, трижды хлопнул в ладоши.

Эрик обреченно вздохнул.

По гостиной пронесся знакомый легкий ветерок, сметающий пыль, приподнимающий тяжелые портьеры, и словно стеклящий заново окна, и среди гостиной, на том же самом месте, где видела его Татьяна в прошлый раз, возник высокий, светловолосый и бледный человек. Прозрачные зеленые глаза без какого бы то ни было выражения скользнули по всей присутствующей публике и чуть сузились, остановившись на Романе. Анхель склонился в вежливом, выжидающем поклоне.

– У нас тут голодающий, – радостно сообщил ему юноша, бросив многозначительный взгляд в сторону Винсента, – Одна штука. Накормить, напоить... Спать сами уложим. Где-нибудь под столом. На коврике.

Хранитель памяти, приоткрыв от возмущения рот, только поднял, было, кулак, чтобы погрозить обнаглевшему виконту, когда пронзительное мяуканье, донесшееся из-под стола, заставило всех отвлечься от их мирной, отчасти бессловесной, перебранки.

Юноша, цепко ухватившись за столешницу, опасно наклонился вперед, повисая на несколько секунд едва ли не вниз головой и, внимательно посмотрев на выразившую желание отобедать вместе с прочими, кошку, печально вздохнул.

– Однако, количество голодающих увеличивается прямо на глазах... Может быть, кто-то еще хочет есть? – он вновь выпрямился и, поочередно одарив брата и девушку испытующим взглядом, уточнил, – Нет? Точно нет? Ну, тогда ладно. Анхель, обед на две кошачьи персоны, пожалуйста.

На лице мажордома, определенно прежде не видевшего Винсента в его человеческой форме и не слышавшего обращения Романа к нему, не отразилось и тени недоумения. Он лишь почтительно наклонил голову, сделал шаг вперед, и спустя мгновение на столе перед хранителем памяти образовалось старинное, оригинальное, изящное и роскошное блюдо, с каким-то рисунком на дне. Впрочем, мужчина, истосковавшийся по нормальной еде, поданной в готовом, а не сыром виде, предпочел уделить куда больше внимания наполнявшему блюдо жаркому, нежели ему самому.

Между тем Анхель, опустившись на одно колено, аккуратным, изящным и каким-то отточенным жестом поставил на пол перед кошкой блюдечко молока. Блюдечко, как и блюдо, что мажордом поставил перед Винсентом, поражало изящной, не бросающейся в глаза красотой; сам же Анхель, сохраняя на лице маску совершенного равнодушия, поспешил выпрямиться. Татьяне, наблюдающей за ним за неимением более любопытного объекта для разгля-

дывания, на миг почудилось отвращение, скользнувшее едва заметной волной в прозрачных, льдисто-зеленых глазах.

Мажордом, завершив процедуру кормления всех собравшихся возле стола кошачьих, чуть приподнял подбородок и решительно шагнул назад, испытующе глядя на юного виконта. Тот же, в отличие от девушки, явно не замечающий ничего странного в его поведении, небрежно махнул рукой.

– Спасибо, Анхель, можешь быть свободен. Если кто-нибудь еще оголодает, я тебя позову.

Мужчина сделал еще шаг назад, склоняясь в почтительном поклоне. Легкий ветерок пролетел по гостиной, возвращая всю пыль и грязь на законные места, унося с собою вставшие, было, на место, осколки стекол; фигура мажордома на мгновение как-то очень ярко выделилась в падающем из окна сером свете дождливого дня и ожидаемо пропала.

Татьяна медленно выдохнула, ощущая необъяснимое облегчение, накатившее, словно волна, с исчезновением этого неприятного члена их странного семейства.

– Итак, на чем мы остановились? – Роман, убедившись в том, что все остро нуждающиеся в ней, снабжены едой, деловито огляделся. Взгляд его упал на пробующего предложенную пищу Винсента, и на лице виконта отразилось совершеннейшее удовлетворение пришедшими на ум воспоминаниями.

– Ах, да-да... Месье де ля Кот собирался объяснить нам смысл своих загадочных высказываний.

– Во-первых, де ля Бош, – сумрачно отреагировал хранитель памяти и, чем-то хрустнув, поморщился, – Во-вторых, твой приятель-мажордом, по-моему, издевается, подсовывая мне курицу. А в-третьих...

– Во-вторых, он ни над кем не издевался, – моментально вступился за Анхеля молодой человек, – Предупреждать надо было, что птичек ты не желаешь ни в каком виде. Так что там с дядюшкой, открывающим дырки в пространстве как ты?

– Не как я, – поправил мужчина, вопреки своим словам, на удивление быстро поглощая жаркое из курицы, – А как хранитель памяти. Ты же не думаешь, что я существую в единственном экземпляре?

– Да кто тебя знает, – отмахнулся юноша и чуть сдвинул брови, – Ближе к делу, уважаемый. С чего ты взял, что Альберт...

– Подождите, – Эрик, по сию пору молчавший, решительно поднялся на ноги, оглядывая собравшихся немного свысока, – Для начала объясни, почему ты так уверен, что это именно дядя.

– А я тебе уже объяснил, – последовал невозмутимый ответ, и виконт де Нормонд, демонстрируя истинно дворянские манеры, согнул ногу в колене, ставя ее на стол рядом с собой. Винсент в ответ на это действие поморщился и пересел на другой стул, дабы находиться подальше от не слишком чистого ботинка.

– Очень, понимаешь, много факторов совпадает, – продолжал тем временем разглагольствовать Роман, решительно не обращая на хранителя памяти и его действия никакого внимания, – Да, ты спрашивал, с чего я взял, что у Альберта и Мари были отношения. Видите ли, дорогой братец, когда видишь двух людей целующимися в темном закутке, сложно сделать вывод, что они как-то плохо друг к другу относятся. Кстати, я подозреваю, что Альберт либо сказал ей что-то, либо что-то сделал, чем и напугал ее в тот день. Может быть, просто признался, что массовое убийство в замке – дело его рук.

– Он ведь никого не убивал, – молодой граф, вздохнув, снова опустился в кресло. Его брат откровенно поморщился.

– Эрик, если человек приводит в дом всякую нечисть и говорит ей: «Убьете вот этих всех и еще парочку вот тех», это характеризуется как дело его рук. И хватит искать в Альберте признаки невинности, в нем их нет!

– Хорошо, хорошо, – блондин, сдаваясь, поднял руки и негромко вздохнул, – Значит, из того, как он вел себя в прошлом, из того, что Ричард назвал его имя сейчас, ты делаешь вывод, что это он. Но, Роман, я повторяю: дядя – человек. По твоему, он мог прожить все это время, ожидая, когда можно будет начать портить нам жизнь?

– А ты уверен, что он человек? – снова вклинился в мирное течение беседы хранитель памяти, успевший уже избавиться от предложенной ему еды и сейчас внимательно слушающий разговор братьев, – Если он чем-то там посыпал еду, – при этих словах последовал взгляд в сторону Романа, – Если сумел открыть дверь, как хранитель памяти (предвосхищая твой вопрос – нет, я не ошибаюсь. Свои умения я смогу узнать из тысячи), если обладал кулоном... хотя я не очень понимаю, зачем он отдал его горничной... В общем, как по мне, так все это дает возможность сделать вывод, что Альберт может быть кем или чем угодно, и вовсе не обязательно, что он человек и не мог прожить трех столетий.

– Ладно, – Эрик, подавленный обилием вываливаемых на него фактов, обреченно опустил руки, – Предположим, вы оба правы. И что из этого следует? – он перевел взгляд с Винсента на собственного брата, и ответил себе сам, – Ничего. Как узнать точно, и что делать после – неизвестно.

– Может быть... – Татьяна, все это время предпочитавшая молчать, нерешительно подала голос, – Может, все-таки попытаться помочь Ричарду? Он же просил...

– Стоп! – юноша, хлопнув ладонями по столешнице, легко соскочил с нее и, нахмурившись, воззрился на брата и его девушку, – О какой такой помощи просил Ричард? Когда? И почему прочие участники собрания не в курсе?

– Говори за себя, – хранитель памяти, ухмыльнувшись, скромно отвел взгляд. Роман медленно втянул воздух.

– Значит, даже кот в курсе дела, а я до сих пор нет? Когда этот оборотень просил о помощи? И кого из вас?

– Эрика, – девушка, в голове которой хлопок виконта по столу отозвался тысячекратно преувеличенным гулом, устало оперлась локтем на столешницу, держась за голову, – Просил помочь справиться с Альбертом.

– Утром, – машинально добавил блондин, не сводя с нее глаз и обеспокоенно нахмурился, – Что с тобой?

– Головка бо-бо, – откровенно ехидным тоном сообщил хранитель памяти, – Когда падаешь с высоты третьего этажа затылком на мостовую, это не очень способствует хорошему самочувствию, – и, заметив обращенные к нему недоуменные взгляды обоих братьев, со вздохом пояснил, – Альберт, как дилетант, открыл проход на высоте третьего этажа. Кстати, это странно, что он, действуя, как хранитель памяти, перенес нас не назад во времени, а просто переместил в другое место... В общем, открылось это довольно высоко, но все приземлились удачно, – Эрик, я... и еще раз я, а Татьяна...

– С двумя штуками тебя-то все понятно, – перебил его виконт, – Кошкам вообще лафа – всегда на четыре лапы приземляются. А Татьяна, как я понимаю, приземлилась особенно удачно. Что же, я был прав, говоря, что она сегодня билась головой.

– Я всегда знала, что ты, как настоящий друг, обязательно меня поддержишь в трудную минуту, – сумрачно отреагировала девушка, – Нет бы предложить средство от головной боли.

– Средство от головной боли? – Эрик изумленно поднял брови, но тотчас же вновь опустил их, сдвигая, – В таких случаях даже в наше время вызывали лекаря и отправляли в больницу.

– Хорошо, что не на плаху, – Татьяна, настроение у которой портилось тем больше, чем дольше шел разговор о ее болезни, сморщилась, – Самый оптимальный вариант... – и заметив устремленные на нее укоризненные взгляды, обреченно вздохнула, – Хорошо, ладно... Я согласна пообщаться с врачом. Если только у кого-нибудь есть варианты, как добраться отсюда до больницы без дополнительного для меня ущерба.

Роман чуть пожал плечами. На лице его прямо читалось недоумение, вызванное непониманием столь простого и очевидного варианта.

– На мотоцикле Влада, – спокойно произнес он и тотчас же добавил, – Если ты его боишься, я поеду с тобой.

– Я сам с ней поеду, – отмахнулся граф де Нормонд, чуть хмурясь, – Правда, Цепеш...

– Не начинай, а? – в голосе молодого человека ясно послышались нотки усталой мольбы, – Подумай о своей Татин. Как она без головы замуж за тебя выходить будет? – и, удовлетворившись мгновенно порозовевшими щеками девушки и откровенно смущенным видом брата, добавил, не давая им возможности ответить, – А я – необходимый вам гид по Парижу, вы же без меня даже больницу не найдете.

– А я? – хранитель памяти, не выдержав боле роли всеми забытого и покинутого кота, вскочил на ноги, – А я как же? Я не останусь один в замке – вдруг тут привидения? – и, заметив устремленные на него удивленные взоры с явственно плещущейся насмешкой в них, он обреченно вздохнул, разводя руки в стороны, – Ну, хорошо, я просто хочу подышать свежим воздухом и покататься на мотоцикле. Этим вы довольны?

– Довольны, – Роман, уже становящимся за сегодня привычным жестом, опустил подбородок с видом милостивого согласия, – Но тебя с собой все равно не возьмем. Во-первых, своим прикидом ты распугаешь половину больницы, – и, хмыкнув в ответ на негодующее выражение лица собеседника, он с выражением странного самодовольства прибавил, – А во-вторых, на мотоцикле с трудом на троих-то места наскребется. Так что придется тебе заняться ловлей местных привидений, друг мой... Тебе одолжить сачок?

– Спасибо, обойдусь, – сумрачно отреагировал мужчина, – Хотя еще не факт, что вы вообще куда-то поедете, конечно... Влад-то неизвестно, где гуляет.

– Да, и может быть, не стоит ставить Альберта в известность о том, что мы делаем? – Татьяна, усмотревшая неожиданную перспективу не ехать в больницу, а преспокойно отлежаться дома, чуть приподнялась, с нескрываемой надеждой глядя на своего графа. Тот чуть склонил голову на бок, отвечая недоумевающим и настороженно-подозрительным взглядом.

– А при чем тут Альберт?

– При том, что Влад на него работает, – ответ, как это не странно, исходил отнюдь не от девушки, а от того, кто, собственно, и предложил кандидатуру господина Цепеша в качестве извозчика. Роман устало махнул рукой и, предчувствуя взбучку, присел на краешек одного из стульев.

– И я об этом знаю.

Эрик, глядя куда-то в сторону камина, стукнул пальцами по столу.

– И ты об этом знаешь, – с выражением совершеннейшего безразличия и холода в голосе повторил он. Роман, согнув одну ногу, поставил ее на стул рядом с собой и, обняв колено, оперся на него подбородком, предварительно чуть кивнув.

– Да.

Эрик помолчал, затем медленно поднялся на ноги.

– И привел его в замок, – с тем же кажущимся равнодушием проговорил он. Юноша на мгновение закатил глаза, а затем, прижавшись к колену уже щекой, а не подбородком, согласно моргнул.

– Да.

– Великолепно, – граф де Нормонд оперся о столешницу обеими руками и чуть подался вперед, сверля брата пронизывающим взглядом, – Роман, сделай одолжение, открой тайну – ты хоть изредка используешь голову по ее прямому назначению?

– Периодически бывает, – молодой человек тяжело вздохнул и, не видя иного выхода, прибавил, – Я могу объяснить, в чем дело. Да и потом, когда я привел его в замок, я понятия не имел, что он связан с дядюшкой!

– Было бы неплохо услышать объяснения, – мрачновато произнес блондин, медленно отстраняясь от столешницы, – Только что ты убеждал меня в том, что дядя для нас едва ли не смертельно опасен, а теперь получается, что то, что твой приятель с ним связан, тебя совершенно не волнует.

– Да, а потом он удивляется и обижается, что его друзья, видите ли, никому не нравятся, – не преминул вставить хранитель памяти, – Интересно, и почему все кругом такие злые?

– Вот уж не знаю! – недовольно фыркнул юноша и, неожиданно кое-что сообразив, выставил перед собой руку, останавливая нового собеседника, – погоди-погоди, а ты это откуда знаешь? Тебя тогда рядом не бегало! – взгляд его скользнул к безмолвно слушающей все это девушке и на лице парня отразилось понимание, – Аа, сестрица рассказала... Конечно, как же не поделиться с братиком шокирующими откровениями!

– Он мне не брат, – буркнула Татьяна и, как-то машинально погладив себя по затылку, поинтересовалась, – Неужели ты всерьез думал, что мы родственники?

Роман хмыльнулся.

– Не-а, – протянул он и, демонстративно зевнув, прибавил, – Сложно вас представить родственниками, когда ты родилась в это время, а Винс еще тогда.

– Или еще раньше, – негромко вздохнула в ответ девушка, бросая на замершего, будто столб, мужчину немного виноватый взгляд.

– Куда уж раньше-то, – хмыкнул виконт и, неожиданно осознав произнесенные Татьяной слова, подозрительно нахмурился, внимательнее вглядываясь в нее, – А о чем ты вообще?

– Хороший вопрос, – подал голос хранитель памяти и, скрестив руки на груди, тоже обратился вопросительный взор к девушке. Татьяна тихо вздохнула и, испытав мимолетное желание спрятаться за спиной графа, который, к слову, смотрел на нее не менее удивленно, все же пояснила:

– Роман показывал мне альбом с гравюрами. Ну и... там был портрет Ричарда, очень давней давности, и портрет Винса.

– Да? Я показывал? – юноша, похоже, искренне удивленный скорее сообщением о собственных действиях, нежели об их следствии, в раздумье почесал макушку. Впрочем, вскоре на его лице очень явственно отразилось облегчение воспоминания и он жизнерадостно кивнул.

– А, да-да, тот парень... Я подумал, что видел его когда-то, а ты заявила, что он просто на кого-то похож. Теперь вижу, на кого, – лицо молодого человека отразило какую-то непонятную, полную насмешливого скептицизма гримасу и хранитель памяти недовольно вздохнул.

– А может, мы вернемся к Владу? Эта тема мне нравилась больше.

– Винсента мы можем обсудить и после, – неожиданно поддержал приятеля граф де Нормонд, – А вот причин твоего доверия Владу я пока не понимаю, Роман. И почему ты так уверен, что Татьяне будет безопасно с ним ехать – тоже.

– Но ведь ты же, видимо, поверил Ричарду, раз собираешься ему помочь, – юноша, не меняя позы, ухитрился пожать плечами, – Да и вообще, подумаешь, связь с Альбертом... Связь связи рознь, между прочим. Она всякая бывает. Влад не более, чем...

– Жертва, – раздался от двери, ведущей в холл, знакомый, но все же звучавшей с совсем иной интонацией голос. Роман медленно выпрямился и, не скрывая изумленного выражения, очень явно проступившего на его лице, уперся ногой в столешницу. Все прочие, как по команде, повернулись в сторону выхода.

– Ты что здесь делаешь? – виконт чуть нахмурился, всем видом демонстрируя, что не так уж и рад неожиданному гостю. Влад Цепеш, стоящий возле дверей, скрестил руки на груди.

– В данный момент слушаю, как вы увлеченно обсуждаете мою персону, – и, заметив, что шутка не находит ни в ком отклика, он чуть усмехнулся, по-прежнему обращаясь к другу, – Только не говори, что ты не слышал звук мотора. Я приехал к тебе, однако, зайдя в замок, уловил отголосок интереснейшей беседы и не мог удержаться чтобы ее не послушать. Однако, теперь у меня возникает целых два вопроса – во-первых, чем это моя персона вызвала внезапно столь яркий интерес; а во-вторых – разве ты не говорил, что никому не скажешь?

– А какая разница? – Роман чуть развел руками, беспардоннейшим образом закидывая ногу, которой по сию пору упирался, на стол, – Или ты хочешь, чтобы тебя все считали негодяем, обманывающим и меня и нас? Нет, ты только скажи, я тотчас же изменю свои показания и потребую посадить тебя в тюрьму. Или ты предпочитаешь расстрел на месте?

– Ты хочешь так доказать всем мою жертвенность? – Владислав хмыкнул, но горечь, слишком ясно проглядывающая сквозь маску веселости, не позволила насмешке пробиться. Молодой человек опустил взгляд, созерцая плиты пола.

– Я мог бы рассказать, – медленно проговорил он наконец, – Если вам так необходимо знать это... И если вы скажете, зачем вам нужно это знать, – произнося последние слова, он поднял голову, оглядывая внимательно созерцающих его людей.

Граф де Нормонд бросил быстрый взгляд на девушку, как бы испрашивая ее разрешения, затем снова перевел его на незваного гостя.

– Татьяну нужно отвезти в больницу, – негромко и словно бы стараясь подделаться под собственный ледяной тон, каким разговаривал во время своего безжизненного сидения в холле, произнес он, – Но я пока не уверен, что мы можем доверять тебе. Хоть Роман и заявляет, что это так.

Виконт важно кивнул.

– Да-да, все именно так. Он, видишь ли, не уверен, не расскажешь ли ты все Альберту. Да и она тоже сомневается.

– Альберту, – Цепеш сморщился, будто проглотив лимон и, сделав несколько шагов вперед, без особых церемоний присел на один из стульев, окружающих стол, – Ну, что ж, если вам это важнее даже здоровья бедной девушки, я... А это еще кто? – последний вопрос его был адресован Винсенту, сидящему с абсолютно независимым видом хозяина, хотя и касался его скорее стороной.

Роман тяжело вздохнул и, переведя взгляд с одного друга на другого, облокотился на столешницу, касаясь обеими ладонями щек.

– А это, понимаешь ли, наш новоявленный друг из староявленного прошлого. Это крайне долгая и неинтересная история с моим сумасшествием, падением девушек затылком о мостовую с большой высоты и ма-а-леньким кусочком крови, утопившем собою, почитай, весь коридор. Я тебе потом расскажу... если мне будет дозволено, конечно.

Эрик бросил на брата говорящий взгляд, но промолчал, не видя смысла сейчас произносить что-либо. Описание страшной трагедии, постигшей семью де Нормонд и принадлежащий им замок, вышло у Романа столь несерьезным и даже забавным, что злиться на него сейчас совершенно не представлялось возможным. Тем более, что впереди их ждала другая, полная трагизма история...

– Ну, что ж... – Влад задумчиво куснул себя за нижнюю губу и, расправив плечи, постарался сосредоточиться, – Начну, пожалуй, с того вопроса, что, безусловно, волнует вас больше всего – человек я или нет. Впрочем... Начать-то я с него начну, но ответить на него мне будет крайне затруднительно – ответа я не знаю и сам. Однако, предвосхищая ваши подозрения, скажу сразу – нет, я не Дракула. И даже не имею к нему ни малейшего отношения, хотя Альберт и считает по-другому. Но, копаясь в свое время в архивах, я не нашел ни единого подтвержде-

ния его словам. В общем... – Цепеш вздохнул и, очень явно стараясь придать своей немного хаотичной речи более упорядоченный вид, закрыл глаза, продолжая, – Все это началось еще в то время, когда произошла трагедия, омрачившая и изменившая вашу жизнь. Впрочем, тогда я узнал об этом из газет, мимолетно ужаснулся и забыл... Тогда мы с сестрой жили в Париже, на улице Клюни. История моего знакомства с сестрой тоже довольно забавна – я не знал ее до определенного возраста, в Париж переехал потому лишь, что надеялся добиться признания. Что ж, я потерпел разочарование в качестве жестокого урока жизни...

...Молодой художник, из всех возможных средств к существованию имеющий разве что свои картины, не находящие отклика в сердцах зрителей, а равно и потенциальных покупателей, прибыл в Париж из Румынии, будучи еще довольно юным и, вместе с тем, не менее наивным. Когда-то давно до него долетали слухи о родне, проживающей в городе, и он вознамерился разыскать ее. Из всех родственников, о каких он слышал, найти ему удалось только сестру, да и та вела себя столь странно, а порою даже и безобразно, что Влад, будучи старше ее на несколько лет, да к тому же и небезосновательно причисляющий себя к людям, развитым эстетически, решил взять опеку над неразумной девицей и постараться воспитать в ней благородство.

К его вящему изумлению, сестра отнюдь не возражала против такого расклада и, с покорностью, достойной почти восхищения при учете поведения ее в другое время, согласилась предоставить брату в полное владение дом, где обитала, и слушаться его во всем.

– Тогда я даже не задумывался, – рассказывал Цепеш удивленным внезапно открывшимся его талантом слушателям, – Мне и в голову не приходило спросить ее, на какие средства она живет. Кто платит за дом, по какой причине... Об этом я узнал уже позже.

Я продолжал рисовать, Париж оказался ко мне более благосклонен, чем родной городишко, – некоторые мои картины даже имели успех и, как следствие, спрос. Но нельзя сказать, чтобы финансовое положение было очень уж стабильным – славы я так и не стяжал. На одно хорошее полотно приходилось с десятков неудачных, посему мы перебивались, что называется, с хлеба на воду.

Однажды в дом постучали. Станный, темноволосый и темноглазый высокий молодой человек заявил, что ему необходимо побеседовать с моей сестрой, что у него для нее есть какое-то поручение. Тогда я впервые услышал имя Альберта... Сестра выбежала ему навстречу, вся просияв, некоторое время весело щебетала о чем-то (я, из чувства приличия, удалился в другое помещение), а потом вернулась к себе в комнату. Я заметил, что она расстроена, но причин своего плохого настроения она мне не сообщила.

На следующий день она исчезла. Может показаться странным, но я не забеспокоился и не забил тревогу, не попытался найти ее. Увы, я знал, что моя сестра, будучи существом довольно неуравновешенным, склонна к подобным выходкам. Такие исчезновения уже не были новостью.

На этот раз, впрочем, она пропадала дольше, чем обычно, я уже начинал беспокоиться и решил, что если она не объявится еще через несколько дней, буду пытаться ее разыскать. Признаюсь, я не питал к сестре нежных чувств – не взирая на то, что мы жили с ней вместе уже более двух лет, она продолжала оставаться чужой для меня, я не видел в ней ни намека на родство, которое должно было бы нас связывать, и, пожалуй, если бы она вышла замуж за приличного человека, я бы с радостью свалил со своих плеч этот груз. На мое несчастье, причислить ее к ангелам красоты было отнюдь нельзя, поэтому желающих взять ее в жены не находилось. Но вот, в тот самый момент... – Влад закашлялся и ненадолго умолк, словно собираясь с мыслями. Продолжил он лишь по прошествии нескольких секунд.

...В тот момент, когда художник начал испытывать беспокойство и подумывать, что было бы неплохо отправиться на поиски блудной сестрицы, его внимание было отвлечено еще одним человеком, желающим приобрести его творения. Молодой человек, представившийся буду-

щим графом де Нормонд, красивый, вежливый и обходительный, сообщил к тому времени практически истратившему все сбережения творцу, что хотел бы ознакомиться с его картинами и, возможно, приобрести некоторые из них...

– Ты, должно быть, не помнишь этого, – Цепеш, снова остановившись, внимательно глянул на Эрика, – В конце концов, после этого в твоей жизни происходили события куда как более важные, нежели встреча с художником-неудачником. Хотя я был польщен, когда придя сюда впервые, увидел на стене холла одну из своих картин... Но это не так уж и важно. Итак, ты выразил желание приобрести мои картины, я повел тебя в мастерскую, но вдруг... буквально на половине пути туда неожиданно увидел сестру. Она спускалась, как ни в чем ни бывало, из своей комнаты, улыбаясь столь очаровательно и невинно, что не зная я ее истинных повадок, наверное, поверил бы в ее добродетельность. После твоего ухода, я... – Влад вздохнул, будто сознаваясь в крайне неблагоприятном поступке, – Я сказал ей, что если бы она постаралась, наверняка сумела бы выйти замуж за этого молодого человека и в будущем стала бы графиней де Нормонд.

– Подожди, – Татьяна, слушающая исповедь приятеля Романа со все возрастающим изумлением, чуть привстала на стуле, держась за плечо сидящего рядом Эрика, – Черноволосый, темноглазый незнакомец, обходительный граф... Полагаю, твоя сестра не была рада твоему предложению выйти за него замуж?

– Откуда ты знаешь? – удивился Цепеш, взирая на девушку откровенно подозрительно, – Опять женская интуиция?

– Она самая, – мрачновато отреагировала та и, вновь опустившись на стул, резко прибавила, – Значит, ты – брат Луизы.

Имя произвело эффект разорвавшейся бомбы. В гостиной на некоторое время повисла тишина, нарушаемая разве что тихим жужжанием неизвестно когда успевшей пробраться сюда мухи, подбирающейся к паутине, затягивающей камин. Взгляды слушателей, до сего момента прикованные к собственно рассказчику, переметнулись к Татьяне. Влад негромко кашлянул.

– Да, мою сестру звали именно так. Однако, я не совсем понимаю...

– Ты не называл мне ее имени, – перебил Роман, вновь обращая взор на друга и хмурясь, – Если бы ты сказал раньше... – он умолк, оставляя фантазии собеседника самой придумывать окончание фразы.

– Ты бы выставил меня взащей сразу же? – фыркнул Цепеш и, окинув взглядом слушателей, добавил обманчиво-мягким тоном, – Или попросил бы брата сделать это?

– Я бы просто вел себя по-другому, – пробурчал юноша и, опустив глаза на столешницу, замолчал. Брат его, как-то машинально коснувшийся плеча ошарашившей всех внезапной догадкой, девушки, спокойно улыбнулся.

– В принципе, ничто не мешает мне сделать это и сейчас, – произнес он с тихим вздохом, – Однако, увы, меня гложет любопытство. Ты ведь, в сущности, еще толком ничего не рассказал, хотя завязка, безусловно, интригует.

– О, так господин граф позволяет мне продолжать? – Владислав ухмыльнулся, однако, тотчас же посерьезнел, – Ну, что ж... Верно, Луиза не обрадовалась моему предложению, хотя и попыталась скрыть это. Весьма неумело и неуклюже, вынужден признать... Жизнь потекла своим чередом, деньги, вырученные от продажи картин месье де Нормонду постепенно таяли, и вскоре впереди уже снова замаячил призрак неизбежной нищеты. Именно тогда в нашем доме появился еще один посетитель. Представившийся потенциальным покупателем, он выразил желание увидеть мои картины, и я, разумеется, согласился. Имени он своего не назвал, в ответ на мои вопросы только загадочно улыбался, и ушел, так ничего и не приобретя. Я бы не придал этому значения, если бы не одно но... Тем же вечером сестра пропала. На сей раз она исчезла из запертой комнаты, сбегав, очевидно через окно, и... Появилась на следующий же день, вся в слезах, на пороге дома. Я, разумеется, бросился ее утешать, и услышал странную,

довольно душещипательную историю. Моя сестра, ежесекундно всхлипывая, рассказывала о некоем Альберте, человеке, сбившем ее с пути, заманившем в какие-то невнятные авантюры и склонившем к крайне нелицеприятным действиям. В чем именно они заключались, она объяснить не смогла, а может быть, просто не захотела, – я не вдавался в подробности. По ее словам выходило, что Альберт сейчас потребовал от нее чего-то вообще запредельного, чего-то странного и страшного, того, в чем ей категорически не хотелось бы принимать участие.

– Я отказалась, – рыдала она, – Но он стал угрожать! Сначала мне, а потом и тебе, и этого я уже не смогла вынести! О, я боюсь его, боюсь, боюсь...

Естественно, я не мог оставить это без внимания. Усадив сестру в гостиной на диван и успокоив, как мог, я потребовал рассказать мне, где я могу найти этого Альберта. Какое-то время она отпиралась, но после сдалась и сообщила мне адрес...

Я отправился туда немедленно. Дом, вопреки моим ожиданиям, оказался совершенно небольшим и, кроме того, производил впечатление опустевшего, брошенного. Входная дверь была открыта едва ли не нараспашку, посему внутрь я вошел с крайней осторожностью. Минув пару закрытых комнат, я оказался в гостиной, и... Замер, как громом пораженный. За столом мирно сидел, попивая чай (а может быть, кофе) из изящной кружки тот самый странный клиент, что недавно покинул мой дом, так ничего и не купив.

– Вы?? – изумился я. Он спокойно кивнул и жестом предложил мне сесть.

– Ну, разумеется, я, – мягко проговорил он, придвигая ко мне еще одну, прежде не замеченную кружку чая, – Разрешите представиться, – Альберт Антуан де Нормонд. Рад более близкому знакомству с вами, месье Цепеш.

К тому мигу, когда прозвучали его слова, я уже начал пить предложенный мне чай, поэтому едва не поперхнулся. Откашлявшись, я недоверчиво воззрился на него.

– Вы – Альберт? Тот, кто... тот самый?!

Он изобразил удивление, а потом улыбнулся.

– Вижу, вы настроены враждебно в мой адрес, – произнес он, – Неужели дело в том, что ваша сестра наговорила вам обо мне глупостей? – я не нашелся, что ответить, и он продолжил, – Месье Цепеш, мы ведь с вами разумные люди. Луиза, увы, часто выдает собственные фантазии за реальность, я пытался помочь ей... К вам я приходил лишь для того, чтобы убедиться в своих подозрениях. Она часто рассказывала о тирании своего брата, утверждала, что он груб и не воспитан, что он просто проходимец, которого она пустила из милости к себе домой, а теперь страдает из-за собственной доброты... Увидев вас, я удостоверился в обратном и понял, что Луизе свойственны домыслы. Признаюсь, я рад, что вы пришли. Быть может, совместными усилиями мы сможем...

Он говорил что-то еще, но я не слышал. В голове у меня прочно поселился странный туман, все, что я мог делать – это кивать, будто китайский болванчик, да прихлебывать этот проклятый чай. Где-то в глубине все горело, словно внутренности медленно поджаривали на адском пламени, к туману постепенно добавилась боль, накатывающая даже не волнами, а как будто яркими вспышками, я не мог уже ничего соображать и плохо сознавал происходящее.

Я помню, что очнулся на полу. Когда я успел потерять сознание, я не заметил. Из тумана надо мной выплыло обманчиво-участливое лицо нового знакомого и он вежливым тоном попросил меня встать. Я подчинился. Он чему-то улыбнулся и велел мне сесть, теперь уже более приказным тоном. Я вновь подчинился, не совсем понимая, почему делаю это. И вот тут началась совсем другая история... – Влад замолчал, переводя дыхание. Слушатели, уже не пытаясь ничего добавить к рассказу, терпеливо ждали его возобновления.

...Когда Альберт снова заговорил, сообщая уже факты совершенно другие, абсолютно не те, что рассказывал ранее, волосы на голове молодого художника в буквальном смысле встали дыбом. Он слушал, приоткрыв от изумления рот и почему-то совершенно не мог заставить себя

произнести хоть слово, хотя нередко ему хотелось вскочить и закричать на тварь, сидящую перед ним с самым, что ни на есть, спокойным видом.

Не меня выражения лица, Альберт рассказывал, как встретил однажды Луизу, бывшую тогда глупой девочкой, как она пошла за ним, беспрекословно выполняя его приказы, становясь послушным орудием в ловких и умелых руках, и что она совершила.

– Она никогда не была твоей сестрой, Владислав, – ровным голосом сообщал Альберт, – Ты был нужен ей лишь для того, чтобы суметь преодолеть рубеж, порог, отделяющий ее от высшего общества, для того, чтобы в качестве сестры художника проникнуть в свет. Жаль, она просчиталась, выбрав неудачника... Однако, не стану врать, даже ты оказался довольно полезен. Именно благодаря тебе ей удалось свести знакомство с моим племянником, именно благодаря тебе я сумею добиться того, о чем мечтал уже так давно. Не думай, что в ее жизни ты был единственным таким человеком. Та, которую ты звал сестрой, которую, должно быть, любил, на своем счету имеет куда больше одного обманутого глупца... Конечно, она делала это, чтобы помочь мне, но, я надеюсь, ты догадываешься, что ответственности с ее плеч это отнюдь не снимает. Она втиралась в доверие, лгала, прикидывалась несчастной, всеми обманутой и всеми преданной, а после убивала, чтобы они не были ей помехой, забирая при этом все, представляющее хоть какую-то ценность, из их домов. Руки этой очаровательной девушки уже давно были обгажены кровью, месье Цепеш, задолго до вашей с ней встречи. Что же до тебя, мальчик мой... Полагаю, ты можешь гордиться. Ты станешь проявлением моего гения, моим воплощенным экспериментом, и будешь покорно служить, покуда нужда в тебе не упадет.

Уловив в глазах молодого человека немой вопрос, который он не решался выразить, Альберт усмехнулся.

– Тебя интересует, какой именно эксперимент я намерен воплотить с твоей помощью? Это дар, друг мой, бескорыстный мой дар тебе – бессмертие. Пока ты был без сознания, я сделал тебе небольшую инъекцию, поэтому дар тобой уже получен. Впрочем... Я немного случавил. Я не так добр, чтобы делать такие подарки абсолютно бескорыстно. С этого мига и до тех самых пор, пока будешь необходим мне, ты будешь мне служить.

– Последующие годы, несколько десятилетий, прошли как в тумане, – рассказывал Цепеш, не сводя взгляда с собственных колен, – Хотя, наверное, это были столетия, когда я очнулся от его яда, на дворе уже пышно расцветал двадцать первый век. Я не помню, что делал за это время, но, как мне кажется, он не давал мне таких уж серьезных заданий, – я всегда был просто посыльным, и не более, – молодой человек горько усмехнулся, – Из художников в курьеры – головокружительная карьера, не правда ли? Впрочем, когда я снова смог соображать, меня это уже не волновало. Я не держал кисти в руках больше двух сотен лет, не думаю, что еще помню, как владеть ими... В любом случае, это не имеет значения. Осталась одна маленькая деталь, которая, безусловно, не порадует вас, – он поднял взгляд, окидывая им внимающих ему слушателей, – Он отпустил меня. А по прошествии нескольких лет предложил честную работу, все тоже самое – доставлять его приказы слугам, но теперь уже на добровольной основе, да еще и с оплатой. Кроме того, он предоставил в мое абсолютное пользование мотоцикл, – по побледневшему за время рассказа лицу Цепеша скользнула тень улыбки, – И я согласился. Делать я ничего не умел, жить мне было решительно не на что, а есть, не взирая на действительно «подаренное» им мне бессмертие, хотелось, да и одеваться необходимость возникала. В общем, я согласился на то, чем занимался долгое время под его влиянием и теперь работаю уже практически официально. Что же до Луизы... – он чуть поморщился, – Я ничего о ней не слышал с тех самых пор, как триста лет назад ушел из дома. Жива она или нет – мне неизвестно.

Влад замолчал. Слушатели его, немного придавленные обрушившейся на их умы лавиной фактов, тоже молчали. Наконец, Роман, не выдержав, решился подать голос.

– Что ж... Все, что могу сказать, – это повторить свои же слова, но уже на публику. Тебя все еще не беспокоит, что мы можем избавить мир от твоего работодателя?

– Ты надеешься, что я изменил мнение и теперь буду рьяно его защищать? – мрачно отреагировал его приятель и, вздохнув, отрицательно покачал головой, – Нет. Мне все равно, что вы сделаете с ним, я буду даже рад, если вам это удастся.

– Ты говорил, что Альберт почитает тебя кем-то, имеющим отношение к Дракуле... – напомнила Татьяна, за время повествования успевшая прислониться щекой к плечу своего графа и сейчас ощущающая себя практически здоровой.

– Да, он упоминал об этом, – Цепеш сморщился, словно проглотил лимон, – Я плохо помню, на меня тогда действовал этот его чаек... Но он плел что-то в том смысле, что, мол, какие-то из потомков Дракулы стали, напротив, охотиться на вампиров, у них даже выработался особый ген и ему, значит, любопытно подчинить себе одно из таких существ. Я, когда он перестал меня опавать, некоторое время жил свободно и тогда уехал в Румынию, думал, там будет проще. Покопался в архивах, даже нашел старые бумаги, хранившиеся в замке Бран, но ничего, подтверждающего его слова не обнаружил, – он замолчал на несколько секунд и предпочел сменить тему, – Ну, что ж... Я все еще кажусь вам до крайности подозрительным типом, которому даже нельзя доверять довести больную девушку до больницы?

– Ты все еще кажешься подозрительным, – не стал спорить Эрик и тихо вздохнул, – Но здоровье Татьяны мне дороже этих подозрений. Если ты сумеешь довести ее и меня...

– И меня! – тот час же напомнил о себе юный виконт. Винсент, за время долгой истории успевший едва ли не задремать, встрепенулся.

– И меня тоже!

– ...мы будем благодарны, – завершил свою мысль граф де Нормонд. Экс-художник вино-вато развел руками.

– Места хватит только троим, – он чуть пожал плечами, – Мотоцикл быстрый, но не столь вместительный, чтобы увезти целую толпу.

– Придется кому-то овладевать навыком ловли привидений, – мигом вспомнив о причинах, побуждавших хранителя памяти отправиться с ними в путь, ехидно проговорил виконт, – Не расстраивайся, котяра, я привезу тебе сачок.

– О, я буду крайне тебе признателен, – сумрачно буркнул Винсент и, скрестив руки на груди, закинул ногу на ногу, недовольно наблюдая, как его друзья собираются в путь.

***

Стройный, высокий, не старый еще, хотя уже и не первой молодости мужчина, сидя на мягком диване возле небольшого, изящного вида светильника в полутемной комнате, лениво перелистнул страницу толстой книги и закинул ногу на ногу. Словно в ответ на его действия по комнате пронесся чей-то приглушенный, сменившийся хрипом, стон, моментально перебитый звонким молодым смехом.

– Ты только взгляни, похоже, ему больно! – восторженно воскликнул кто-то, сопровождая слова сильным ударом. Звук его, отразившись от высоких стен, неприятным эхом пронесся по комнате, и мужчина, поморщившись, со вздохом закрыл книгу.

– Не перестарайся, будь добр, – мягко вымолвил он, даря жертве совершенно очаровательную, добродетельную и располагающую улыбку, – Он пока еще нужен мне живым.

– Да зачем? – молодой человек, исполняющий обязанности не то палача, не то искусственного в искусстве пыток инквизитора, презрительно фыркнул, с размаху ударяя лежащего на полу человека под ребра мыском ботинка, – Жалость к предателям – самая большая глупость, которую только можно позволить себе!

– А что же до прощения предателей? – поинтересовался его собеседник, похоже, решительно не желая замечать хриплого дыхания, с трудом вырывающегося из груди жертвы и ее надсадного кашля, а может и незаметно получающий от этого удовольствие.

– Это еще бóльшая глупость, – безапелляционно заявил юный экзекутор и, наклонившись, сжал черные короткие волосы, рывком дергая их вверх, тем самым вынуждая жертву поднять голову.

Его взрослый собеседник с интересом оглядел залитое кровью лицо и, снова вздохнув, пожал плечами.

– Что ж, тогда я, возможно, совершу эту глупость... Впрочем, позже, – он дал знак подручному продолжать. Тот довольно хмыкнул, отводя руку назад и, вложив в удар, похоже, всю, или, по крайней мере, весьма немалую часть своей силы, отбросил жертву в сторону. После чего, ухмыляясь криво и едва ли не радостно, приблизился вновь и, пинком перевернув побитого, задумчиво наступил ногой ему на живот.

– Открой мне тайну, песик, – голос его, обманчиво-ласковый, так и сочился ядом, – У тебя остались еще где-нибудь целые косточки? Подскажи, куда мне бить? Тебе же все равно – убивать тебя нельзя, а остальное на тебе заживет быстро, – он поднял ногу, явно намереваясь с размаху вдавить ее в тело несчастного, распластавшегося по полу практически без сил. Неожиданный приказ остановил его.

– Прекрати, – несколько похолодевшим тоном произнес мужчина и, продолжая сидеть на диване, вытянул одну руку вперед, открытой ладонью к экзекутору, подтверждая свои слова жестом. Последний недовольно дернул плечом и, резким движением впечатав каблук дорогого ботинка в пол рядом с жертвой, почти раздраженно повернулся к собеседнику.

– Что еще? Я только вошел во вкус.

Мужчина, только что зачем-то склонивший голову к плечу, хмуро глянул на него.

– Замолчи, – абсолютно ровным тоном приказал он, – Ты мешаешь мне.

– Боже-Боже, – парень недовольно закатил глаза, однако, более возражать не стал и, отойдя от жертвы, лениво прислонился к стене. В руках его мелькнуло, добытое, вероятно, во время этой небольшой проходки, маленькое резиновое колечко. Юноша пару раз стиснул его в кулаке, затем легко провернул на указательном пальце и, подбросив в воздух, ловко поймал, не давая игрушке долететь до пола.

Мужчина, между тем, продолжающий сидеть, склонив голову к плечу и решительно переставший обращать на юношу внимание, закрыл глаза, прислушиваясь к чему-то. Молодой человек, продолжая забавляться с колечком, лениво следил за ним из-под полупущенных ресниц.

Голова мужчины чуть склонилась, подбородок опустился в легком кивке, затем вновь поднялся. Чувственные губы изогнулись в лукавой улыбке.

– Очень хорошо, – негромко проговорил он и, кажется, уже собрался вновь выпрямить голову, переводя взгляд на помощника, как вдруг что-то снова привлекло его внимание, вынуждая вернуться к прежнему положению, – Что? ... Прекрасно... Каким образом? – брови его чуть сдвинулись, на лице мелькнула удивленная догадка, – Ах, вот как... Любопытно.

Станный разговор завершился. Молодой человек, заметив это, снова подкинул вверх резиновое колечко, поймал его указательным пальцем и, покручивая на нем, обратился к мужчине более внимательный и пристальный взгляд, не скрывая одновременно и вопроса в нем.

– Ну, что? – с нарочито-развязной наглостью поинтересовался он, как бы невзначай делая шаг ближе к находящейся почти в бессознательном состоянии жертве, – Песик был прав – мы идем в гости?

– К сожалению, его обещания, данные нашим друзьям, оказались ошибочны, – мужчина пожал плечами и широко улыбнулся, – Смотри, Ричард, как бы они не сочли тебя лжецом после такого обмана.

Ричард, которого в избитом до неменяемого состояния мужчине узнать можно было лишь благодаря этим словам, что-то прохрипел, кашляя кровью. Юноша, глядя на это, залиvisto расхохотался.

– Ты посмотри – он еще и пытается что-то говорить! – в несколько шагов оказавшись рядом, он снова резким движением схватил оборотня за волосы, поднимая его голову, – Ну-ка, повтори, собачка, мы как-то плохо расслышали. Или тебя еще и человеческой речи учить надо?

В мутных от боли глазах Ричарда мелькнул яростный огонек. Пытаясь высвободиться из крепкой хватки, он чуть мотнул головой, однако, сумел лишь немного отбросить назад слипшуюся от крови и застывшую глаза челку. Впрочем, голос его, когда он ответил, прозвучал вполне уверенно и твердо.

– Пошел ты! – практически выплюнул оборотень, взирая на своего мучителя с совершенно нескрываемой ненавистью. Тот разочарованно покачал головой.

– Такой болтливый песик, и совершенно не обучен хорошим манерам... Придется тебе их объяснить, – рука, стискивающая волосы оборотня, потянула их назад. Ричард, не взирая на отчаянные попытки сопротивления, стиснув зубы, все же вынужден был подчиниться, пока не понимая, что задумал юный садист. Впрочем, не прошло и мгновения, как ответ он получил, причем в весьма грубой и болезненной форме. Молодой человек, на секунду запрокинув голову жертвы и таким образом взяв небольшой размах, неожиданно с силой дернул ее вперед, подставляя собственное колено. Неприятный хруст, заставивший поморщиться сидящего на диване мужчину, и резкая, огненная боль, разлившаяся, казалось по всему лицу и стремительно распространяющаяся дальше, мигом дали оборотню понять, какой же именно способ обучения его хорошим манерам выбрал изувер. Пожалуй, единственным, что оставалось загадкой, был вопрос, каким образом сломанный нос может помочь в обучении, но, судя по всему, юношу это ничуть не волновало.

Снова дернув голову оборотня назад, он с наслаждением бывшего мучителя осмотрел его лицо и снова толкнул жертву вниз, теперь уже не подставляя ногу. Брошенный на каменный пол, почти впечатанный в него, мужчина на несколько секунд потерял сознание.

В себя он пришел от боли, вызванной резким ударом ногой по ребрам.

– Оставь его, – спокойный голос, опять остановивший изувера, показался оборотню едва ли не гласом ангела. И это не взирая на то, что он лучше, чем кто бы то ни было знал, что ангелом говорящий не был.

– Я просто немного его поучил, – юноша невинно улыбнулся, разводя руки в стороны, – Быть может, станет чуть воспитаннее... Так что, ты говоришь, мы не идем в гости?

– Нет, – мужчина, ответив мягкой улыбкой, отрицательно качнул головой, – Но мне предстоит вспомнить о том, что некогда я был умелым лекарем... Ты знаешь, где травы, при помощи которых я лечил последствия ударов головой?

– Там же, где и были, – молодой человек задумчиво почесал макушку и с неожиданным интересом подался вперед, – А кто там саданулся? Ну, я хочу сказать, я надеюсь, ты не песика лечить планируешь?

В ответ раздался негромкий смешок.

– Ему моя помощь, полагаю, не нужна, посему я предоставлю ее кое-кому другому, – развивать свою мысль далее он не стал и его собеседник надулся.

– Опять секреты... – пробурчал он, с задумчивым видом прогуливаясь по комнате. Затем остановился прямо перед мужчиной и взглянул на него уже более серьезно и сосредоточенно.

– Скажи, Альберт... Ты и в самом деле решил избавиться от этой девчонки?

– Эта «девчонка» старше тебя, – усмехнулся названный Альбертом, – Но ты прав, я не нуждаюсь в ней больше. Она всего лишь досадная помеха, мусор... А от мусора надо избавляться.

***

Татьяна полусидела на кровати, подложив под спину сразу две подушки и, свесив одну ногу, недовольно покачивала ей. После посещения больницы, где ей благополучно диагностировали небольшое сотрясение мозга, расспросили о том, что беспокоит и прописали некоторое количество лекарств с неизвестными девушке названиями, а как главное исцеляющее средство – строгий постельный режим, Эрик с братом и примкнувший к ним Винсент категорически уложили ее в постель и вот уже неделю, как не позволяли даже небольших прогулок по замку.

Сами же «тюремщики» были постоянно чем-то безумно заняты, поэтому заходить к девушке с целью ее развлечь, очень часто не могли, и Татьяна, изнывая от безделья, иногда задумывалась, не позвать ли для общения хотя бы Анхеля. Впрочем, мысли эти она почти сразу отметала за их не конструктивностью, да и, как однажды обмолвился Роман, Анхель тоже был занят. Единственной постоянной компанией девушки на это время стала Тиона, ответственно возлежавшая на кровати хозяйки и исцелявшая ее одним своим присутствием.

Татьяна тяжело вздохнула и, решительно качнув ногой, спустила с кровати и вторую, намереваясь встать. Кошка, по обыкновению лежащая на ее кровати, заметив действия девушки, предупреждающе мяукнула и Татьяна, мимолетно погладив ее, поднесла палец к губам.

– Я не буду отправляться в прошлое и там падать, – шепотом пообещала она и, почесав любимицу за ушком, осторожно поднялась на ноги. Мир вокруг, очевидно, недовольный сменой положения, практически неизменного на протяжении семи дней, сделал попытку покачнуться, слегка поплыл, однако, довольно скоро образумился и вновь принял свое нормальное положение.

Татьяна, переживающая эту свистопляску, вцепившись в стоящую возле кровати тумбочку, медленно выдохнула и, осторожно отпустив ее, сделала аккуратный шаг вперед. Мир как будто более не собирался возмущаться ее действиями, и девушка, порядком повеселев, поспешила скрыться за ширмой, где ее ожидало одно из платьев несчастной, убитой Романом, но, в сущности, загубленной Альбертом, чья персона, хоть и стала немного отчетливее, все еще продолжала таить загадку, Мари. Переоделась она, к собственному удивлению, весьма быстро и ловко и, даже ухитрившись самостоятельно затянуть неудобный корсет, осторожно, переставляя ноги как можно более бесшумно, направилась к двери, ведущей в коридор, с тем, чтобы, пользуясь отсутствием кого-либо из «тюремщиков» немного размяться, прогулявшись по нему.

Тиона, все это время пристально наблюдавшая за ее действиями, легко соскользнула с кровати и, выражая готовность сопровождать хозяйку, самоотверженно бросилась ей под ноги. Девушка, чудом удержавшись на ногах, тихонько вздохнула и, старательно обходя элегантно переставляющую свои четыре лапы и небрежно помахивающую хвостом, кошку, наконец добралась до ведущей в коридор двери, решительно распахивая ее.

Признаться, как будет пробираться в темноте, напавшая под ногами пол, а под руками стену, она представляла довольно слабо, однако вопрос этот решился сам собой. Обычно темный, абсолютно невидимый во мраке коридор, сейчас был залит светом. Разумеется, сравнить его освещение с тем, какое могли бы дать современные электрические приборы, было нельзя, однако большие люстры, странной формы, более напоминающие собою колесо, все усыпанные свечами, и несколько факелов по стенам, озаряющих, должно быть, особенно темные участки, давали вполне довольно света, чтобы по коридору можно было передвигаться, не спотыкаясь в темноте.

Абсолютно не ожидавшая такого Татьяна растерянно замерла на пороге, не решаясь сделать шаг вперед. На какое-то мгновение ей почудилось, что открыв дверь, ведущую прочь из отведенной ей комнаты, она совершенно случайно, решительно непонятным образом, ухитри-

лась выйти в другой коридор, не в тот, что вел к гостиной замка Нормонд. Да и полноте, в этом ли замке она уже находилась?

Откуда-то с пола раздалось возмущенное мяуканье, и девушка, машинально переведя взгляд ниже, увидела, как ее любимица, уверенно прошагав расстояние, равное, наверное, шагам десяти человеческим, стоит с недовольным видом и выжидающе созерцает застывшую, аки статуя, хозяйку. Татьяна задумчиво укусила себя за губу. Тio, судя по всему, в этом странном месте ощущала себя просто прекрасно и, вероятно, вполне признавала его родным. Чутье же кошки, прожившей в замке больше трех столетий, и явно успевшей изучить все его запахи, определенно вызывало доверие.

– Ну, если ты в этом уверена... – чуть слышно, памятуя об остром слухе всей, проживающей кроме нее здесь, троицы, бормотнула девушка и, не задерживая любимицу дольше, решительно шагнула вперед.

На сей раз путь от своей комнаты до гостиной она преодолела, пожалуй, в рекордные сроки. Ноги ступали по освещенным плитам пола, оказавшимся на удивление ровными, чего Татьяна решительно от них не ожидала, легко и уверенно; мир вокруг, приободренный ровностью и спокойствием движений, не предпринимал даже попыток пошатнуться, посему прошло, должно быть, не более минут пяти, а может быть, и четырех, прежде, чем девушка, поднявшись по так же хорошо освещенным ступеням лесенки, аккуратно открыла дверь гостиной.

Эрик, сидящий за столом, услышав тихий скрип распахивающейся створки, удивленно поднял голову. Татьяна, обнаружившая в гостиной помимо молодого графа, на чью милость еще могла рассчитывать, еще двух из упомянутой троицы, сдержала обреченный вздох и виновато улыбнулась.

– Всем привет, – неловко произнесла она и, от чего-то не решаясь приблизиться к столу, остановилась практически возле двери, неуверенно выпуская ее ручку. Кошка, в отличие от хозяйки не испытывающая угрызений совести, чинно прошествовала вперед и без каких-либо церемоний запрыгнула на стол.

– Брысь, насекомое, – недовольно отреагировал Роман и, отодвинувшись от стола вместе со стулом, претенциозно воззрился на девушку.

Винсент, сидящий рядом с ним, скрестил руки на груди и, явно повторяя один из любимых трюков виконта, уперся ногой в столешницу. Татьяна, машинально отметив для себя этот факт, тихо вздохнула, медленно переводя взгляд на хранителя памяти и невольно замерла, даже приоткрыв рот от удивления. Винсент, которого до сей поры ей приходилось видеть лишь в набедренной повязке, сооруженной из ее собственной кофты, а позже в средневековом костюме, сшитом явно не по его размеру, ныне казался едва ли не ожившей девичьей мечтой. Средневековый абй, как и рубашка под ним, сейчас были сменены на абсолютно современную, плотно облегающую его атлетический торс, футболку темно-серого цвета, с каким-то невнятным рисунком на груди; на смену кюлотам и чулкам пришли обычные темно-синие джинсы, достаточно красиво обрисовывающие ноги и лишь подчеркивающие общий спортивный силуэт фигуры; волосы же мужчины, в отличие от все того же восемнадцатого века, сейчас отнюдь не были собраны и, разметавшись в художественном беспорядке по плечам, добавляли ему какого-то неизъяснимого, загадочного, и от того еще более притягательного, очарования.

Рассматривающая писаного красавца, в которого столь внезапно превратился дикарь из подвала, приоткрыв рот, девушка поспешила его закрыть и восхищенно выдохнула.

– Винс, ты выглядишь... – она развела руки в стороны, подыскивая нужное слово, но не нашла его, посему выпалила первое, что пришло на ум, – Потрясно.

Хранитель памяти, который, очевидно, по позаимствованной у кошачьих привычке, к своей персоне относился довольно трепетно, на комплимент почему-то не отреагировал.

– Не подлизывайся, – хмуро произнес он, мрачно глядя на собеседницу, – Зачем ты встала?

– Мне следовало приползти сюда? – ехидно поинтересовалась в ответ Татьяна, по его примеру скрешивая на груди руки, – В следующий раз так и сделаю, не сомневайся.

– Я серьезно, – последовал недовольный ответ, – Если кто-то не умеет приземляться на ноги...

– То он должен лежать на спине, – вставил Роман, – Тихо, молча и ответственно. Где твоя ответственность, а? Срочно покажи мне ее!

– Она лежит, – лениво огрызнулась девушка и, надеясь встретить хоть каплю сочувствия, перевела взгляд на пока что безмолвствующего графа де Нормонд. Тот, заметив это, усмехнулся.

– Ты ищешь у меня поддержки? – вежливо осведомился он, чуть склоняя голову на бок, – Не ищи. Они, – он указал в сторону брата и друга, – Абсолютно правы. Тебе следовало бы отдыхать.

– Они, – недовольно отреагировала Татьяна, – Как я погляжу, вообще уже спелись. Конечно, хорошо дружить против бедной, обиженной мостовой, девушки... Винс, а я вот не знала, что кошки так запросто ладят с людьми. Разве в пампасах твои сородичи не живут по одиночке?

– Твое место в постели, женщина, – фыркнул в ответ явно обиженный насмерть мужчина, – Вот иди и...

Продолжить фразу ему не позволил громкий хохот виконта де Нормонд. Винсент, очевидно, не понявший сразу ни этого смеха, ни собственной двусмысленной фразы, внезапно осознал ее и, даже немного порозовев, пихнул заливающегося юношу в плечо, чуть не столкнув его со стула.

– Только бы поржать над умным человеком!

Роман, удержавшийся на стуле лишь благодаря какому-то невероятному чуду, ибо толчок в плечо был довольно сильным, после этой фразы просто застонал от смеха.

– Умным... Ой, не могу... Хоть бы думал иногда, а то... Умным!

Эрик наигранно вздохнул и закусил губу, сам явно пытаясь скрыть смех. Татьяна же, удовлетворенная наконец разрядившейся обстановкой, решила все же соблюсти предписанный режим хоть отчасти и, прошествовав к столу, чинно уселась на один из стульев возле него. В таком положении ей сразу же стало как-то спокойнее и удобнее, и девушка, внимание которой уже давно смутно царапало что-то, скрытое в окружающей обстановке, заинтересованно огляделась.

Солнечный луч, скользнув в окно, осветил собою большую часть помещения, давая возможность ей как следует рассмотреть его. Только что изумлявшаяся изменениям в облике Винсента, девушка вновь приоткрыла рот.

Обычно пыльная, серая даже в свете солнечного дня, гостиная сейчас потрясла воображение. Обои на стенах, вернее, какая-то атласная ткань, коей они были обиты, поблескивала на солнце; столешница, возле которой сейчас притулилась Татьяна, сверкала едва ли не ярче люстр в бальном зале во времена проведения там последнего бала, слепила глаза, отражая пронзительный и яркий свет. Не в силах долго выносить этого сияния, девушка предпочла обратить внимание на другие предметы интерьера этой комнаты и, надо сказать, отнюдь не осталась разочарована.

Во всей гостиной, похоже, нельзя было бы найти и пылинки; шторы на окнах, не то выстиранные, не то обработанные пылесосом, не то просто хорошенько выбитые, поражали своей чистотой, скрытые же ими окна заслуживали особенного внимания. Абсолютно целые, без единой трещинки, чистые, светлые окна с изысканными, оригинальными и задевающими за живое душу, витражами, заставили Татьяну, недоверчиво приподнявшись на стуле, вцепиться в его спинку, забывая обо всем. Глянув мельком в сторону камина, она отметила, что пыли нет и на нем, обратила внимание на взявшиеся неизвестно откуда свежие дрова и, заметив оставшуюся

в самом уголке паутины, вздохнула с некоторым облегчением. Абсолютная красота, нескончаемое торжество прекрасного, как она успела выяснить еще на балу, было вполне способно утешить взгляд и он, зацепившись за хотя бы малейшее несовершенство, откровенно отдыхал.

Роман с Винсентом продолжали самозабвенно спорить, похоже, уже вообще забыв и о том, где находятся, и о том, что кроме них в гостиной есть кто-то еще. Эрик, поначалу совершенно не обращавший внимания на эту перепалку и с интересом наблюдавший за реакцией девушки на приобретающую куда как более цивилизованный вид гостиную, в конце концов не выдержал.

– Тише, – довольно вежливо попросил он, однако же, услышан не был. Спорщики, говорящие уже о вещах трудноопределимых, по прежнему не замечали вокруг никого и ничего, посему просьбу графа оставили совершенно без внимания. Блондин негромко вздохнул и, сдвинув брови, добавил децибел в голос.

– Тихо!

На сей раз его призыв достиг ушей спорщиков, и в гостиной сразу же воцарилась удивленная тишина. Роман и Винсент, недоуменно переглянувшись, воззрились на хозяина замка с абсолютно идентичным непониманием и изумлением на лицах.

– А ты что такой нервный, братец? – крайне вежливо и демонстративно тихо осведомился юноша и, провокационно улыбнувшись, добавил, – Валерьяночку у котика не отобрал? И вообще, я думал, что головой тут долго и упорно бился кое-кто другой... Ей бы я нервозность еще простил. С натяжкой.

Татьяна, оскорбившись не меньше, чем Винсент на шутки про котиков, и за самое себя, и за свою нервозность, недовольно дернула головой, раздраженно фыркая.

– Я убью тебя, и суд меня оправдает!

Тиона, успевшая улечься на столе, согласно мяукнула. Похоже было, что в случае разбирательства в суде кошечка заранее соглашалась быть свидетелем защиты, всячески поддерживая хозяйку.

– Конечно, оправдает, – Роман, почему-то совершенно не обиженный на эту угрозу, невозмутимо пожал плечами, – Тем, у кого проблемы с головой вообще готовы простить все, даже самую большую гадость... Мир не справедлив!

– А суд тем более, – широко ухмыляясь, добавил Винсент и, подмигнув виконту, хлопнул его по подставленной ладони. Татьяна, увидев это, недовольно надулась.

– Вот говорила же, что спелась. Все бы лишь бы...

Чем должна была завершиться эта фраза никто из присутствующих, включая и саму девушку, мигом забывшую, что же она хотела сказать, так и не узнал.

Мирное и дружелюбное течение беседы было прервано гулко разнесшимися, похоже, по всему первому этажу замка, тремя размеренными ударами во входную дверь.

Роман с Винсентом, тотчас же оставившие любые попытки спорить или, тем более, обижать и без того обиженную жестоким камнем мостовой, девушку, одновременно повернули головы в сторону холла. Татьяна не преминула последовать их примеру.

Один только Эрик, предпочитающий, как обычно, выделяться из общей массы, а не иметь отношение к ней, перевел вопросительный взгляд на младшего брата.

– Ты кого-нибудь ждешь? – с деланным безразличием, за которым угадывалась некоторая толика напряжения, поинтересовался он. Виконт отрицательно качнул головой.

– Мои друзья не столь безумны, чтобы тащиться в такую даль, пусть даже и ради меня, – сообщил он, все так же не меняя направление своего взора, – Да и не настолько наглы, чтобы вот так по-хамски колотить в дверь.

– Я тоже никого не жду! – поспешил вставить хранитель памяти, не дожидаясь, пока внимание молодого графа переключится на него. Тот факт, что к нему в принципе вряд ли мог бы кто-то заявиться в гости, в расчет явно не принимался.

– И я! – Татьяна, стараясь не отставать от большинства, попыталась выпрямиться на стуле и, спеша перевести стрелки, подозрительно прищурилась, обращаясь к поднимающемуся на ноги блондину, – А ты?

Эрик тонко и загадочно улыбнулся.

– А вот это я намереваюсь выяснить, – спокойно сообщил он и, то ли не желая более отвечать ни на какие вопросы, то ли желая поскорее выяснить, кто же пожаловал к его скромной обители, решительно направился в сторону холла. Винсент, не желая отставать от него, моментально опустил ногу, коей до сих пор упирался в столешницу и стремительно вскочил, едва не сбив тоже начавшего, было, подниматься, виконта. Последний, плюхнувшись обратно на стул, мигом вознегодовал и, тоже вскочив, несильно пихнул хранителя памяти кулаком в плечо.

– Мог бы и поаккуратнее, мамонт!

Мужчина, как и следовало ожидать от мамонта, на тычок не прореагировал, возможно, и вовсе его не заметив, зато моментально возмутился таким к нему обращением.

– Я лев! – недовольно и даже обиженно заявил он и, демонстративно повернувшись к обидчику затылком, деловито зашагал в сторону выхода из гостиной.

– Можно подумать, что есть какая-то разница, – фыркнул Роман и, бросив взгляд на направляющуюся в ту же сторону девушку, шагающую, конечно, на порядок медленнее, чем он сам или же хранитель памяти, сладко улыбнулся, – Тебя подтолкнуть?

Татьяна, к этому времени уже практически добравшаяся до дверей, недовольно обернулась.

– Чтобы у меня еще одно сотрясение организовалось? – сумрачно осведомилась она и, решительно качнув головой, уточнила ответ, который юноша, в силу своего характера, мог вполне истолковать превратно, – Нет, уж, спасибо, я пока обойдусь и одним.

– Такое чувство, что в этом замке меня считают каким-то ужасным злодеем, – недовольно отреагировал молодой человек и, легко догнав собеседницу, оттеснил ее плечом, выходя в холл первым, – А между тем, я добрый, милый, ласковый и даже местами наивный! Тебе еще не стыдно? Тогда продолжим, когда устыдишься, – и, завершив сие порицание, он легко и ловко оперся одной рукой о балюстраду, перемахивая через нее.

Девушка, пронаблюдавшая эту демонстрацию ловкости и силы с чувством той же зависти, что испытала в прошлом, глядя как хранитель памяти перепрыгивает через заборчик, закусила губу. Сама бы она вряд ли сумела повторить подобный трюк в силу сразу двух причин, одной из которых и, пожалуй, самой важной, являлась не вылеченная до конца голова. Второй причиной, тоже довольно весомо препятствующей выполнению акробатических упражнений, было средневековое платье, немного не предназначенное для этого. Впрочем, даже если бы указанные помехи отсутствовали, сейчас упражняться в ловкости было решительно не время.

– Ну, и что за наглость колотится к нам в двери? – Роман, за время, потраченное девушкой на размышления о невозможности совершения спортивных упражнений, уже успевший приблизиться к замершему возле дверей брату, насмешливо оперся локтем на пока еще запертую створку.

Эрик, по сию пору внимательно прислушивавшийся к чему-то за пределами замка, переведя взгляд на младшего брата, неожиданно улыбнулся.

– Я не знаю, – спокойно произнес он, – Разве ты не слышишь?

– Не слышу, – сразу же сообщил юноша, явно не утруждая себя попытками прислушаться, – А что, разве должен что-то слышать? Может, я вообще глухой? А ты, как старший брат, обязан заботиться обо мне, и...

– Роман, мне не до шуток, – прервал молодого человека заботливый старший брат, – Вслушайся.

Виконт обреченно вздохнул и, закрыв глаза, демонстративно прильнул ухом к двери. Потекли мгновения, сменяющиеся минутами. В воцарившейся в холле (к слову, тоже сияющем чистотой и поражающим своим великолепием) атмосфере ничего не менялось, лишь воздух, казалось, становился все тяжелее с каждой прошедшей секундой. В конце концов Роман медленно отстранился от двери и непонимающе воззрился на старшего брата. Лицо его было мрачно.

– Невозможно... – пробормотал он и снова примкнул ухом к деревянной створке, – Как такое может быть?

Девушка, в целях сохранения самой себя и своей головы в целом и здоровом состоянии, присевшая на стул, по-прежнему остающийся на своем месте, заинтересованно подалась вперед.

– Что не может быть? – она попыталась прислушаться сама, но ничего не услышала, посему предпочла уточнить, – Что ты там услышал? Мне кажется, там тихо...

– В том-то и дело, – голос молодого виконта прозвучал неожиданно резко, и Татьяна, теперь напротив, отпрянувшая назад, прижалась к спинке стула, – Ты не слышишь ничего, я не слышу ничего, Эрик тоже, Винс... – здесь он замялся и вопросительно глянул на остановившегося возле стола хранителя памяти. Тот развел руками.

– Ничего, – и, перехватывая эстафетную палочку, принялся объяснять, – Мы находимся в лесу, Татьяна. Вокруг нас бегают, прыгают, чирикают и жужжит живая природа. Однако никто из нас не слышит ни единого признака ее жизни, понимаешь? Судя по тишине, можно сделать вывод, что или окружающий мир внезапно вымер, или... – он замолчал, в раздумье кусая губу.

Эрик, до сего мига слушавший объяснения хранителя памяти вполуха, живо обернулся к нему.

– Или что?

Винсент слегка вздохнул. На лице его отразилось явное омерзение, не то к собственным словам, не то к смыслу, что приходилось в них вкладывать.

– Или к нам в гости пожаловал маг, – нехотя проговорил он, – Очень и очень сильный маг. Мне, правда, не доводилось с таким сталкиваться, это только предположение, так что я не знаю, кто...

– Зато, кажется, знаю я, – медленно проговорил виконт де Нормонд, решительно прерывая говорящего, – И, если вы подумаете, тоже догадаетесь.

Хозяин замка тихонько вздохнул и снова повернулся к двери.

– Ты думаешь, это он?

Юноша невесело усмехнулся и сделал приглашающий жест в сторону выхода.

– Давай посмотрим. Предоставляю честь сделать это первым тебе.

Эрик еле заметно улыбнулся, давая понять, что шутку понял и даже оценил и, протянув руку, решительно толкнул тяжелую створу, распахивая ее практически настежь...

***

Вся площадка перед замком была ярко освещена. Солнце, сливочно-желтое, тая в небесах, разливало свой свет, словно расплавленное масло, топя в нем всю округу. Небо, шелково-синее, без единого облачка, казалось, светило само по себе и, смешивая свой белоголубоватый свет с масляным солнцем, как будто отражалось в траве, устилающей собою холм, непостижимым образом окрашивая ее в ослепительно-изумрудный цвет.

Легкий ветерок, беззвучно шевеля зеленую поросль, заставлял ее переливаться волнами, так похожими на морские, что тянуло окунуться в них и, забывшись в изумрудной прохладе, закрыть глаза, расслабляясь, качаясь, словно шлюпка, в этом невероятном прибое.

Где-то возле края открытой площадки, почти на склоне холма, приминая собой невероятный бархат травы, стоял тяжелый мотоцикл. Солнце, отблескивая на его красных, отполи-

рованных боках, слепило случайный взгляд, мешая изучить железного коня и стоящего возле него человека более подробно. Впрочем, внимания на них никто и не обращал, глянув лишь мельком.

Ближе к замку, в сливочном свете солнца кажущемуся удивительно уютным, каким-то умиротворенным и успокаивающим, стоял еще один человек. Он стоял в одиночестве, немного поодаль, словно стараясь подчеркнуть свою непричастность к происходящему, и выглядел непривычно бледным, казался больным. Кожа его, сейчас бывшая практически фарфорового цвета, словно не замечала сладкого тепла солнечных лучей, не согревалась ими и даже ничуть не окрашивалась; кое-где на ней, выделенные и подчеркнутые безжалостным светом, отчетливо проступали темные, синие, почти черные пятна. Нос его, как будто вдавленный внутрь черепа, все еще оставался немного припухшим, и мужчина, иногда энергично им шмыгая, периодически недовольно потирал его. Не взирая на царящую вокруг июльскую жару, он выглядел замерзшим и, изредка не выдерживая дуновений теплого ветерка, обхватывал себя руками.

Впрочем, Владислав, узнаваемый скорее по мотоциклу, и Ричард, кажущийся выходцем из больницы, были отнюдь не единственными, кто присутствовал сейчас на площадке перед замком. Между ними, прямо напротив входных дверей и, соответственно, напротив вышедших на улицу обитателей замка, стоял еще один человек.

Эрик слегка склонил голову набок.

– Какой неожиданный визит, – голос молодого графа, за последнюю неделю, казалось, вернувший былую живость, сейчас вновь поражал тем же холодом, что и в первый день знакомства девушки с ним.

– Что же в нем неожиданного? – ответил ему кто-то, пока невидимый для Татьяны, но, вероятно, до крайности удивленный словами собеседника, – Разве Ричард не предупреждал, что я мечтаю о встрече с родными?

Ричард при этих словах недовольно шмыгнул носом и, передернув плечами, вновь зябко обнял себя обеими руками. Винсент, до сей поры стоявший возле стола, почти рядом с сидящей на стуле девушкой, нахмурился и решительно прошествовал к двери. Там он остановился, не покидая толком замок, а лишь прислоняясь плечом к дверному косяку и тем самым перекрывая все еще остающейся в замке Татьяне обзор даже на тот маленький кусочек природы, что прежде был ей виден.

– Мы ожидали тебя немного раньше, – Роман, медленно втянув воздух, упер руки в бока и, все же не в силах удержаться от шуток, насмешливо добавил, – Где же ты заплутал, дядя? Мы уж и пирог праздничный съесть успели.

– Неужели не испечете для меня новый? – незнакомец, похоже, искренне расстроившийся, грустно вздохнул, – А я так надеялся посидеть, поболтать за чашечкой чая о делах давно минувших дней...

– Каких именно делах? – граф де Нормонд, похоже, держащий себя в руках с определенным трудом, сделал шаг вперед, – О том, как ты велел своим цепным псам, – он бросил мгновенный взгляд в сторону оборотня, однако сейчас тот при всем желании не мог вызвать ничего, кроме жалости, посему блондин предпочел вновь обратиться к собеседнику, – Убить огромное количество ни в чем не повинных людей?

– Или о том, как травил нас, – вставил Роман, тоже шагая вперед, – Посыпая пищу всякого рода «пряностями»?

– А может быть, о бедной горничной, которой ты зачем-то отдал кулон? – добавил Винсент и, не желая оставаться в стороне, тоже сделал несколько шагов вперед, – Или о своей способности открывать двери в пространстве, ведущие напрямик из замка на улицы Парижа?

Невидимый девушке мужчина негромко, коротко рассмеялся.

– Похоже, последний вопрос особенно занимает тебя, не так ли, Винсент? – в мягком, бархатистом его голосе послышалась улыбка, и Татьяна насторожилась. Что-то было в речи незнакомца знакомое, что-то цепляло ее внимание, однако, определить однозначно, что же это, пока не получалось. Тем не менее, девушка, пользуясь тем, что внимание всех защитников замка отвлечено от нее, не преминула подняться на ноги и сделать несколько бесшумных шагов к двери.

– Похоже, для тебя не новость то, что он занимает меня, – тем временем в тон собеседнику ответил хранитель памяти и, сдерживая раздражение, вероятно, вызванное одним лишь только лицезрением этого мужчины, скрестил руки на груди.

– Ах, как мне неприятно твое поведение сейчас, – с явно патетичными нотками ответил незнакомец и грустно вздохнул, – Мы с тобой никогда не были даже представлены друг другу, а ты питаешь ко мне столь яростную неприязнь... Чем же я заслужил ее?

Татьяна, успевшая за это время незаметно приблизиться к двери, услышав первую фразу, вцепилась в косяк. Слова были ей знакомы, тон, которым они были произнесены – тоже, однако, верить собственным ушам сейчас категорически не хотелось.

– Этого не может быть... – пробормотала она, абсолютно забывая сейчас об остром слухе, вероятно, всех, кто собрался перед замком и, выйдя наружу, уцепилась за внешнюю стену, делая вдоль нее неуверенный шаг вперед.

Собеседники, занятые собственными словами, мыслями, чувствами и переживаниями, даже не услышали ее. Один только Ричард, вероятно, не обращающий на беседу особенного внимания, настороженно приподнял голову и устремил напряженный взгляд за спины защитников замка.

– Я даже не знаю, – насмешливо фыркнул между тем Винсент, не сводящий взгляда с собеседника, – Может быть, дело в том, что ты убил много ни в чем не повинных людей? Или в том, что испортил жизнь моим друзьям? Впрочем, если ты потерпишь, я найду еще причины.

Ответ на эти слова, если он и был запланирован, так и не прозвучал, перебитый неожиданным явлением девушки на всеобщее обозрение.

Последняя, пользуясь тем, что небольшая речь хранителя памяти отвлекла на себя внимание всех присутствующих, медленно и уверенно продвигалась вперед, стараясь как можно более незаметно выглянуть из-за спины стоящего слева от главного входа Романа. Однако, планы ее, вместе с надеждами скрыть свое присутствие или, в крайнем случае, сделать его более незаметным, благополучно разбились вдребезги о... траву. Запнувшись за что-то, в ней невидимое, Татьяна, изо всех сил стараясь сохранить облик изящества, соответствующий как ее наряду, так и самому ее проживанию в столь элегантно месте, сделала несколько заплетающихся шагов, отчаянно стараясь устоять на ногах, но, подведенная внезапно закружившейся в последнее мгновение головой, грациозно плюхнулась на колени в самом, что ни на есть, видном месте, представая взглядам одновременно и «своих» и пожаловавших к их дверям незваных гостей.

На несколько секунд на поляне перед замком воцарилась тишина. Эрик, Роман и Винсент, ошеломленные столь внезапным появлением девушки, явственно не находились не только, что сказать, но и что сделать, как вообще реагировать на это; Ричард на миг сжал губы и со вздохом опустил взгляд; Влад и вовсе предпочитал демонстрировать всем видом свою непричастность к происходящему. Один лишь мужчина, чье имя, хоть и не вызывало сомнений ни у кого из обитателей замка и, уж тем более, у пришедших с ним людей, но, тем не менее, до сих пор не было произнесено вслух, взирал на девушку с мягкой, почти отеческой, улыбкой. Однако... почти ли?

Татьяна подняла голову и, встретившись взглядом с неизвестным, представляющим собою явно главаря пожаловавшей к ним шайки, застыла. Еще несколько мгновений прошло

в абсолютной тишине; девушка, сжав руками траву, на которую в данный момент опиралась, напряженно старалась произнести что-то. Наконец ей это удалось.

– О... отец?... – пролепетала она, и холм, по сию пору накрытый ковром безмолвия, словно вздрогнул, разгоняя наложенную на него чарами тишину. Взгляды всех присутствующих немедленно обратились к продолжающей стоять на четвереньках, и выглядящей при этом абсолютно ошеломленной, не взирая на недавно посетившее ее подозрительное озарение, Татьяне.

Ричард, только, было, опутивший взгляд, рывком вскинул голову, взирая на девушку расширившимися от изумления и недоверия глазами.

Влад стиснул руль мотоцикла.

Роман, как раз собиравшийся помочь девушке подняться на ноги, замер, чуть склонившись к ней и протянув руку; Винсент и Эрик, переглянувшись, просто сверлили ее взглядами, почему-то не пытаясь произнести ни слова.

Один лишь мужчина, к которому, собственно, и обращалась Татьяна, продолжал сохранять на своем лице мягкую улыбку, выглядя исключительно приветливо и доброжелательно.

– Ну, разумеется, – спокойно отвечивал он, не дожидаясь, пока минует порожденный изумлением шок, – Я рад нашей встрече, дочка. Все гадал, когда же ты появишься... Мы давно не виделись, признаюсь, я скучал.

– Так скучал, что не удосужился подать о себе и весточки за прошедшие годы, – девушка, постепенно приходящая в себя, ухватила за руку по-прежнему ошарашенного виконта и, немного принуждая его к помощи, поднялась на ноги. Взгляд ее, направленный на мужчину, был мрачен. Тот виновато развел руками.

– Я был немного занят, дорогая моя. Однако, мне кажется, эти вопросы сейчас обсуждать несколько не ко времени...

– Ты изменился, – тихо произнесла в ответ Татьяна, абсолютно игнорируя обращенные к ней слова. Взор ее, по-прежнему совершенно не веселый и не отражающий радости родственной встречи, внимательно изучал фигуру родителя и его лицо.

А посмотреть было на что. Говоря об изменении, постигшем ее отца, Татьяна отнюдь не шутила – вопреки ожиданиям встретить если не дряхлого, то, уж во всяком случае, пожилого человека, сейчас она смотрела на, если не юного, то уж точно и не старого мужчину, статного, высокого и, должно быть, весьма привлекательного для противоположного пола. Сильные, широкие плечи его были плотно обтянуты тонкой белой тканью рубашки, чей расстегнутый ворот позволял лицезреть красивую, не менее сильную шею. Закатанные до локтей рукава открывали взгляду крепкие руки с длинными, тонкими, изящными пальцами музыканта. На одном из пальцев девушка заметила массивный, тяжелый перстень, украшенный крупным черным камнем, однако, заметила его мельком, не заостряя внимания на этом украшении, на руке мужчины смотрящемся более, чем органично.

Яркие джинсы, с вытертыми по последнему писку моды коленями, ловко сидели на узких бедрах, подчеркивая длинные и стройные ноги; зеленую траву приминали светлые, весьма элегантные, явно дорогие ботинки.

Одним словом, перед опешившей от неожиданной встречи девушкой, стоял красивый, прекрасно сложенный, еще вполне молодой мужчина, казалось, просто органически не могущий иметь в жизненном анамнезе взрослую дочь.

И, тем не менее, дочь эта в наличии имела и, стоя сейчас перед родителем, созерцала его с молчаливым недоверием.

Мужчина некоторое время позволял это, не прекращая очаровательно улыбаться, но в конце концов не выдержал.

– Надеюсь, осмотр удовлетворил тебя? – он чуть склонил голову набок, подставляя одну часть лица солнцу, и оно сверкнуло искоркой на маленькой сережке-гвоздике в его левом ухе, –

Должен тебе сказать, Татьяна, что, как это не прискорбно, но столь пристально разглядывать кого бы то ни было, пусть даже и родного человека, довольно неприлично.

Девушка, уличенная в пристальном изучении родителя, невольно смутилась и, краснея, попыталась скрыть это:

– Должна тебе сказать, что человек, где-то пропадавший больше десяти лет, уже не имеет права называть себя родным!

– Какие глупости, – мужчина, совершенно не обиженный, мягко улыбнулся, словно наблюдающий за проказами неразумного пока еще ребенка, родитель, – Кровь не вода, дитя мое, она гораздо гуще, и ты это знаешь.

Ричард при этих словах почему-то вздрогнул и, быстро глянув на говорящего, потер лоб, будто пытаясь справиться с неожиданной болью или же надеясь вспомнить что-то. Никто из присутствующих, включая и увлеченную общением с отцом, Татьяну, этого не заметил.

– В любом случае, – продолжал между тем мужчина, – Сейчас не время обсуждать это. Я обещаю, что вскоре мы с тобой спокойно побеседуем, а пока... – заметив, что девушка собирается возразить, он предупреждающе поднял руку, – Не спорь, Татьяна. Ты с трудом держишься на ногах, а я не такой деспот, чтобы мучить тебя, – темные глаза под густыми бровями при этих словах загадочно сверкнули, – Обещаю, что найду минутку для того, чтобы пообщаться с тобой, дочь моя. Поверь, я и сам очень желаю этого... – взгляд мужчины быстро скользнул от шеи девушки к ее руке и тотчас же вновь вернулся к лицу. Красивые, чувственные губы его растянулись в ласковой, просящей улыбке.

– Роман... – обратился он к поддерживающему Татьяну виконту, – Не будешь ли ты столь любезен проводить свою сестренку в замок? Не думаю, что стоит долее утруждать ее.

Юноша, до сих пор выполнявший разве что роль столба, или трости, на которую опиралась девушка, от прямого обращения к нему явственно помрачнел и, сдвинув брови, безразлично воззрился на собеседника.

– Интересно, с каких это пор у тебя появилось право указывать мне?

– Полагаю, с тех самых, когда ты появился на свет моим племянником, – с тихим смехом отвечивал мужчина. Виконт фыркнул и уже явно хотел, было, возразить что-то еще, наверняка достаточно язвительное и уничижающее, такое, чтобы навсегда отбить у собеседника охоту приказывать, но голос брата, прозвучавший странно устало, помешал ему.

– Роман... – проговорил он, переведя взгляд на того, к кому обращался, – Прошу тебя, отведи ее в замок.

Юноша глянул на брата и насмешливо изогнул бровь.

– Я смотрю, желание приказывать мне передается по наследству, – не удержался он от комментария и, вероятно, хотел добавить что-то еще, однако внимание его неожиданно обратилось к поддерживаемой им девушке, и виконт нахмурился. Татьяна, отчаянно стараясь придать себе вид категорической уверенности и абсолютного здоровья, пошатывалась, словно тонкое деревце во время урагана и цеплялась за молодого человека крайне отчаянно.

Роман тихонько вздохнул и, решительным жестом обхватив ее за плечи, уверенно повлек в замок.

Татьяна подчинилась, даже не пытаясь воспротивиться. Впрочем, она, после встречи с родителем, да и на общем фоне не вылеченной до конца болезни, вообще ощущала себя довольно неадекватно, и сразу сообразить, как необходимо реагировать, не могла.

Однако, оказавшись в холле и завидев знакомый до боли стул, с которого сама не так давно поднималась, девушка насторожилась. Картинки, доселе сменяющие друг друга в весьма хаотичном порядке, наконец выстроились в ее сознании в единую цепь, помогая осознать происходящее, и Татьяна попыталась вывернуться из цепко и уверенно держащих ее рук молодого интанта.

– Я же могу и там... – попробовала возразить она, однако, наткнувшись на исполненный насмешливого сочувствия взгляд виконта, замолчала, выражая свое мнение одним лишь негромким вздохом.

– Не могла бы, – тем не менее, не преминул ответить ей Роман, почти насильно усаживая бедную больную на стул. Завершив же сие действие, он грозно воздел указательный палец и, нахмурившись, строго добавил:

– Сиди тихо и спокойно. С нашим общим родственником мы и без помехи в твоём лице вполне справимся.

– Спасибо на добром слове, – честно попыталась обидеться девушка, однако, собеседник не прореагировал. Он вообще, похоже, не придавал особенного значения словам утомленной событиями и недомоганием девушки, посему обращать на них внимание должным отнюдь не считал, уже вовсю направляясь быстрым шагом к дверям.

Девушка осталась в замке. Впрочем, ничего другого ей и не оставалось, – вряд ли самоотверженно защищающие замок (хотя в данный момент они просто стояли у его порога) молодые люди выпустили бы ее продолжить общение с блудным родителем. Да и мысли ее были заняты сейчас вещами куда как более важными, с ее точки зрения, и более грустными.

Слова Романа об «общем родственнике», брошенные им, вероятнее всего, безо всякого умысла, оставили в душе Татьяны неизгладимый след. Ведь нельзя было оспорить это, понадеявшись на ложь, – стоящий перед замком мужчина, чьего визита они совсем недавно так опасались, действительно состоял в родстве и с ней и с обоими братьями де Нормонд. А это могло означать лишь одно, – надеждам и планам на будущую совместную жизнь с Эриком пришел конец. Ведь не может же, в самом деле, она продолжать отношения с собственным братом! Правда, в прошлом Винсент со смехом утверждал, что коли она приходится ему «кузиной», то им никто не запрещает пожениться, но...

Додумать девушка, отвлеченная продолжающимся разговором, не успела, да и не особенно горела желанием заканчивать эти размышления. Вывод в их конце предстоял явно не утешительный.

– Зачем ты пришел? – граф де Нормонд, не дожидаясь, пока вернется брат, сдвинул брови, взирая на стоящего перед ним мужчину с, пожалуй, всей испытываемой им антипатией. Тот удивленно развел руками.

– Разве ты не веришь, что я просто соскучился и возжелал испытать крепость родственных объятий?

Молодой граф насмешливо приподнял уголок губ, очевидно, пытаясь изобразить усмешку. Усмешка в его исполнении получилась довольно холодной, а с некоторых позиций даже и равнодушной, что, вероятно, должно было помочь произвести на собеседника как можно большее впечатление.

– Нет, я не верю, – до удивительного спокойно, сдерживая бушующую внутри ярость, ответил он. Мужчина грустно вздохнул.

– Как быстро растут дети... А ведь я помню времена, когда ты верил всему, и верил беспрекословно! Куда же делся тот маленький мальчик, мой доверчивый племянник?

– Был убит три сотни лет назад по твоему приказу, – на сей раз голос молодого человека прозвучал приглушенно, и Винсент, предпочитая вызвать огонь на себя, сделал шаг вперед, вставая так, чтобы отчасти прикрывать экс-хозяина собой.

– Тебе задали вопрос, Альберт, – голос хранителя памяти звучал не менее холодно, но, пожалуй, куда как более резко, нежели голос хозяина замка, – Или ты все еще надеешься на родственную удавку?

– Родственную? – Альберт ухмыльнулся и, демонстрируя пренебрежение к собеседнику, чуть отставил ногу в сторону, пожимая плечами, – С тобой мы не родственники, Винсент, и я этому чрезвычайно рад.

– Ты что, под дурачка закосить пытаешься? – Роман, вышедший из замка и обошедший слегка поникшего брата вместе с хранителем памяти, встал рядом с последним, – Тебя уже третий раз спрашивают – за каким лохматым пнем ты заявился к нам в гости? Учти, чая нет, весь выпили.

– Пирога нет, чая тоже... – мужчина демонстративно погрузился, но глянув на решительно настроенного собеседника, продолжать спектакль не стал, – Ах, и почему молодежь стала столь нетерпима к старшим? – он патетически закатил глаза и, вновь переведя взгляд на племянника, продолжил, – Неужели старый человек должен отказывать себе в радости общения с родственниками?

– Обязан, – не преминул подтвердить юноша и, недовольно нахмурившись, скрестил руки на груди, – Слушай, старый человек, тебя не учили, что трепать родственникам нервы не достойно дворянина? Или... – виконт коварно прищурился, расплываясь в насмешливой улыбке, – Или ты не дворянин, дорогой дядюшка?

Внезапный и сильный порыв ветра взметнул длинные волосы виконта, путая их и бросая ему же на лицо. Его собеседник, продолжая улыбаться, в свой черед сузил глаза. Выражение его лица, казалось, не претерпело особых изменений, однако темные глаза под густыми бровями полыхнули мгновенным, опасным, испепеляющим пламенем. Винсент, стоящий рядом с молодым интантером, невольно отступил чуть назад.

– Маг... – донес ветер до сидящей в замке девушки его вздох, и она напряженно стиснула сиденье стула. На ум ей пришли слова того же Винсента, который утверждал, что к вратам замка пожаловал маг «очень и очень сильный».

Между тем, упомянутый маг, вопреки только что продемонстрированному проявлению его силы и, вероятно, недовольства, оставался как будто бы все таким же безмятежным и спокойным, как и в миг, когда только явился пред очи обитателей замка.

– Разве тебе не должно быть известно о моем происхождении едва ли не больше прочих, дорогой племянник? – в голосе мужчины тенью скользнуло удивление, тотчас же сменившееся явно наигранной печалью, – О, как неприятны мне эти попытки оскорбления... Неужели я заслужил их?

– А неужели нет? – парировал Роман, скрещивая руки на груди, – Мы всей толпой с нетерпением ждем ответа. Чему обязаны твоим визитом, уважаемый дядя-дворянин?

Мужчина вздохнул и, сжав на мгновение губы, покачал опущенной головой.

– Ох уж эта горячность молодости... – он поднял голову и, окинув долгим взглядом всех собеседников, вздохнул еще раз, – Ну, что ж. Коль уж вы так настаиваете, мне не остается ничего иного, кроме как раскрыть все карты сразу, не так ли? – голос его прозвучал откровенно насмешливо, однако, вновь юлить и увиливать маг, казалось, более не планировал, посему никто из его собеседников даже не подал голоса. Альберт в ответ на это молчание улыбнулся шире, кажется, совершенно довольный им.

– Мне нужен замок, – произнес он и, не дожидаясь, пока обитатели упомянутого строения придут в себя от изумления (которого они, надо сказать, и не испытывали), прибавил, – И титул.

Последние его слова, прозвучавшие негромко, спокойно и даже словно бы небрежно, отозвались, казалось, во всех обитателях Нормонда, включая сидящую в его холле девушку, и отразились на их лицах удивленным, насмешливым недоверием. Роман оглянулся на изумленно вскинувшего брови брата и, ухмыльнувшись, снова обратился к дядюшке. Винсент выразил свое мнение одним лишь коротким фырканьем, словно бы вовсе не принимая заявление собеседника всерьез. Татьяна же, услышав как будто накрывшие собою весь холм слова отца, поднялась на ноги. Вновь к дверям она пока не спешила подходить, однако же предпочитала, в свете таких известий, находиться в более вертикальном положении, нежели прежде.

Роман, в силу своего характера, приходящий в себя быстрее прочих, демонстративно размял пальцы.

– Такие шутки сейчас немного не к месту, дорогой дядюшка, вынужден поставить тебя в известность. Мы тут, знаешь ли, все крайне нервные, вдруг да примем твои глупости за чистую монету и смертельно обидимся?

– Увы, мои слова не ложь, – маг пожал плечами, напуская на лицо весьма виноватое выражение, – Впрочем, вам не на что обижаться. Что плохого в том, что я хочу получить принадлежащее мне по праву?

– По какому праву? – Эрик, до сей поры сохранявший молчание, наконец не выдержал его мук. Альберт развел руками.

– По праву рождения, мой дорогой мальчик. Наследовать Анри должен был я, как его младший брат, однако, он по какой-то причине отдал титул тебе, присовокупив к нему еще и замок. Полагаю, причины эти были весьма шаткими, да еще и надуманными... Графом де Нормонд изначально должен был быть не ты, Эрик, – на миг в глазах мага заплескали колющие искорки, однако же, он справился с собой и, продолжая улыбаться, прибавил, – Теперь я хочу получить то, что мое по праву.

– Что за глупое развлечение – оспаривать права мертвых, – Винсент, включившись в разговор, говорил не громко, однако, довольно уверенно и резко, – Анри мертв уже три столетия как, и твое место рядом с ним, Альберт. Впрочем... не думаю, что он бы на это согласился. Ведь он знал, не правда ли? – хранитель памяти чуть сузил глаза, мигом становясь похожим на свою звериную сущность.

Солнце, ярко сиявшее еще несколько секунд назад, затянуло неожиданной тучей. Откуда она взялась на совершенно чистом небе – было неизвестно, и вместе с тем представлялось слишком понятным.

На лицо Альберта, закрывая его, как тяжелое облако солнечный свет, набежала тень.

– Он знал слишком много, – негромко проговорил маг, явно обращаясь только к Винсенту, однако, тотчас же вспомнив, что перед замком присутствуют и другие лица, заинтересованные происходящей беседой, заставил себя вновь улыбнуться, – А еще больше выдумывал. Я не ожидал от своего брата такого размаха фантазии, ему бы следовало писать книги или картины, однако... – мужчина на миг сжал губы, изображая сожаление, – Он предпочел обратить ее против меня. Впрочем, я вижу, мои слова не убеждают вас, – взгляд мага при этих словах обратился к племянникам, – Но ведь я не прошу отдать все это мне совсем безвозмездно! Я готов оплатить принадлежащее мне по праву.

– Чем? – голос молодого графа прозвучал саркастично, но вместе с тем как-то устало и небрежно. Похоже было, что бессмысленная беседа с неожиданно явившимся родственником уже порядком утомила его.

– Например... – Альберт задумчиво покусал нижнюю губу и, неожиданно просияв, вытянул левую руку в бок, – Местью.

Сухой щелчок прозвучал в растерянной тишине как выстрел.

Рядом с магом, как раз по левую руку от него, явно подчиняясь его действиям, неожиданно взвился узкий песчаный вихрь (при том, что песка в пределах видимости как будто не наблюдалось), в сердцевине которого смутно угадывалось что-то темное. На протяжении нескольких, показавшихся наблюдателям бесконечно долгими, секунд, определить точно, чем это является, не представлялось возможным, однако, вихрь, вызванный магом, по счастью, не был слишком долгим. Спустя несколько мгновений он распался, являя взору опешивших защитников замка и подошедшей к его дверям, не в силах преодолеть любопытство, девушки, весьма сублинное, какое-то серое и потасканное существо женского пола.

Перед замком вновь воцарилось молчание. Никто из присутствующих, не понимая, что происходит, не решался не только нарушить его, но и даже выразить жестом обуревающие его чувства.

Один только Ричард, узнавший явившуюся по воле мага девушку без особых проблем, брезгливо сморщился и предпочел перевести взгляд за спины защитников замка, на стоящую в дверях Татьяну. Очевидно, ее созерцать ему было приятнее.

Появившаяся перед замком девушка медленно повела головой из стороны в сторону, словно разминая шею. Взгляд ее на мгновение обратился к призывавшему ее Альберту, однако, тот молчал, и девушка предпочла обратить внимание на прочих присутствующих на холме.

Винсент и Роман не вызвали у нее особенного интереса; Ричард тоже остался обделен вниманием, а вот при виде Эрика в глазах неизвестной мелькнуло что-то похожее на насмешливое презрение, которое Татьяна, заметив даже со своего наблюдательного поста, восприняла как личное оскорбление и, хмурясь, сделала шаг вперед, не в силах одолеть мгновенно вспыхнувшее раздражение.

Со стороны девушки это не осталось незамеченным. Она медленно потянула носом воздух, прищурилась и неожиданно вся как-то подобралась, становясь похожей на хищного зверька, изготовившегося к атаке.

– Живая кровь... – зашипела она, – Вкусная, сладкая!

Никто и глазом моргнуть не успел, как она рванулась вперед. Татьяной же, в свою очередь не успевшей не то, что моргнуть, но и даже испугаться, внезапно овладело чувство дежа-вю. Однако, разобраться в причинах его возникновения времени у нее не оказалось.

На перерез незнакомке неожиданно метнулась черная молния и первая отлетела назад, отброшенная ударом невероятной силы.

– Пошла вон, – коротко, очень холодно и зло процедил только что отшвырнувший гадкую хищницу Ричард и, на мгновение невольно прижав руку к ребрам, быстро оглянулся на замершую в дверях замка девушку. Та же, осененная внезапной догадкой, даже не сообразила высказать хоть какую-то благодарность. Чувство дежа-вю, испытанное ей, внезапно усилилось, охватывая собою все существо, и Татьяна вдруг осознала причину его появления.

– Ведь это же... – зашептала, было, она, но чей-то голос, вдруг раздавшийся откуда-то с того места, где уже начинался склон холма, не дал ей закончить.

– Луиза!.. – Влад, некоторое время то ли не веривший своим глазам, то ли просто не узнающий в коротко стриженной, облаченной в одежду не только не подчеркивающую, а даже скрывающую фигуру, девушке, ту, что называла себя его сестрой, наконец решился подать голос. Произнесенное им имя словно сорвало покров оцепенения со стоящих перед замком молодых людей. Взгляды их, уже куда как более осмысленные, понимающие, устремились к девушке, исполняясь вполне закономерного отвращения.

Альберт, между тем, оставался безучастен, наблюдая происходящее с живым интересом естествоиспытателя, заключившего в одну клетку нескольких опасных зверей и сравившего их меж собой.

Луиза, услышав окликнувший ее голос, рывком обернулась. На бледных губах ее отразилась насмешливая, омерзительная до тошноты, улыбка.

– Братец... – протянула она, не скрывая презрения в голосе, – Ты мне не интересен.

– Не интересен?.. – Влад, от неожиданности сделавший шаг назад и лишь чудом не скатившийся кубарем с холма вместе с мотоциклом, непонимающе заморгал, – Что значит «не интересен»? Мы не виделись столько лет, и ты... Зачем ты здесь? – последний вопрос прозвучал особенно резко. Поскольку интерес он представлял для всех присутствующих, мешать Луизе ответить никто не стал, ожидая этого мига с явным нетерпением.

Взгляд девушки обратился к магу и неожиданно исполнился таким обожанием, залившим собою все бледно-серое лицо, что даже Татьяна в замке немного опешила.

– Хозяин позвал, – коротко ответила она, и голос ее в это мгновение прозвучал почти нежно, словно и не было в нем звериных хрипяще-рычащих нот.

– Хозяин... – растерянно повторил Цепеш, удивленный этой разительной переменой ничуть не меньше других и негодуяще глянул на, казалось бы, ни к чему непричастного мага, – Так ты все же!.. – продолжать у него не хватило дыхания.

Альберт обернулся вполоборота и одарил разгневанного экс-художника ласковой улыбкой.

– Ну, разумеется. Я все объяснил тебе уже очень и очень давно, мой друг... Сейчас повторять это смысла нет. Будь добр, не мешай.

– Не мешать? – молодой человек буквально захлебнулся негодованием, но быстро справился с собой, – Не мешать?! Да как ты...

Маг, не слушая дальнейших излияний, сделал быстрое движение рукой, будто проводя открытой ладонью линию, соединяющую небо с землей, обращая движение в сторону собеседника. Тот продолжал говорить, однако, слов его уже не было слышно. Маг отвернулся.

Влад, еще некоторое время продолжавший возмущаться, неожиданно понял, что слова его не достигают ушей адресата и резко шагнул вперед. Схватился за лоб и, недоверчиво отступив, непонимающе вытянул руку, касаясь пространства перед собой.

Роман, всегда воспринимающий близко к сердцу обиды, нанесенные его друзьям, нахмурился. Он видел, как Цепеш ощупывает незримое нечто, появившееся прямо перед ним явно по велению стоящего с равнодушным видом мага, видел, как Влад касается пространства по бокам, позади от себя, и понимая не хуже его, что Альберт, во избежание помехи его планам, заключил бунтаря в некоторое подобие невидимого куба, скрадывающего все звуки и ограничивающего движение последнего, медленно закипал. И более всего молодого виконта выводил из себя тот факт, что возможности оказать хоть какую бы то ни было помощь, он сейчас был начисто лишен. Нет, разумеется, никто не запрещал ему сорваться с места, броситься к другу, а потом бегать вокруг невидимого куба, колотясь в него со всех сторон, но здравый смысл подсказывал, что делать этого не стоит. Слишком много врагов, жаждущих испортить им жизнь, было перед ними сейчас, слишком многое было поставлено на карту, чтобы позволить себе действовать импульсивно.

Юноша сжал руки в кулаки и заставил себя отвести взгляд от заточенного в странное подобие клетки друга.

Луиза, абсолютно не обращающая внимания на то, что человек, названный ею «хозяином» делает с тем, кого она звала братом, отвернулась от последнего с тем же равнодушием, что и заточивший его маг.

– Надеюсь, более нам не будет никто мешать, – Альберт улыбнулся с таким явным оттенком самодовольства, что у Романа мгновенно зачесались кулаки, – Теперь можно продолжить разговор о делах, на котором вы так настаивали.

– Мы продолжаем на нем настаивать, – Винсент, бросив мгновенный взгляд на виконта и легко угадав его состояние, явно не способствующее проявлению чувства юмора, предпочел отвлечь всеобщее внимание, – Для чего здесь эта... – он замаялся, напряженно ища подходящее слово, однако, найти его не сумел, посему предпочел не говорить вообще ничего. Впрочем, последнее произнесенное им слово прекрасно характеризовало появившуюся девушку.

– И почему же я должен обсуждать это с тобою, Винсент? – Альберт улыбнулся шире и даже позволил себе негромко, коротко рассмеяться. Солнце, по сию пору скрытое тучей, вновь выглянуло, явно соответствуя перемене в настроении мага.

– Я предпочту обсуждать столь щекотливые вопросы лишь с тем, кто сейчас столь незаконно владеет замком, с тем, кто способен вернуть мне причитающееся по праву... Ты ничего не хочешь сказать мне, Эрик? – взгляд мужчины обратился к молча смотрящему на стоящую перед ним Луизу, блондину. По лицу молодого графа молнией скользнула мимолетная судоро-

рога, взгляд его исполнился ненависти и ярости, однако, уже в следующую секунду он сумел взять себя в руки.

– Мой друг только что озвучил все, что я хотел сказать, – холодно проговорил он и, заставив себя отвести взгляд от непосредственной виновницы трехсотлетних мук, глянул на своего собеседника, – Чего ты хочешь добиться, приведя ее сюда?

По губам мужчины медленно растеклась тонкая, какая-то узкая и до невозможности слащавая ухмылка. В темных глазах его сиял неприкрытый восторг от всего происходящего и от собственной роли в этом.

– Разве я не обещал тебе плату? – делано удивился он и неожиданно легонько подтолкнул Луизу вперед, – Вот она, мальчик мой. Я знаю, сколь глубока питаемая тобою неприязнь к этой бедной девочке, как ты зол на нее... Теперь ты имеешь возможность выместить свою ярость, – подавляя ухмылку, маг на миг прикрыл глаза, продолжая очень мягким и ласковым тоном человека, дающего милостыню убогому и просящего при этом сдачу, – Она в твоём распоряжении. Можешь делать с ней все, что тебе заблагорассудится, ограничений нет. Если хочешь – убей ее.

Влад, уже несколько секунд безмолвно внимавший беседе, от последних слов вздрогнул, будто ужаленный невидимой пчелой и, снова метнувшись вперед, отчаянно заколотил кулаками по незримой преграде.

Луиза, не обращая на названного брата ни малейшего внимания, обернулась, с изумлением взирая на вызвавшего ее хозяина, однако, возражать не посмела, выражая чувства, очевидно, все еще не до конца угасшие в ее душе и способные обуревать ее чахлое сознание, лишь взглядом. Альберт в ответ успокаивающе смежил веки. Лицо его отразило безмятежность уверенного в своих силах негодяя. Голос, когда он заговорил, обращаясь к своей помощнице, прозвучал довольно тихо, однако же, тем не менее, был ясно слышен всем участникам происходящих событий.

– Не стоит так беспокоиться, Лу, – почти мурлыкал маг, казалось, гипнотически воздействуя на ту, к кому обращался, – Я уверен, ты не подведешь меня. И если наш милый маленький граф решит довести дело до драки, я не сомневаюсь, что победа останется за тобой.

– Вот несет бред и даже не смущается, – Роман, переключивший свое внимание с запертого друга на происходящий разговор, насмешливо ухмыльнулся, – С чего ты взял, что это чудо одержит верх? Официально заявляю, что ставлю на брата!

– Присоединяюсь, – важно кивнул Винсент, чуть усмехаясь. Однако, взгляд хранителя памяти оставался серьезным и сосредоточенным, ясно давая понять, что на самом деле ничего смешного в складывающейся ситуации мужчина не наблюдает.

Хозяин замка, похоже, абсолютно не обращая внимания на слова друга и родственника, сделал шаг вперед. Взор его, холодный, злой, как будто бы лишенный малейших признаков жизни, был прикован к Луизе, однако, заговорил он, обращаясь к дяде.

– Ты хочешь узнать, кто одержит верх, Альберт? – тихо, с очень ясно слышимыми нотками с трудом сдерживаемой ярости, произнес он, и неожиданно резким движением закатал рукав рубашки, – Что ж... Могу предоставить возможность увидеть ответ.

Улыбка мага, не покидающая его лица, при этих словах приобрела явный оттенок заинтересованности.

– Предоставь, – мягко произнес он, едва заметно сужая глаза и делая приглашающий жест рукой, – Я буду рад посмотреть на демонстрацию твоего ответа. Лу, милая...

Татьяна, стоя на пороге замка, возмущенно приоткрыла рот. Провокация, наглая и беззастенчивая попытка натравить Эрика на ту, что, в сущности, являлась лишь орудием, марионеткой в ловких руках кукловода, чья роль, конечно, отводилась Альберту, была слишком очевидна. И от этого казалась еще более возмутительной.

Однако, вымолвить хоть слово, предпринять хотя бы малейшую, пусть и заведомо абсурдную попытку остановить начинающееся безумие, она не успела.

Луиза, за время этого коротенького разговора все более и более напрягающаяся, теряющая человеческий облик, все сильнее обретающая сходство с хищником, какой-нибудь ядовитой гадюкой из песков Калахари, вдруг метнулась вперед. Взгляд ее, неподвижный, словно бы остекленевший, с застывшей в нем почти иррациональной ненавистью был прикован к хозяину замка, однако направлялась она явно к дверям древнего строения, где продолжала видеть или, может быть, чутя живое человеческое существо.

Человеческое существо, увидев этот отчаянный бросок, машинально сделало шаг назад. Ричард на сей раз не спешил вмешиваться, не пытался отогнать девицу, стараниями Альберта навсегда утратившую сходство с человеком, вероятно, подчиняясь безмолвному приказу упомянутого мага, и Татьяна испытала небезосновательное опасение если не потерять жизнь, то получить какой-либо вред здоровью точно.

Впрочем, страх ее оказался напрасен.

Эрик, обычно не любивший проявлять свою нечеловеческую натуру, на сей раз предпочел сделать исключение. Наперерез Луизе он метнулся, пожалуй, еще быстрее, чем оборотень и, отшвырнув девицу к ногам ее хозяина, резко обернулся к стоящим за его спиной союзникам.

– В замок, оба, – коротко приказал он и, заметив протест в глазах брата, нахмурился, – Не вмешивайся. Я справлюсь... Винс, – он быстро глянул в сторону растерянной столь быстрым развитием событий девушки и не стал продолжать. Хранитель памяти, привыкший за три столетия угадывать его мысли, понимающе кивнул.

– Не выпущу, – пообещал он и, схватив продолжающего стоять с упрямым видом виконта, потянул его назад, к дверям Нормонда. Роман ожидаемо попытался воспротивиться произволу, однако, как заметила находящаяся в замке девушка, особенного рвения не проявил. Вскоре он и ведущий его мужчина уже оказались возле нее в холле и, остановившись возле дверей, устремили свое внимание наружу.

– Никогда бы не подумал, что все решит поединок, – юноша вздохнул с явственно заметным оттенком ностальгии, – А ведь когда-то за Нормонд бились целые армии...

– Это современный мир, – элегически протянул в ответ Винсент, скрещивая руки на груди, – Не думаю, что есть смысл волноваться, Эрик с ней справиться, я не сомневаюсь, и тогда...

– И тогда ничего не изменится! – Татьяна, напряженно стиснувшая руками юбку собственного платья, перевела на хранителя памяти взгляд, в глубине которого скрывалось откровенное отчаянье, – Неужели не понимаешь? Если Эрик победит, Альберт потребует замок, как законно «оплаченное» имущество, а если проиграет... – она замолчала, закусив губу.

Роман бросил на нее удивленный взор и, чуть усмехнувшись, мягко приобнял за плечи.

– Он не проиграет. Я в своем брате уверен.

– Это радует, – с самым, что ни на есть несчастным видом вздохнула девушка, – Но если Альберт потребует... Если только Эрик что-нибудь придумает...

Юноша негодуя фыркнул и, выпустив собеседницу, упер одну руку в бок.

– Ой, можно подумать, кроме Эрика тут никто думать не умеет! – он демонстративно отбросил прядь волос за спину и значительно добавил, – Мы, между прочим, и сами с волосами.

– Самое время для шуток, – довольно сумрачно отреагировала девушка и, не обращая более внимания на столь неожиданно присоединившихся к ней собеседников, снова направила его наружу.

А между тем, события, происходящие перед замком, стремительно набирали оборот и, надо признать, происходили куда быстрее, чем об этом можно было бы рассказать.

Граф де Нормонд, успевший уже получить в поединке ссадину на щеке, упорно и, в целом, довольно легко отбивал все направленные на него атаки, однако, контратаковать, к

сожалению как своему, так и наблюдателей, переживающих за него (а возможно, и не только их), не успевал. Луиза, натравленная своим хозяином, напоминающая внезапно взбесившуюся собаку, или еще что-то, куда как более опасное и злобное, кидалась вперед, почти не обращая внимания на сопротивление противника. Он отшвыривал ее от себя, она отлетала в сторону, падала, снова вскакивала и бросалась в грозящий перерастающий в абсолютно бестолковую, лишенную смысла схватку, могущую растянуться на неизвестное, может быть, и бесконечное, количество времени, поединок.

Эрик, будучи существом мало того, что не человеческим, так еще и явно более сильным, чем его противница, уставшим абсолютно не выглядел и продолжал отбрасывать Луизу от себя с совершенно холодным, лишенным каких бы то ни было проявлений эмоций, выражением лица.

Неожиданно Татьяна в замке заметила, что эту схватку, какой бы странной она не казалась со стороны, граф де Нормонд ведет весьма необычным и, вероятно, полным хитроумного замысла способом, – отталкивая Луизу, молодой человек непрестанно продвигался на несколько шагов вперед, постепенно меняя местоположение и разворачивая, тем самым противницу боком к своей вотчине.

В первый миг Татьяна восхитилась умом молодого графа. Но уже вскоре, сообразив, что таким образом он фактически оставляет двери замка незащищенными, ощутила страх и, ища поддержки, схватила стоящего рядом с ней Винсента за руку. Тот легко сжал пальцы девушки в ответ и чуть наклонился к ней.

– Нет смысла беспокоиться, – коснулся уха Татьяны теплый шепот, и девушка, бросив мгновенный взгляд на своего утешителя, слабо улыбнулась.

Тем временем, Эрик уже успел развернуть Луизу боком к дверям замка. Сейчас, когда мерзкая девица предстала в поле зрения находящихся в замке молодых людей, замысел графа стал более очевиден, а вместе с ним обрели большую ясность и слова хранителя памяти.

Луиза, как бы ей не хотелось этого, и как бы сильно не прельщала ее живая и теплая кровь стоящей в холле девушки, не могла бросить своего противника и попытаться атаковать замок. В глазах ее, налившихся кровью и, казалось, даже изменивших цвет на бордово-алый, застыл, словно клеймо, четкий и ясный приказ Альберта справиться с хозяином замка. Когда маг успел отдать его, было неизвестно, ибо никто из присутствующих не помнил подобной фразы из его уст, но на лице его послушной собаки, домашней гадюки, словно вывезенной сюда из песков Калахари, он читался словно напечатанный крупными буквами.

Эрик, вероятно, понял это уже давно, быть может, в тот миг, когда начал менять собственное положение, и на этом же понимании основал свой хитроумный план. Впрочем, нельзя сказать, что только на этом.

Взгляд молодого графа на несколько мгновений метнулся вниз, словно ища что-то в траве, но вскоре уже вновь вернулся к бросившейся в очередной раз в атаку Луизе. Что искал молодой человек наверняка сказать было трудно, тем более, что из холла замка трава под ногами последнего просматривалась отнюдь не так хорошо.

Эрик снова оттолкнул хищницу и, продолжая менять положение, словно стараясь изменить угол направленных на него атак так, чтобы в конечном итоге они задели и Альберта, чуть переступил по траве. Маг, не сводящий с него взгляда, заинтересованно прищурился.

Примечательно, что за время, затраченное на поединок, никто из непосредственных nepřиятелей графа не произнес ни единого слова.

Ричард, стоящий в стороне, скрестив руки на груди, изо всех сил старался сделать вид, что происходящее его никоим образом не касается, однако, бросаемые им периодически на блондина то одобрительные, то сочувствующие взгляды, яснее слов говорили об обратном; Альберт предпочитал играть роль безмолвного наблюдателя; Влад же, замерший в своей незри-

мой клетке и вовсе обращал больше внимания на названную сестру, то ли поддерживая ее, то ли, напротив, молчаливо осуждая.

Эрик, не сводя взгляда со своей противницы, сделал еще один шаг по траве, и... неожиданно упал, очень явно оступившись на чем-то. Произошло это столь мгновенно и в то же время так внезапно, что наблюдатели, как с одной стороны, так и с другой, опешившие от случившегося, даже не успели толком осознать его причины. Только Луиза, разум которой находился сейчас не в ее подчинении, не выказала ни малейшего недоумения, не показала ни капли растерянности, только злобно ухмыльнувшись. Такая реакция, как поведение самого, что ни на есть, злобного и непримиримого врага, была понятна – упавший навзничь противник, на несколько мгновений явственно лишенный возможности оказывать сопротивление, был просто подарком судьбы.

Луиза метнулась вперед, словно камень, выпущенный из пращи. Татьяна в замке невольно зажмурилась, – хоть и сильна была ее уверенность в том, что молодой граф одержит верх, что не позволит какой-то мерзкой твари одолеть себя, страх за него все же был не менее силен, а сложившаяся ситуация лишь упрочивала его.

Она бы так и стояла, затаив дыхание от ужаса, крепко-накрепко зажмурив глаза и вцепившись в руку стоящего рядом хранителя памяти мертвой хваткой, если бы неожиданный звук, раздавшийся извне, не вынудил ее, вздрогнув, неуверенно разомкнуть веки.

Изумленный вскрик, явно женским, вновь на краткое мгновение лишившимся всех звериных интонаций, голосом, сорвавшийся на сиплый, булькающий хрип, позволял просочиться сквозь страх надежде на то, что с графом де Нормонд все в порядке.

Открыв же глаза, Татьяна сумела убедиться в этом воочию.

На небольшой плоской площадке перед замком, покрытой изумрудной, вновь ярко освещенной солнцем травой, разыгрывалась довольно ужасающая и, надо сказать откровенно, не самая приятная сцена.

Луиза, бросившаяся вперед в явной надежде покончить со своим противником, по совместительству являющимся еще и хозяином замка, на который так целился Альберт, сейчас нависала над ним, не в силах двинуться ни вперед, ни назад. Из спины ее торчал, пробив насквозь грудную клетку чуть выше солнечного сплетения, неизвестно откуда взявшийся, окровавленный деревянный кол. Противоположный его конец сжимал обеими руками Эрик, глядящий на противницу холодно и жестоко. Кровь, стекающая вниз, скользила по дереву и пачкала руки блондина, однако он, казалось, даже не замечал этого.

Луиза дернулась, пытаясь освободиться от оказавшегося столь смертоносным куска дерева, зарычала, захрипела и... внезапно отлетела в сторону, буквально скинутая с пронзившего ей грудь кола.

Эрик, только что столь нетривиальным способом избавившийся от нависающего над ним и тем самым ограничивающего свободу движений, тела, медленно поднялся на ноги.

Татьяне, не сводящей с него глаз, неожиданно стало страшно. Уж на что, как ей казалось, она успела привыкнуть к не особенно частой смене настроений графа, на что спокойно реагировала на периодически вновь вспыхивающий в его глазах холод трехсотлетнего забвения, но таким ей видеть его еще не доводилось.

Вообще, как сейчас осознала девушка, перед ней блондин никогда не представал злым или, тем более, ненавидящим, желающим кому бы то ни было смерти; самым страшным, что он демонстрировал ей было раздражение, но это, в свете происходящего сейчас, вполне можно было пережить.

Граф де Нормонд тяжело шагнул вперед. Светлые волосы его, так и не привыкшие вновь лежать в аккуратной прическе, растрепались; рубашка немного съехала на бок, кое-где на ней явственно выделялись кровавые пятна; на щеке красовалась длинная царапина. Когда хозяин замка успел получить ее, было непонятно, однако же, это сейчас интересовало, пожалуй, всех

присутствующих, едва ли не в последнюю очередь. Серые глаза молодого человека, обычно такие спокойные, за последнюю неделю приобретшие оттенок почти умиротворения, сейчас пылали яростью, ненавистью, заливающей темным светом все лицо графа, накладывая отпечаток жестокости на его черты. Руки его уверенно сжимали уже испачканный в крови кол.

Луиза, чей разум все еще должен был пребывать под контролем мага, а, быть может, и вовсе давно уже переставшая мыслить самостоятельно, взглянув на приближающегося к ней человека, вдруг испытала страх. Он очень ясно отразился в ее красных от жажды крови глазах, промелькнул в уголках едва заметно дрогнувших губ и, наконец, выразился в попытке отползти назад (ибо стоять она, раненая, уже не могла) и жалобном хриплом шепоте:

– Хозяин... хозяин, помоги...

Альберт широко улыбнулся. По лицу его, по общей небрежной позе, можно было сделать вывод, что мужчина смотрит скорее развлекательное шоу, нежели любитесь разыгрывающейся на его глазах сценой кровавой мести.

– Ты мне не интересна больше, Лу, – очень ласково и мягко проговорил он, поднимая взгляд от лежащей на земле союзницы к успевшему подойти мстителю.

Граф де Нормонд занес кол.

– За родителей, – пронесся над холмом его тихий, как ветерок, шелестящий в кронах деревьев, шепот. Кол опустился, пронзая плечо девицы, пригвождая ее к земле.

Раздался короткий, вмиг сорвавшийся на кашель крик. Луиза заметалась, силясь спастись, ведомая сейчас уже не волей мага, а древним, как мир, инстинктом, стремлением выжить любой ценой.

– Ричард! Ричард... – умоляюще застонала она и, переведя взгляд на оборотня, протянула к нему пока еще здоровую руку, – Рене...

– Отвали, – холодно отреагировал тот и, сморщив не до конца пришедший в норму нос, отвернулся. Видимо, симпатии и интереса к этой девице он испытывал не больше, чем Альберт.

Окровавленный кол с тихим чавканьем вырвался из земли и тела несчастной пешки хитроумного мага и снова взмыл вверх.

– За Луи, – снова накрыл окрестности кажущийся невероятно тихим голос молодого графа. Сейчас он был страшен. Опустившийся на одно колено, опираясь сбоку от жертвы на землю, находящийся теперь довольно близко к ней, молодой граф казался воплощением бушевающих его чувств, олицетворением жажды мести, жажды крови, ожившей холодной ненавистью и бешено горячим гневом. Лицо его, испачканное брызнувшей в миг предыдущего удара, кровью, словно бы окаменело; в глазах, в действиях, во всем существе, не осталось ничего людского, – сейчас это был монстр, лишенный всех человеческих чувств, лишенный жалости и ведомый лишь желанием отомстить.

По губам Альберта, наблюдающего за происходящим с нескрываемым интересом, змеей скользнула странная насмешливая улыбка.

Татьяна в замке, теряясь в бушевающих ее чувствах, сжала губы, не в силах отвести взгляд.

Кол снова опустился, пронзая на сей раз другое плечо девицы.

Она опять попыталась закричать, сорвалась на жалкий, булькающий стон и запрокинула голову.

– Влад... – взгляд ее был устремлен к потрясенному Цепешу, который сейчас, похоже, не сумел бы сдвинуться с места, даже если бы не был ограничен невидимым барьером, – Братик... Помоги...

– Братик? – Эрик, услышав это обращение, чуть сузил глаза, – Не смей произносить этого слова, ты не знаешь его значения! За Романа!

Кол вновь взметнулся и опустился на сей раз практически без задержки, пронзая горло лежащей на земле девицы.

Роман в замке, услышав произнесенные братом слова, чуть выпрямился. Неизвестно, что сейчас в большей мере испытывал юный виконт – гордость ли за брата, жалость ли к бывшей пассиве, – лицо его не отражало ровным счетом ничего, кроме напряженного созерцания.

Говорить Луиза больше не могла, – граф де Нормонд, нанося последний удар, повредил ей голосовые связки. Кол вошел несколько под углом, пронзая шею, горло наискосок, спускаясь куда-то к трахее и, возможно, задевая какие-то немаловажные вены и артерии, однако девица все еще была жива. Шевелить головой, пригвожденная к земле столь жестоким образом, она больше не могла, посему взгляд ее был прикован теперь только к тому, кому когда-то она, не задумываясь ни о чем, ведомая лишь приказом мага, сломала жизнь, к тому, от кого теперь зависела ее жизнь и кто намеревался ее оборвать.

Эрик рванул кол, на мгновение высвобождая свою жертву, и занес его в последний раз. Он не говорил ни слова, смотрел лишь в глаза распластавшейся на земле, истекающей кровью девице, твари, давно утратившей даже право зваться человеком, и окружившая холм тишина, казалось, вторила его мыслям.

В этой тишине особенно громко, жестоко и неприятно прозвучал хруст сминаемых костей. Опустился кол, пронзая на сей раз череп, пригвождая уже безжизненное тело еще плотнее к земле, чем прежде, и над холмом разнеслись прощальные слова молодого графа, которых Луиза уже не могла слышать:

– За меня...

Все было кончено.

Никто из наблюдателей, созерцавших происходящее со все возрастающим и внезапно оборвавшимся при виде столь предсказуемой, но ужасной развязки, напряжением, не решался произнести и слова. Даже Альберт, наблюдавший поединок с застывшей и совершенно очаровательной, бездушной и жестокой улыбкой на устах, к концу его как-то посерьезнел и сейчас внимательно следил за действиями молодого графа.

Эрик, по сию пору нависавший над жертвой, опершись одним коленом на землю, медленно поднялся, неторопливо выпрямляясь. Лицо его не выражало сейчас ровным счетом ничего, однако, где-то в глубине вновь на некоторое время похолодевших серых глаз плескалось нескрываемое сожаление о собственной, проявленной только что жестокости. Оставляя кол вонзенным в череп девицы, он сделал несколько шагов назад, приближаясь к замку и как будто специально предоставляя Альберту и Ричарду возможность рассмотреть дело его рук. Влад, которого маг практически закрывал спиной, пораженный, потрясенный и растерянный, сейчас в расчет особенно не принимался.

Ричард, мельком глянув на распростертое на земле тело, брезгливо сплюнул в сторону и, сунув руки в карманы, вызывающе воззрился на хозяина замка.

Маг же, привлеченный случившимся гораздо больше, уверенно шагнул вперед.

Эрик, хмуро наблюдая за его приближением, отступил еще немного, не то желая сам оказаться под защитой замка, не то намереваясь защитить свою вотчину от вероятной попытки нападения.

Альберт, приблизившись к мертвому телу своей подручной, с интересом оглядел его и, протянув руку, легко провел кончиками пальцев по верхушке вонзенного в него кола.

– Должен признать... – рука мужчины уверенно кружила по верхней части остро заточенного куска дерева, словно изучая его шероховатую поверхность, а голос напоминал мурлыканье большого кота, – Ты силен, Эрик, – тонкие пальцы сжали верхнюю часть деревянного оружия и с силой, неожиданной для такого изящества, рванули его, выдергивая как из земли, так и из тела несчастной пешки. Перстень на пальце Альберта сверкнул, отражая солнце; рука с зажатым в ней колом взмыла вверх. Откуда-то с земли, где осталось тело Луизы, донеслось тихое шуршание, но осталось не удостоенным ничьего внимания, – остро заточенный кусок

дерева, на мгновение мелькнувший в занесенной руке мага, летел в сторону молодого графа, нацеленный прямо ему в лицо.

Татьяна в замке еще сильнее стиснула руку хранителя памяти. Знаниями о том, существует ли возможность убить интантера деревянным колом, она не обладала, однако, и сомнений, что окровавленная деревяшка может навредить молодому человеку, не испытывала. Страх, снедавший ее на протяжении всего поединка графа де Нормонд с ныне покойной тварью, и только, было, успевший отступить, вновь охватил девушку; расширившимися от ужаса глазами она следила за летящим оружием, которое молодой граф, казалось, и не собирался пытаться остановить. Лишь много позже она осознала, что время, в ее сознании в этот миг растянувшееся на годы, на века, на деле занимало лишь мгновения, – все произошло так быстро, что Эрик, все еще остающийся под гнетущим впечатлением от поединка, не успел прореагировать.

По счастью, он был не один. Молодой виконт, скорее всего, прекрасно понимающий состояние брата, и осознающий, что защититься сам от столь неожиданной атаки он сейчас не в состоянии, нашел, что пришел его час.

Когда острое кола вдруг замерло в нескольких сантиметрах от лица блондина, никто поначалу не осознал причин происшедшего. Однако, уже практически сразу, завидев сжимающую дерево худощавую руку, услышав знакомый голос и вспомнив мелькнувшую в воздухе копну длинных черных волос, наблюдатели, особенно те, что пока еще оставались в замке, сумели понять, что случилось.

Роман, успевший поймать кол в самый последний момент, широко ухмыльнулся и, опустив руку, легко провернул оружие в ней.

– А ты в этом сомневался, дядюшка? – насмешливо осведомился он и, демонстрируя, что силой здесь обладает не только Эрик, легко вонзил кол в землю. Оружие ушло в почву больше, чем на половину и юноша самодовольно подбоченился. Завидев насмешку в глазах мага, он вопросительно приподнял бровь.

– Еще какие-то вопросы? Ты не стесняйся, задавай, мы пока еще не устали отвечать. Но предупреждаю – терпение уже на исходе.

– О, не волнуйся, мой милый племянник, – Альберт улыбнулся так широко, жизнерадостно и миролюбиво, что даже у Татьяны в замке, чье отношение к магу проходило все же через призму родственных отношений, зачесались кулаки. Винсент, тот и вовсе, забыв о самоконтроле, стиснул руку девушки так, что та тихо зашипела от боли. С удивлением покосившись на нее и осознав свою оплошность, он поспешил выпустить ее ладонь.

– Я не отниму у вас много времени, – продолжал между тем Альберт, не прекращая улыбаться, – Действия твоего брата, я полагаю, можно считать согласием обменять замок на эту небольшую плату, – он бросил быстрый взгляд вниз, на землю, где должно было покоиться тело Луизы, – Поэтому, я думаю...

Негромкий, изумленный и испуганный вскрик Татьяны не дал ему закончить. Внимательно наблюдающая за поведением отца, следя за каждым его, даже самым мельчайшим движением, девушка, подметив брошенный им взгляд вниз, машинально сама опустила глаза на тело девицы и, увидев, что происходит с ним, не сумела сдержаться.

Холм, нежно согреваемый солнцем, снова овеивал легкий ветерок, казалось, могущий добавить умиротворения общему пейзажу, если бы те, кто присутствовал здесь, не вносили нотки ужаса и напряжения в окружающую атмосферу. Тело Луизы, словно песочный замок, как легкая дорожная пыль, постепенно сдувалось, уносилось этим ветерком, не оставляя и следа на память о себе.

– Как... как это... – лепеча, девушка не отрывала взгляда от почти исчезнувшего тела той, что дважды пыталась покуситься на ее жизнь. Альберт, услышав этот пораженный, испуганный лепет, перевел взгляд на дочь и ненатурально вздохнул.

– Ах, это... Здесь нет ничего удивительного, дитя мое. Тело бедняжки Лу поддерживала в надлежащем состоянии только жизнь, питаемая, в свой черед, моей волей. Когда всего этого не стало, с ее телом произошло то, что и должно было случиться с любой материей за три сотни лет – оно обернулось прахом. Если сейчас убить, скажем, твоего старшего брата, – при сих словах его взгляд уперся в Эрика, а губы растянула неприятная улыбка, – С ним произойдет то же самое. Конечно, если какое-нибудь чудо не сумеет изменить его сущность...

– Такое же, как и то, что изменило ее сущность? – голос Эрика прозвучал глухо, вопрос, казалось, не подразумевал никого конкретного, однако, сомнений в том, о ком идет речь, не возникало. Он поднял взгляд, как оказалось, тоже опущенный к рассыпающемуся и улетающему с ветром телу Луизы и внимательно глянул на Альберта.

– В миг, когда она осознала близость смерти, – тихо продолжил молодой граф, – Ее глаза изменились. В них больше не было твоего внушения, твоей, как ты говоришь, «воли», в них не было тебя, Альберт! Тогда это была просто маленькая глупая девочка, попавшая в лапы мерзкого негодяя. Это ты называешь изменением сущности, – порабощенную волю, подчиненный разум, полностью лишенный возможности самостоятельно мыслить?

Маг чуть склонил голову на бок, с любопытством взирая на гневного собеседника.

– Как это мило – слушать обвинения убийцы. Как же у тебя поднялась рука так жестоко поступить с бедной глупой девочкой, мой дорогой племянник? – губы мужчины раздвинула широкая, почти издевательская улыбка, – Ты винишь меня в жестокости, но, похоже, сам идешь по моим стопам... Впрочем, меня это не удивляет. В любом случае, сейчас меня интересует замок. Он оплачен, поэтому я имею право потребовать...

– Оплачен? – граф де Нормонд насмешливо вскинул брови, – Смертью пешки? – он бросил взгляд на стоящего рядом брата, будто передавая ему эстафетную палочку. Роман не преминул с готовностью подхватить ее.

– Кажется, маразм у тебя от молодости тела не зависит, – хладнокровно заявил он, все так же не опуская упертых в бока рук, – Скажи, дядя, ты вообще в курсе о такой вещи, как иерархия преступного мира?

– Увы, нет, – мужчина с очень натуральным огорчением развел руки в стороны и виновато вздохнул, – Видишь ли, милый племянник, мне никогда не доводилось иметь отношения к преступному миру, так что сказать ничего не могу.

– Какая наивность, – Винсент в замке, не наблюдающий более никакой опасности, могущей грозить стоящей рядом с ним девушке, или же чего-то, вследствие чего этой девушке потребовалась бы поддержка, выпустил ее ладонь и, подражая Ричарду, по сию пору не меняющему позы, сунул руки в карманы, ухитряясь в таком положении пожать плечами, – Всегда умилялся негодяям, считающим себя белыми ангелами.

– Винсент, ты уже не в первый раз вмешиваешься в не касающийся тебя разговор, – Альберт, глянув в сторону замка, мягко улыбнулся, – Не заставляй меня поступать с тобой так же, как с тем забавным мальчиком, – с сими словами он кивнул назад, явно намекая на запертого в незримой клетке Владислава.

– Не заставляй меня объяснять тебе популярно, почему мы не любим домогательств по отношению к нашим друзьям, – парировал Роман заметно похолодевшим голосом, однако, глубоко вздохнув, взял себя в руки, – Итак, объясняю глупым выходцам из средних веков и еще откуда-то там, не знающих элементарных вещей. Первопричиной того, за что предложил отомстить, был ты, дражайший дядюшка, поэтому смерть пешки абсолютно не меняет дела.

– Я сломал палку, – в свой черед подал голос его брат, – Но не обезвредил того, кто ударил меня ею. До тех пор, пока ты жив, Альберт, долг не будет оплачен.

– Ну, а когда он будет оплачен, – не выдержав, вновь напомнил о себе хранитель памяти, – То, боюсь, замок тебе уже будет без надобности. На том свете вообще жилья не полагается, разве что склеп где-нибудь на отшибе от цивилизации.

– Какая любопытная позиция, – лицо мага как будто оставалось спокойным, однако откуда-то из глубины его сущности словно проступили темные грозовые тучи, закрывающие собою все миролюбие и жизнерадостность; в глазах отдаленной угрозой сверкнула молния, – Правда, немного не честная. Вы вынуждаете меня применить силу, друзья мои.

– Снова будешь палочками кидаться? – с явно наигранной ленцой в голосе небрежно осведомился Роман, и безмятежно улыбнулся, – Спешу напомнить, дядя, что песики тут не мы и скакать за всякими деревяшками дело не наше.

Ричард в ответ на такой ясный намек неприязненно сморщился, однако, ничего говорить не стал.

Между тем, Татьяна в замке, услышав угрозу Альберта, в отличие от виконта де Нормонд, восприняла ее весьма серьезно и, испуганно сжав собственное платье, нервно шагнула вперед. От внимания мага это не укрылось. Увидев столь явное беспокойство дочери, и не вдаваясь в детали того, кому оно, собственно, адресовано, он изобразил на лице ласковую благодарность.

– Приятно, когда дети так беспокоятся о тебе. Но не стоит волноваться, моя дорогая, я вовсе не планировал лезть в драку, бросаться вперед, как эта глупая девочка, – он бросил взгляд вниз, на тело Луизы, от которого уже практически ничего не осталось, – К чему мне пачкаться в чей-то крови? Для таких целей у меня есть они, – мужчина на несколько мгновений смежил веки и, разведя руки широко в стороны, вновь распахнул глаза. За спиной его, каким-то чудом умещаюсь на небольшом пространстве между явственно опешившим, но шарахнувшимся, на всякий случай, в сторону, Ричардом, и вполне недоумевающим для того, чтобы его можно было считать непричастным, Владом, взметнулась стена песка или, быть может, сухой земли, пыли из-под ног. Оборотень сделал еще несколько шагов в сторону замка, не подходя к его, замершим кто снаружи, кто внутри, возле дверей, обитателям, но невольно примыкая к ним в едином изумленном порыве. Взгляд его, напряженный и, похоже, даже испуганный, был прикован к стене пыли за спиной мага, в которой уже, оправдывая вполне закономерное ожидание, смутно прорисовывались человеческие фигуры.

– Это еще кто... – сорвался с губ оборотня растерянный, потрясенный и какой-то недоуменно-испуганный шепот, и взоры обитателей замка на несколько мгновений с изумлением не меньшим, нежели вызывали странные, призванные силой мага силуэты, обратились к нему. Альберт же, явственно слышавший шепот соратника, совершенно не прореагировал на него. Он лишь бросил быстрый взгляд в сторону говорящего и, широко, загадочно улыбнувшись, вновь отвел его, устремляя куда-то в незримое небытие.

Силуэты за его спиной, прибавляясь буквально на глазах, приобретали все более четкие очертания. Уже вполне можно было различить отдельных мужчин и женщин разных возрастов, но явно дееспособных; кое-где виднелись и детские фигурки, однако, умиления или жалости они не вызывали. Не вызывало добрых чувств и ни одно из появившихся существ, слишком бледных для того, чтобы казаться живыми, со слишком длинными ногтями, сходными уже больше с когтями хищных зверей, со слишком сильно налитыми кровью глазами и мелькающими периодически между бескровных губ мелкими, острыми зубами. Было их невероятное количество, – казалось, каждая песчинка взметнувшейся по воле мага волны пыли или земли обратилась в странное и страшное чудовище.

Кем были эти существа – не знал, пожалуй, никто, кроме призвавшего их хозяина. Обитатели замка, двое из которых сейчас находились непозволительно близко к возникшей так быстро и так внезапно несметной, растянувшейся длинной полосой армии, невольно напряглись, готовясь или скрыться за прочными дверями, или, при самом плохом раскладе, – принять бой.

Альберт, легко прочитав это напряжение, отразившееся на лицах молодых людей, с насмешливой улыбкой, в которой читалась абсолютная уверенность в победе, поднял руку, собираясь отдать команду к атаке.

– Не думаю, что это займет много времени, – в голосе мага прозвучали металлические нотки, и улыбка на мгновение стала холодной, однако, тотчас же вновь обрела былую насмешливую приветливость, – Думаю, ты будешь не прочь лишний раз доказать свою силу, мой дорогой племянник. Ах, едва не забыл, – он чуть повернулся, вставая к призванной им армии вполоборота и вытянув поднятую руку куда-то в сторону молчаливо ожидающих приказа созданий, щелкнул пальцами. Над холмом разнесся звук лопнувшего воздушного шара, смешавшийся с чьим-то изумленным, негодующим криком, почти сразу оборванным спокойным голосом Альберта.

– Не стоит столь громогласно демонстрировать свое негодование, месье Цепэш. Вы можете быть свободны, – мужчина вновь повернулся к своим непосредственным противникам и продолжил, уже стоя спиной к тому, к кому, собственно, обращался, – С сожалением вынужден констатировать, что даже художником ты, мой друг, был лучшим, нежели показал себя сейчас актером.

Влад, по сию пору не опомнившийся после столь неожиданной и мучительной смерти той, кого называл сестрой когда-то, да и удивленный не меньше прочих явившимися по зову мага созданиями, стиснул кулаки, резко шагая вперед.

– Ты... ты! – зарычал он, вероятно, совершенно не контролируя собственный гнев, – Как ты смеешь! Да я...

– Владислав, – голос Альберта явственно похолодел; вновь поворачиваться к собеседнику маг так и не собиравшись, – Если ты желаешь проверить дарованное тебе бессмертие, не смею мешать. Но вынужден предупредить – как только я опущу руку, эти милые люди разорвут на клочья любого, кто окажется в пределах их досягаемости. К тебе это тоже имеет отношение. Поэтому я не советовал бы тебе медлить, мальчик мой... Благословляй мою милость и спасайся бегством как можно скорее.

Цепеш задохнулся от негодования и, явно собираясь что-то сказать, открыл рот. Альберт, стоящий к нему спиной, скрытый телами мерзких созданий и совершенно точно не могущий видеть, как ведет себя его собеседник, мягко пошевелил пальцами воздетой руки, словно перебирая невидимые струны. Существа, повинаясь этому беззвучному приказу, синхронно повернулись. Владислав, увидев устремленные на него взгляды пылающих жаждой крови глаз, поперхнулся невысказанными словами и, отступив назад, торопливо перекинул ногу через мотоцикл. В последний миг перед тем, как скрыться, вновь вопреки своей воле, но в согласии с инстинктом самосохранения подчиняясь приказу Альберта, он обратил взгляд в сторону Романа, ухитряясь рассмотреть его за спинами членов армии мага. Взор его странно помрачнел, и Цепеш, так и не произнеся ни слова, и не предпринимая больше попыток остаться, резко ударил ногой по стартеру, заставляя мотоцикл сорваться с места, словно небольшую наземную ракету.

Роман, проводив его взглядом, сдержал вздох. Обвинение и недовольство, мелькнувшее в глазах друга объяснили молодому виконту все куда как яснее, чем могли бы сделать это даже самые проникновенные речи, и юноша, сознавая необходимость по завершении всего мириться с приятелем, испытал определенный дискомфорт. Впрочем, понимая и то, что для демонстрации личных чувств и переживаний время сейчас не самое подходящее, успешно скрыл его, вновь обращая внимательный взгляд на спокойного, уверенного в себе мага.

Тот снова легко пошевелил в воздухе пальцами. Существа, словно марионетки, за ниточки которых потянул умелый кукловод, опять повернулись лицами к замку, направляя взоры пустых глаз на находящихся перед ним людей. Выглядели они и в самом деле ничуть не более одушевленными, чем куклы, манекены, марионетки, не способные ни к самостоятельному мыслительному процессу, ни даже к самостоятельным действиям, могущие лишь подчиняться приказам хозяина.

Альберт спокойно и доброжелательно улыбнулся, как будто и не обращая внимания на действия своих подручных. Вероятно, смысла в этом, зная, что их поведение полностью зависит от него, он не видел.

– Ну, что ж... – снова заговорил мужчина, нарочито поднимая руку повыше, словно беря замах для того, чтобы жест выглядел более объемным, – Помех я более не наблюдаю. Ричард, ты остаешься за главного. А я, увы, вынужден откланяться, дабы не мешать вам развлекаться. Удачи, – по губам мага скользнула хитрая улыбка и то, кому было адресовано это пожелание, так и осталось неизвестным. Воздетая к небу рука его резко опустилась, рассекая воздух с едва слышным свистом, и фигуру мужчины окутал странный дым, или, быть может, туман, размывающий ее очертания. Не прошло и двух мгновений, как Альберт, только что с ухмылкой любовавшийся тем, как его племянники справляются с трудностями, щедро подбрасываемыми им при его непосредственном участии, исчез, словно бы и не стоял никогда на изумрудной траве перед замком, приминая ее светлыми ботинками.

Повисла тишина. Существа, призванные стать палачами для всех, кто находился перед ними, продолжали пока, не смотря на отданный магом приказ, стоять неподвижно, очевидно, ожидая дополнительного приглашения к началу бойни, а может, просто не могущие слишком быстро осознать полученное распоряжение.

– В замок... – Эрик, не сводящий с новых врагов пристального взгляда, нахмурился и, переведя его на явственно опешившего от перспективы такого сражения брата, повторил уже громче, – В замок!

В третий раз повторять ему не пришлось. Роман, вздрогнув, ибо последние слова молодой граф произнес, почти прокричал, едва ли ему не в ухо, торопливо сделал шаг назад. Затем еще один и еще; Эрик следовал его примеру.

Существа, внимательно проследив столь поспешное отступление своих предполагаемых жертв, зашевелились. На бледных лицах одновременно отобразилась мысль, будто отпечатанная крупным шрифтом, что убегающая добыча – это не правильно и, очевидно, не вкусно.

Взгляды покрасневших, налитых кровью глаз, медленно обратились к Ричарду, и тот, внезапно вспомнив, что был оставлен за главного, машинально сделал шаг назад.

– Ну... это... я... – откровенно неуверенно забормотал он, стараясь смотреть не на сверлящих его взорами монстров, а куда-нибудь мимо них, и силясь придумать какие-то более или менее командные слова. Слова, как нарочно, не придумывались и оборотень, глядя на очень явно, хотя и без особых внешних проявлений, теряющих терпение существ, сам начал терять уверенность. Впрочем, говоря на чистоту, он и не испытывал ее в количествах, необходимых для управления такой армией. Ричард вообще никогда не был полководцем, да и к получению такового звания отнюдь не рвался. Обязанность, возложенная на него Альбертом, оказывалась самому обязанному явно не по зубам, вместо уверенности в себе внушала ему лишь бесконечные сомнения и опасения, что делало задание не просто невозможным для выполнения, но и опасным для жизни исполнителя.

– В общем-то... – снова попытался он придумать хоть какое-то подобие приказа и, не находя в себе ни капли фантазии для этого, беспомощно оглянулся на уже успевших, за время его безуспешных попыток придумать тему для разговора с монстрами, добраться до замка молодых людей.

Эрик, заходящий в холл последним, коснулся ручки двери, не спеша закрывать ее, хотя и готовый сделать это в любое мгновение, и, в свой черед, обернулся через плечо на фактически оставшегося одного против толпы существ, Ричарда. Тот, заметив устремленный на него взгляд, поспешил отвернуться. Гордость, всегда бывшая спутницей упрямого оборотня, не изменила ему и на сей раз, – на лице его, пока оно еще было видно обитателям замка, застыла явная решимость скорее погибнуть в неравном бою, нежели унизиться до просьбы о помощи.

Между тем, существа, так и не услышавшие четкого приказа от оставленного начальником мужчины, недовольно завозились. В красных глазах явственно возникла озарившая собою все бледные лица, мысль, кажущаяся пришедшей в головы одновременно всем, – мысль, что плохой командир может стать хорошей закуской и помочь разогреть аппетит.

Вся длинная шеренга устрашающей армии медленно, но неотвратимо, словно бы подтолкнутая кем-то или чем-то, шатнулась вперед. Ричард замер. Сказать он больше ничего не пытался, да, впрочем, и смысла эта попытка бы не имела, – слушать его уже явно никто бы не стал.

Татьяна в замке, на протяжении всего этого времени не спускающая глаз с оборотня, взволнованно шагнула вперед. Сейчас, как и в тот миг, когда она остановила Винсента, не дав ему убить Ричарда, девушка совершенно не помнила о каких бы то ни было плохих поступках со стороны последнего, даже не задумывалась о них, ведомая лишь беспокойством, да нежеланием созерцать смерть не самого чужого для нее человека.

Ричард стиснул руки в кулаки и выпрямился с какой-то отчаянной, почти безрассудной гордостью и готовностью принять бой. Руки его едва заметно подрагивали. Армия, продолжая пошатываться, словно специально позволяя пробежать по ее рядам странной, устрашающей волне, медленно двинулась вперед.

Эрик вздохнул и, бросив быстрый взгляд на явно нервничающую девушку, сделал красноречивое движение, будто собираясь закрыть дверь. Татьяна ожидаемо не выдержала.

Не обращая ни на кого внимания, не задумываясь о том, какое впечатление ее поступок может произвести на всех присутствующих в замке, забыв даже о собственной, немного кружащейся голове, она метнулась вперед, упираясь обеими руками в створку двери и не давая хозяину замка закрыть ее.

– Ричард!.. – сорвался с ее губ отчаянный, исполненный страха возглас, и Татьяна умоляюще взглянула на молодого графа, – Пожалуйста...

Блондин сдержал вздох и, сдвинув брови, перевел взор на обернувшегося с робкой надеждой оборотня.

– Живо! – буквально рыкнул он, предпочитая не вдаваться в пространные объяснения этого приказа. Впрочем, этого и не требовалось.

Ричард, понявший все в мгновение ока, черной молнией, мгновенно рассекшей пространство, метнулся к замку, и спустя несколько мгновений влетел в его холл, едва переводя дух.

Эрик захлопнул дверь, закладывая изнутри тяжелый, остававшийся прежде не замеченным девушкой, засов, и повернулся к новоприбывшему, скрещая руки на груди. Ричард тяжело дышал, стиснув ворот собственной футболки, казался еще бледнее, чем минуту назад перед замком, но, тем не менее, выглядел довольно решительно.

– Спасибо, – он глянул на молодого графа и, вероятно, не зная, как еще выразить благодарность, чуть поклонился, – Еще чуть-чуть и, боюсь, меня бы порвали на кучу волчат.

– Ты же был оставлен за главного, – Винсент, насмешливо сузив глаза, чуть отошел от входа, прислоняясь к столу. Оборотень в ответ на насмешку лишь фыркнул.

– По-моему, они не очень этим прониклись. Ты видел, я... – он неожиданно обратил внимание на то, с кем разговаривает, и прервался на полуслове, продолжая уже куда как более недоумевающим тоном, – Погоди-ка. А ты, собственно, кто такой? Кажется, я видел тебя где-то... когда-то...

– Триста лет назад ты его видел, – ухмыльнулся Роман, предпочитая объяснить все лично, – На балу.

– На балу?... – медленно повторил оборотень и, потеряв переносицу, поморщился, – А, на том балу... Ах, да-да, точно, ты же мне был представлен как бра... – он вновь замолчал. Лицо его медленно озарилось каким-то невероятным прозрением, и мужчина недоверчиво перевел

взгляд на безуспешно пытающуюся спрятаться за «братом», опустившую в целях конспирации взгляд, девушку.

– ...т... – завершил он начатое слово и, хмурясь, сделал шаг к Татьяне. Та, тяжело вздохнув, медленно подняла голову.

– Ричард...

– Ренард, – машинально поправил ее собеседник и, ошалело тряхнув головой, воззрился на девушку уже несколько более осмысленно, – Какого черта?! Как ты оказалась на балу трехсотлетней давности??

– Не самое удачное время, чтобы это выяснять, – граф де Нормонд, опустив руки, негромко вздохнул, – Поговорите позже. Татьяна...

– Когда «позже»? – не выдержав, оборвал его Ричард и, уперев руки в бока, даже сделал шаг вперед, не то в сторону девушки, не то в сторону хозяина замка, – Еще через триста лет?! Да я...

– Не исключено, – Роман, усмехнувшись, сам решительно шагнул вперед, как будто готовясь в случае чего удержать оборотня, – Впрочем, если ты не умолкнешь, мы тебя выставим вон прямо сейчас. После этого трех столетий гарантировать тебе не смогу даже я... И не надо считать нас жестокими, мы крайне добры! – заметив устремленный на него скептический взгляд собеседника, юноша уверенно кивнул, подтверждая собственные слова, – До безобразия добры. Татьяна, брысь в гостиную.

– Сам ты брысь, – девушка, с некоторым опасением прислушивающаяся к доносящимся снаружи звукам, и сама, в общем-то, была не прочь смыться куда-нибудь подальше от происходящих событий, но спускать Роману наглость не желала, – Меня надо просить вежливо, долго и упорно! И то я еще подумаю.

– С покалеченной головой только думать, – вмешался в мирную беседу хранитель памяти и, повернувшись к Татьяне, сдвинул брови, – Кышь отсюда, мадемуазель, пока не сожрали.

– Это что, намек на то, что ты соскучился по птичкам, и меня относишь к их числу? – девушка кисло сморщилась и, окинув взглядом по сию пору молчащих Эрика и Ричарда, развела руки в стороны, – Кто еще что вежливенькое хочет добавить? Не стесняйтесь, пока я внимаю.

– Чего тут добавлять-то, – оборотень недовольно шмыгнул носом и почти рефлекторно потеряв его, указал взглядом на дверь гостиной, – Твое место там, женщина, если не хочешь, чтобы тебя порвали на тонну тряпочек.

– Грубовато, но верно, – подхватил граф де Нормонд, не сводя с собеседницы внимательного взгляда, – Тебе будет куда как безопаснее в гостиной, Татьяна. Поэтому прошу тебя, не спорь.

Девушка негромко вздохнула и, изображая всемирную печаль, пожалуй, соответствующую лишь идущему на плаху, нарочито медленно отправилась к балюстрадам. Впрочем, дойдя до них, она остановилась и взволнованно оглянулась на тех, кто оставался в холле.

– А... вы?

– Нас всех гостиная не вместит, – последовал веселый, жизнерадостный ответ, и Роман довольно ухмыльнулся, поворачиваясь к дверям. Винсент же, легко прочитавший в глазах девушки отнюдь не шутливое отношение к ситуации, ободряюще улыбнулся.

– Не беспокойся. Мы не так слабы, как могло бы показаться на первый взгляд, – он ободряюще подмигнул и, показывая, что разговор окончен, тоже отвернулся к дверям.

– Все будет хорошо, – лаконично подтвердил его слова молодой граф, а оборотень, вероятно, не находя нужных слов, согласно опустил подбородок. Татьяна чуть покачала головой, все же продолжая свой путь и скрываясь в гостиной. Уже закрывая дверь она, еще раз оглядев остающихся в холле мужчин, почти умоляюще произнесла:

– Будьте осторожны...

Однако голос ее, слишком тихий среди уже раздающегося из-за дверей рычания и воя, остался не услышан...

***

– Хорошо, хоть от нее избавились, – Ричард с облегчением вздохнул и как бы невзначай отступил чуть поближе к балюстрадам. Татьяна за дверью, разумеется, не находящая в себе сил удержаться от подслушивания, услышав это заявление раздраженно выдохнула, чем вызвала у чрезвычайно остро слышащего виконта де Нормонд негромкий смешок.

– Ты бы поосторожнее, она же подслушивает, – очень мягко и проникновенно произнес он и, показывая, что данная тема себя исчерпала, выжидательно воззрился на брата, – Армия построена и ждет приказов, господин командир!

Винсент с нарочито тяжелым вздохом отстранился от стола, к которому прислонился до сей поры и честно попытался изобразить стойку «смирно».

– Уже построена, да? – ленивым и демонстративно утомленным голосом осведомился он, – А я еще даже не успел побриться...

– Сейчас тебя эти твари побреют, – сумрачно пообещал оборотень и, пожившись, отступил еще на несколько шагов. Эрик, с любопытством проследив сию попытку дезертирства, вежливо изогнул бровь.

– И куда же вы собрались, месье Ламберт?

– Куда-нибудь туда, – с готовностьюотреагировал его собеседник, указывая на балюстрады и, заведя искреннее и вполне возмущенное удивление в глазах прочих присутствующих, недовольно скрестил руки на груди, – В вас что, вообще жалости нет? Я, между прочим, и так побитый стараниями вашего дядюшки и его прихвостня, вы меня еще и на ужин этим отдать хотите?

– Кстати, неплохая идея, – Роман сладко улыбнулся, – Давайте дадим живности приманку, и пока они будут разгрызать на кусочки нашего внезапно образовавшегося дружка, мы их того.

– Сейчас я тебя того! – разозлился Ричард, – Ни стыда, ни совести у людей, а! Вообще-то некоторых я просил о помощи, – взгляд его красноречиво уперся в наблюдающего за происходящим с тонкой насмешливой улыбкой молодого графа. Тот, обнаружив сей взор, слегка пожал плечами.

– Я тебе только что помог.

– А я хотел... – продолжил, было, поток негодования Ричард, однако, раздавшийся внезапно вой и последовавший за ним глухой удар в двери замка, заставил его умолкнуть. Впрочем, не только его. На протяжении нескольких секунд никто из находящихся в холле не подавал голоса, вероятно, опешив от столь внезапно возросшей настойчивости со стороны врагов.

– Они там что, друг другом в двери кидаются?.. – наконец негромко подал голос хранитель памяти, сохраняя, впрочем, серьезное выражение лица.

– Не важно, – Эрик, как-то сразу помрачневший и похолодевший, коснулся засова, явно намереваясь его отодвинуть, – Роман, Винсент, за мной. Ричард... – он быстро глянул на оборотня, затем перевел взгляд в сторону двери гостиной, за которой не так давно скрылась девушка, – Если с Татьяной что-то случится...

– Ты думаешь, я дам ее в обиду? – перебил его оборотень и, словно забывая про собственное болезненное состояние, выпрямился, разворачивая плечи, – Можешь не волноваться. Ты скорее найдешь мой труп, чем ее.

– Прекрасно, – лаконичноотреагировал граф де Нормонд и, не заставляя более натравленных на замок чудовищ ждать, откинул засов.

– Вот так и держится военный совет! – жизнерадостно провозгласил Роман, – Выясняют, кто линяет, а кто будет отдуваться за всех четверых... Привет, ребятки. Позвольте осведомиться, давно ли вы получали по шее?

***

Татьяна, сидящая в гостиной и внимательно вслушивающаяся в доносящиеся из холла звуки, услышав, как открылась входная дверь, испуганно вздрогнула. Втроем – ибо она слышала о нежелании оборотня присоединиться к битве – выступить в лоб против целой армии было, на ее взгляд, совершеннейшим безумием. Впрочем, как и на взгляд любого другого здравомыслящего человека. Однако, вероятно, среди защитников замка здравомыслящих людей не наблюдалось, а единственный, кто еще мог бы, хоть и с некоторой натяжкой, подойти под это определение, останавливать их или помогать, как уже говорилось, отнюдь не планировал.

Промаявшись на протяжении нескольких, показавшихся ей невероятно долгими, секунд, Татьяна, до которой даже сквозь вновь застекленные окна очень ясно доносились злобные звуки, издаваемые на улице не менее злобными тварями, наконец, не выдержала. Вскочив со стула, на котором, во имя отдыха, восседала до сей поры, девушка бросилась к двери, ведущей в холл. В бой она вступать, разумеется, не планировала, однако же, предполагала хотя бы увещевать Ричарда, сейчас, должно быть, с видом самоотверженного бодигарда охраняющего дверь гостиной.

Распахнув последнюю, она убедилась, что совершенно не ошиблась.

Оборотень, выглядящий, как уже упоминалось ранее, довольно потрепанным, несколько обессиленным и очень бледным, тем не менее, стоял с самым, что ни на есть серьезным видом за балюстрадами возле гостиной, скрестив руки на груди и демонстрируя всем видом твердое намерение никого не впускать и, уж тем более, не выпускать. Не взирая на то, что к выглянувшей на волю девушке он находился спиной, решимость эта была весьма очевидна и едва ли не ощущалась физически.

– Между прочим, мог бы и помочь! – нацеленность на вежливое увещевание при виде столь яркой и упрямой непоколебимости как-то сразу разлетелась вдребезги. Ричард, услышав обращение к нему, недовольно дернул плечом и, бросив быстрый взгляд через него на собеседницу, вновь отвернулся.

– Исчезни из поля моего зрения.

– С ума сойти, как вежливо, – недовольно отреагировала Татьяна и, подражая оппоненту, скрестила руки на груди, – С такими манерами тебе прямой путь в английские лорды! Или что же, «страстные французы» не считают необходимым проявлять такт к леди?

– Либо ты леди, либо мадемуазель, – огрызнулся оборотень, не меняя позы, – Определись уже. И уйди с глаз моих, кому сказал!

– У тебя на затылке глаза? – ядовито осведомилась в ответ девушка, сверля взором если не затылок, то, уж во всяком случае, шею собеседника, – Волосы их не застыт?

– Татьяна, – Ричард резко обернулся и девушка, неожиданно обнаружив своего оппонента абсолютно серьезным и от чего-то весьма усталым, как-то сразу потеряла все настроенное язвить и препираться, – То, что ты здесь, даже если просто высываешься из комнаты, – крайне опасно. Тебе, как всегда, наплевать на себя? Хорошо, я этому не удивляюсь, но подумай о своих друзьях. Эти твари реагируют на запах живой крови. Если они почуют тебя, станут еще злее, будут еще сильнее рваться в замок, и тогда никто не сможет предсказать исход сражения.

Татьяна сглотнула, не найдясь сразу, что ответить и на всякий случай отступила назад, в гостиную. Впрочем, дверь в нее она пока что не закрыла, предпочитая продолжить занимательный разговор.

– Но разве не тебя Альберт оставил у них за главного?

Оборотень криво усмехнулся.

– Странно, что ты не заметила, как любит твой батюшка шутить. Слабый, не до конца пришедший в себя после побоев человек – один против целой армии, почти лишенный реальной возможности оказать сопротивление ей! – да уж, идеальный командир. Таким командиром только закусить, прежде, чем перейти к основному блюду...

Татьяна опять не нашлась, что ответить. Слова Ричарда звучали вполне логично, особенно в свете того, что происходило у нее на глазах, но верить в то, что отец может оказаться до такой степени жестоким, хладнокровным убийцей, ей все еще не хотелось. Хотя, если вспомнить то, как он швырнул в Эрика кол...

С улицы донесся чей-то хрип, и девушка содрогнулась, возвращаясь мыслями к происходящему прямо сейчас.

– Рик... – взгляд ее, обращенный к собеседнику, был исполнен мольбы, голос звучал жалобно, – Они ведь справятся, да?.. – и, не дожидаясь ответа, пробормотала, – Что за безумие выступать втроем против этих всех...

Ричард едва заметно пожал плечами, вновь поворачиваясь в сторону выхода из замка, словно стараясь рассмотреть происходящее за приоткрытыми дверями.

– Не могу ничего сказать насчет этого твоего «брата»... Но граф с виконтом и этим тварям дадут нехилую фору, – он хмыкнул, неожиданно улыбаясь с ясно заметным оттенком удовольствия, – Честно сказать, мне кажется, Эрик бы и один раскидал их. Но пусть уж ребяташки позабавятся все вместе...

С улицы неожиданно донесся львиный рык, и оборотня передернуло. Всю его разговорчивость, все относительно приветливое настроение этим рыком сдуло с него, словно ветром. Он снова обернулся на девушку, к этому времени уже успевшую миновать дверной проем и стоящей теперь в гостиной, и, сделав резкий шаг к двери, не говоря ни слова, захлопнул ее. Чувствовалось, что продолжать беседу мужчина по каким-то причинам не считает целесообразным.

Татьяна, вновь оставшаяся в гордом одиночестве, сумрачно вздохнула и, предпочитая в свете собственного состояния, ужасаться сидя, опять опустилась на стул, с которого недавно поднялась. Крики, визги и предсмертный хрип тварей, доносящийся с улицы, неотвратимо сливались в сплошной, трудноразличимый шум, и девушка, с радостью не слышащая среди этой какофонии знакомых голосов, позволила своим мыслям беспрепятственно заскользить в направлении, абсолютно не веселом, но зато отчасти отвлекающем от страха за близких.

То, что Альберт был в курсе ее пребывания в замке, для нее не осталось секретом, тем более, что отец особенно и не скрывал этого. Как и не оставило сомнений то, что одной из целей его визита сюда было именно представление самого себя в качестве отца девушки своего племянника, и, как следствие, разрушение каких бы то ни было отношений между ними. В том, что родитель знает ее достаточно для того, чтобы предсказать ее поведение в такой ситуации, Татьяна не сомневалась. При всей ее любви к Эрику, при всей злости на собственного отца, она не могла не отступить перед неопровержимыми фактами, как бы сильно те ее не расстраивали. Да, Эрик, конечно, попытается убедить ее в глупости такого поведения, Роман с Винсентом, вероятнее всего, придут ему на помощь, но... Это ведь не каприз, не девичья глупость. Ни при каких условиях она не может быть женой двоюродного брата! Пусть даже о женитьбе речи пока и не заходило.

Шум, доносящийся с улицы, неожиданно оборвался. Последовавшая за ним тишина отчего-то показалась жуткой, зловещей, и Татьяна, мгновенно заволновавшись еще сильнее, чем прежде, вскочила со стула. Первым ее порывом было броситься к окнам, попытаться выглянуть в них, рассмотреть хоть что-нибудь, но внезапно представив, как это самое «что-нибудь» может выглядеть, девушка от идеи отказалась.

Тем более, что по каменным плитам пола уже громко звучали чьи-то уверенные шаги.

Девушка взволнованно подалась им навстречу. В том, что подходящий к гостинной человек не был врагом, она была почему-то уверена, быть может, предполагая, что враг бы передвигался как-то иначе, однако же беспокоиться за состояние здоровья подходящего ей это отнюдь не мешало.

Двери распахнулись, являя взору Татьяны молодого графа, буквально с ног до головы заляпанного, перепачканного в крови. Заметив несколько рассекающих его рубашу порезов, девушка испуганно прижала руки к груди и бросилась, было, вперед, беспокоясь за здоровье молодого человека, однако, тот жестом и улыбкой остановил ее.

– Не стоит волноваться, – мягко проговорил он, сам подходя к собеседнице ближе, – Кровь не моя, а все раны достались рубашке.

– Слава Богу... – Татьяна, облегченно выдохнув, едва удержалась, чтобы не перекреститься, но тотчас же заволновалась вновь, – А что с остальными? Как Роман? Винсент? И где Ричард? Я не заметила его у дверей, когда ты входил...

– Ричарда, вероятно, опять призвал Альберт, – Эрик, начиная отвечать с конца, чуть повел плечами, – Во всяком случае, здесь его нет, а чтобы он покидал замок, я не видел. Роман в абсолютном порядке, доволен «разминкой», а вот Винсент... – блондин замолчал, закусив губу и девушка ощутила, как у нее холодеют пальцы.

– Что?.. – еле слышно переспросила она и, не дожидаясь ответа, добавила уже громче, – Что с Винсом?!

– Я в нереальном порядке! – ответил ей из холла хриплый, звучащий несколько слабавато, но все же жизнеспособно голос хранителя памяти, – И даже могу сам... Почти... Ты меня что, решил по перилам размазать?! Тоже еще, добрый самаритянин...

– Самаритянин бы тебя в лесочке под кустиком закопал, пока не очухаешься, – не остался в долгу, вероятно, помогающий другу Роман, – И это называется балюстрада, ты, неученый ты кот! Можешь почти сам, так и не почти на мне! В смысле, не виси.

– Можешь гордиться ролью костыля, – противно захихикал Винсент, чем окончательно убедил слушающую эту перепалку из гостинной девушку в своем здоровье, – Это почти повышение... Ай! Косяк-то здесь при чем?

– Косяк мне тоже жалко, – виконт, заходя в гостиную и заводя и в самом деле практически висящего на нем Винсента, грустно вздохнул, – Но его я пожалею потом.

– О, я счастлив быть первым в очереди на жаление, – проворчал хранитель памяти и, остановившись в дверях, замолчал, будто предоставляя возможность всем присутствующим и, в особенности, Татьяне, полюбоваться его состоянием. Последняя в ужасе прижала руки ко рту.

Вопреки попыткам говорить бодро и весело, да и самому заявлению о «нереальном порядке» своего здоровья, выглядел мужчина ужасно. Закинув руку на плечо придерживающему его за талию виконту, практически, как уже говорилось, повисая на нем, Винсент едва стоял на очень явственно подламывающихся, подкашивающихся ногах. Футболка его, до начала сражения плотно облегавшая могучий торс, сейчас болталась на теле рваной тряпкой, и то, что от нее осталось, при всем старании не могло скрыть жутких длинных ран, порезов, рассекающих плотную, бледную после лет сидения в подвале, кожу. Ключья футболки уже слиплись от крови, джинсы, перепачканные ею, стекающей вниз, казались скорее идеальным костюмом жертвы из фильма про маньяков, нежели обычной человеческой одеждой. Впрочем, и сам хранитель памяти вполне вызывал ассоциации с такой жертвой. Сознывая производимое впечатление, он попытался выпрямиться, очевидно, для того, чтобы наглядно продемонстрировать великолепное состояние своего здоровья. Раны закровоточили еще больше, и мужчина, едва слышно охнув, поспешил вновь чуть согнуться.

Роман, от которого сия жалкая попытка бравады отнюдь не укрылась, обреченно вздохнул и, бросив на друга полный недовольства осуждающий взгляд, аккуратно подвел его к ближайшему стулу, помогая сесть на него.

– Фух, – знаменовал он сие событие облегченным вздохом, – Ну и тушка... Надеюсь, вашему кошачьему величеству довольно стула? А то, быть может, корзинку сплести, клубочек притащить...

– Хватит ерничать! – Татьяна, с замиранием сердца следившая за перемещением хранителя памяти по комнате, не выдержала и, бросившись к раненому, встревожено присела на корточки рядом с его стулом, – Ему срочно нужен врач... Срочно!

– Эх, незадача, – Роман демонстративно огорченно взъерошил собственную шевелюру, – И как это мы до сих пор не озаботились наличием в замке ветеринара?

– Роман! – девушка в негодовании так резко повернулась к юному шутнику, забывая о собственном состоянии, что едва не приземлилась с корточек совсем на пол, – Не время шутить! Ты сможешь где-нибудь... как-нибудь... Знаю, звучит глупо и, наверное, это сложно, но, быть может, получится...

– Найти доктора, схватить за шкуру и приволочь сюда? – молодой интантер насмешливо фыркнул, – Будет сделано, мадемуазель! Только позволю себе заметить, что мямлить в этой ситуации не менее глупо, чем шутить.

Ответить Татьяна не успела. Роман, передвигающийся, что не удивительно, с невозможной для человека скоростью, уже скрылся за дверями гостиной и, вероятнее всего, благополучно покинул замок.

Эрик, по сию пору, за неимением возможности вставить хоть слово в напряженную беседу, хранивший молчание, чуть вздохнул и, подойдя ближе, аккуратно поднял все еще сидящую на корточках девушку на ноги.

– Ты не поможешь ему, если ко всему прочему, упадешь, – негромко проговорил он. Татьяна сделала для себя вывод, что от хозяина замка ее крайне шаткие попытки усидеть в неустойчивом положении не укрылись, и не стала возражать. Хранитель памяти молча следил за происходящим.

– Хочешь чего-нибудь? – девушка, глядя на него с нескрываемой жалостью, опять прижала руки к груди. Мужчина саркастически усмехнулся.

– Можно ядику грамм двести. В остальном, по-моему, смысла уже нет.

– Как был остряком, так и остался, – блондин чуть покачал головой и, решительно усадив и стоящую-то на ногах не очень устойчиво, Татьяну на стул, облокотился на его спинку, – Брось паниковать, друг мой. Роман найдет врача, тот поможет тебе...

– Может, лучше было бы какого-нибудь портного? – с самым, что ни на есть, серьезным видом, перебил его собеседник, – Меня, по-моему, после когтей той твари, только швейной машинкой штопать.

– Слушай, я очень рада, что ты даже в таком состоянии не потерял чувства юмора, – не выдержала Татьяна, – Но сделай одолжение, не используй его так уж рьяно. А то, знаешь ли, как-то не смешно... Как тебя вообще так угораздило? На Романа же с Эриком ни царапины...

Винсент моментально помрачнел.

– Самым, что ни на есть, кретинским образом. Твари-то, хоть и выглядели жутковато, убивались легко, довольно скоро весь холм был укрыт ровненьким ковром их трупов. Ну и, иду я, значит, по этому коврику, а вдруг один из трупов оказывается не трупом. Я не заметил, наступил на него, а он и бросился... Я даже среагировать не успел.

– Хорошо, мы с Романом успели, – подхватил Эрик, – Правда, прежде, чем избавились от той твари, она успела оставить несколько следов на память Винсу...

– До свадьбы заживет, – довольно сумрачно, но вполне убежденно буркнул в ответ хранитель памяти, вероятно не желая продолжать неприятную ему тему.

Татьяна тихо вздохнула. Романа с доктором пока что в пределах видимости не наблюдалось, а позволять Винсенту задумываться о собственных страданиях ей решительно не хотелось. Посему, зная по собственному опыту, что наилучший способ вылечиться – просто забыть о болезни, она предпочла найти другую тему, дабы отвлечь раненого.

– Кто они вообще такие? Ну, в смысле были. Твари эти, монстры, или как их...

– Упыри, – Винсент глубоко вздохнул, слегка поморщился и задумчиво взглянул на потолок, – Луиза, собственно, тоже к ним относилась.

– Упыри? – граф де Нормонд, похоже, удивленный сим известием не меньше, чем поднявшая эту тему девушка, удивленно воззрился на друга, – Погоди, а разве это были не вампиры?

Хранитель памяти коротко хрипловато рассмеялся.

– Э, нет, друг мой, будь это вампиры, мы бы не отделались одним подранным мной. Да и вряд ли вампиры стали бы столь тупо выполнять приказы какого-то мага... У них-то мозгов побольше будет.

– Да какая разница? – удивилась в свой черед Татьяна, – Что те, что другие... Вообще, слова «вампир» и «упырь» часто вполне синонимичны.

– Ага, я знаю, – Винсент недовольно шевельнулся и чуть присполз на стуле, – Ну, ладно, господа студенты, коль уж доктора мне никак не ведут, прочитаю вам небольшую лекцию. Во-первых, вспомним бумажку, из которой стало ясно, что вы с Романом, – взгляд хранителя памяти упал на хозяина замка, – Интантеры. Про этот вид я, честно, сказать ничего не могу, ибо науке в моем лице он неизвестен. Однако, там же упоминались и другие кровопьющие создания, вроде упырей и вампиров. Если помните (я помню неплохо, как за счет профессиональной памяти, так и потому, что не так давно изучал эту записочку), упырь там характеризовался как «кровосос», а вот вампир уже «выш.» чем упырь. Возникает вопрос – что же такое упырь, и почему о нем так мало информации в этом листочке? А ответ прост – просто больше о нем ничего и не скажешь. Упырь – создание, начисто лишенное разума, ведомое лишь инстинктом, жадой крови, голодом, и более ничем. Помните, как Луиза попыталась броситься на Татьяну, лишь увидев ее? И это при том, что она-то казалась умнее, чем вся эта толпа безмозглых тварей!

– Да, – девушка несколько поникла, грустновато добавляя, – А Ричард оттолкнул ее... И тогда, в прошлом, тоже...

Эрик при этих словах слегка нахмурился, однако, говорить ничего не стал, снова обращая взгляд к хранителю памяти. А тот между тем продолжал.

– Ее вела жажда крови, затмевающая собою последние остатки сознания. Учитывая же, что и эти остатки находились под контролем Альберта, Луизу и в самом деле можно счесть не более, чем инструментом в его руках. Эти твари были еще хуже. В принципе, упырь образуется почти по тому же принципу, что и вампиры в старых сказках: укусил – напился – обратил. Но, тем не менее, существует между этими двумя «превращениями» очень и очень важная разница. Упырь, обращая, не пьет кровь.

– Не понял, – молодой граф, чуть отстранившись от стула, но продолжая сжимать его спинку пальцами, недоуменно сдвинул брови, – Кровосос, но не пьет кровь?

– Пьет, – спокойно сообщил Винсент, который, рассказывая о сути чудовищ, от атаки которых пострадал только что, и в самом деле странным образом приободрился, забывая о ранах, – Когда голоден. Но когда ему нужно воспроизвести себе подобное существо – можно сказать, что таким образом они размножаются, – он поглощает нечто другое, – хранитель памяти замолчал, выдерживая драматическую паузу и, обведя слушателей значительным взглядом, наконец произнес, – Черепно-мозговую жидкость. Обращая, эти твари фактически лишают жертв некоторой части мозга, очевидно, той самой, что отвечает за адекватное мышление, что и превращает тех в тупых кровососов. За счет этого череп упыря становится значи-

тельно мягче черепа нормального человека, в чем ты, Эрик, мог убедиться лично, а сознание куда как более восприимчиво внушению разного рода магов.

– Магов?.. – раздавшийся от двери гостиной чуть дрогнувший молодой, незнакомый голос, заставил всех присутствующих обратить внимание в сторону выхода. На пороге, поддерживаемый (читай – удерживаемый) виконтом де Нормонд, стоял неизвестный молодой человек в белом врачебном халате, почти мешком свисающем с его худощавых, тонкокостных плеч. Большие, небесно-голубые, выделяющиеся на совершенно бледном лице яркими незабудками, глаза его были широко распахнуты, и ужас, плещущийся в них, отражался, казалось, и во всем облике этого человека. Худой, высокий, стройный, но кажущийся от чего-то нескладным, он, стоящий в полутени распахнутой двери в гостиную, производил впечатление хрупкой фарфоровой игрушки, доставленной сюда с неизвестными целями. Тонкие, мягкие волосы пшеничного цвета, растрепанные и взъерошенные, очевидно, в процессе слишком быстрого перемещения, мягко обрамляли узкое высоколобое лицо, проскальзывающие в тень лучики света подчеркивали четкие, тонкие и изящные черты его. Незнакомец мог бы, пожалуй, даже показаться красивым, если бы не искажающий милые черты почти животный ужас.

– Что... что вы... где?.. – пролепетал он, и Роман, вероятно, предпочтя взять на себя роль добровольного экскурсовода, чуть подтолкнул его вперед.

– Представляю вашему вниманию прекрасный старинный замок! – юноша широко улыбнулся явно ненатуральной, какой-то заученно-профессиональной, улыбкой и, сделав широкий жест, продолжил, – Перед вами сейчас находится гостиная. Обратите внимание направо – там стоят обалдевшие от внезапной радости вашего визита хозяин замка, по совместительству мой брат, и его девушка, по совместительству его кузина... – заметив, как помрачнело лицо упомянутой кузины, виконт предпочел сменить объект представления и, схватив приведенного им парня за худые плечи, рывком повернул в сторону Винсента, – А прямо налево у нас находятся раненные котики, в смысле несчастные, искалеченные в жестоком бою самоотверженные герои, которых, в общем-то, вас, дорогой гость, и позвали починить. Вы как, в состоянии?

Молодой человек, очевидно, еще не успевший до конца прийти в себя от невероятного, кажущегося невозможным для обычного, настроенного весьма материалистически, человека, перемещения из пункта «А» в пункт «Б», подавленный этим обилием красноречия, не сразу осознал обращенный к нему вопрос. Впрочем, Роман отнюдь не планировал давать ему времени для осознания случившегося.

– Чарли! – он уверенно тряхнул собеседника и подтолкнул его в сторону восседающего со скептическим видом хранителя памяти, – Не притворяйся, что никогда такого не видел! Лучше притворись, что видел.

– Это... но... – молодой человек, не отводя взгляда от ран сидящего перед ним человека, медленно моргнул, – Надо... надо полицию... когда такое...

– Полиция уже бежит сюда со всех четырех копыт! – жизнерадостно заверил виконт де Нормонд, окончательно деморализуя бедного парня этой фразой и, выпустив его плечи, сделал шаг назад. Голос его, когда он произнес следующее слово прозвучал непривычно сурово, едва ли не устрашающе:

– Действуй.

Молодой человек, названный приведшим его интантером Чарли, вздрогнул всем телом и неуверенно сделал еще один шаг вперед. Во взоре его, устремленном на Винсента, все еще в большей степени превалировал страх, нежели желание помочь, или хотя бы профессиональное стремление спасти человеческую жизнь, и девушка, нервы которой уже на протяжении некоторого времени были взвинчены до предела, неожиданно разозлилась.

Не обращая на откровенно зависшего «доктора» абсолютно никакого внимания, она медленно и тяжело поднялась со стула, на котором сидела, бросая на виконта совершенно убийственный взгляд.

– Ты кого притащил? – слова эти сорвались с ее губ злобным шипением, но Татьяна даже не обратила на это внимания, – Он хотя бы отношение к медицине имеет, этот тип? Или ты увидел первое попавшееся чудо в белом халате и решил, что он сумеет оказать необходимую помощь?

Роман тяжело вздохнул. Приведенный им юноша, услышав слова девушки, медленно перевел взгляд на нее и несколько раз непонимающе моргнул. Лицо его выразило совершенно натуральное удивление, правда, пока что непонятное никому из присутствующих, да и не замеченное ими, и он попытался что-то произнести, но виконт де Нормонд ожидаемо не позволил ему этого.

– Верь или нет, но этот парень – профи в своем деле. Он один из лучших хирургов в городе, искать кого-то еще было бессмысленно. И вообще, что за глупая привычка судить по внешности? Дай ему швейную машинку – он Винса вмиг заштопает!

Теперь уже на лице доктора отразилось откровенное недоумение. Судя по всему, таких речей он в сложившейся ситуации явно не ожидал, и сейчас, услышав их, растерялся настолько, что даже забыл про сбедающий его до сей поры страх.

Винсент тяжело вздохнул и, видя, что лечить его никто не торопится, попытался сесть на стуле более прямо. Раны его, и до того не особенно стремящиеся закрыться, снова дали о себе знать, исторгая несколько капель крови. Хранитель памяти стиснул зубы, стараясь сдерживать рвущийся наружу стон, однако, сделать этого не сумел, и от осознания сего факта враз ощутил себя до крайности несчастным.

Доктор вздрогнул. Стон, изданный больным, его попытка пошевелиться, его без следа исчезнувший нарочито безмятежный вид, – все это произвело на него совершенно невероятное впечатление. Взгляд молодого человека мгновенно изменился, становясь твердым, слегка обеспокоенным и сосредоточенным.

– Необходима вода, чистая ткань, что-нибудь обеззараживающее... – при этих словах он окинул взглядом окружающих его людей и чуть нахмурился, – Хотя бы спирт. Медицинский, алкогольные настойки не годятся. И шелковая нить, – голос его, только что дрожащий, как заячий хвост, обрел небывалую и неожиданную твердость, не подчиняться казалось невозможным, – Не шевелитесь, – этот приказ уже относился к хранителю памяти, – Чем меньше вы будете делать движений, тем лучше. Да, не помешают еще ножницы, – шагнув ближе к раненому, молодой доктор обернулся через плечо на, хоть и не особенно уверенно, но все же уже отправившихся выполнять его распоряжения людей, – Раны необходимо освободить от остатков одежды...

***

– Я очень надеюсь, что он все-таки сумеет помочь Винсу, – проговорила Татьяна, когда они втроем, покинув гостиную, направлялись к каморке, как к единственному месту, где существовала хотя бы теоретическая возможность найти то, что затребовал доктор.

– Ну, хуже-то уж точно не сделает, – до удивительного серьезно проговорил в ответ Роман и, тотчас же не замедлив испортить это впечатление, на редкость весело прибавил, – Хуже-то уже некуда. Разве что он его совсем на кусочки распилит... И будет у нас много-много маленьких Винсят.

Несколько мгновений тишину холла нарушали только уверенные, поспешные шаги. Ни хозяин замка, ни девушка не находились, что ответить на крайне уместную шутку молодого виконта, а последняя еще и начинала вновь испытывать угасшее было раздражение. Наконец, когда дверца каморки находилась от них уже в нескольких шагах, она не выдержала.

Остановившись, Татьяна рывком обернулась к шедшему позади нее Эрику и, нарочито не обращая внимания на тоже затормозившего Романа, холодно проговорила:

– Интересно, почему твой брат так плохо умеет различать серьезные моменты?

– Эй, что за наезды! – юноша, не давая брату ответить, нахмурился, решительно делая шаг вперед, – Я тут, вообще-то, не за просто так клоуном подрабатываю, я напряжение с ситуации снимаю! И, кстати говоря, я такой же брат твой, как и его.

Девушка побледнела. Все мысли, все отчаяние, задавленное новой бедой, от этих слов разом навалилось на нее, заставляя испытывать боль едва ли не равную по силе той, что переживал сейчас Винсент.

– Не смей... – она задохнулась и, отчаянно сдерживая слезы, прошептала, – Не напоминай...

– Что такое? – теперь уже сам граф де Нормонд, видя, что относительно мирная поначалу перепалка принимает какой-то очень плохой оборот, предпочел вмешаться и, сдвинув брови, сам шагнул к новоявленной кухне, – Татьяна... Что тебя так взволновало?

– А ты, конечно, не понимаешь! – слезы жгли глаза девушки, она вся дрожала от сдерживаемого из последних сил отчаяния. Роман, видя такое ее состояние, мгновенно посерьезнел. На лице его, незамеченное Татьяной, отразилось горькое понимание.

Эрик же, в отличие от брата и в самом деле не осознающий причин поведения девушки, тоже предпочитал помалкивать, ожидая пояснений.

– Я... мы... – Татьяна всхлипнула и, стараясь высказать все, мучающее ее, сразу, сдавленно и сбивчиво проговорила, почти прокричала, – Мы родственники... родная кровь... вместе теперь не сможем... никогда, ты понимаешь, никогда!

– Почему?... – граф де Нормонд, пораженный поведением собеседницы, потрясенный ее столь бурной реакцией на, как ему казалось, ничего не значащее положение вещей, растерянно заморгал, – Это ничего не меняет. Нужно только разрешение церкви, да и потом, через столько лет...

– Это меняет все! – девушка, почти не услышав заключительных слов молодого человека, неожиданно метнулась вперед, направляясь к дверям замка. Оставаться дольше в обществе того, кого так сильно любила, и кого, казалось, навеки потеряла, она больше не могла.

Отчаяние придало ей сил. Споткнувшись о стоящий среди холла стул, девушка одним движением распахнула тяжелую створу входных дверей и, не потрудившись закрыть ее за собой, бросилась куда-то вдоль замка.

Эрик, на несколько секунд опешивший от случившегося, не долго думая, рванул за ней.

– Татьяна!..

Ощувив удерживающую его руку брата, он недоуменно опустил на нее взгляд, а затем, с еще большим непониманием, уставился на чрезвычайно хмурого виконта.

– Роман... – он попытался высвободить запястье из хватки юноши, но тот не пустил, – Да что происходит, в конце концов?!

Молодой интантер тяжело вздохнул и, распахнув ведущую в каморку дверцу, практически втолкнул туда брата, словно избегая отвечать на его вопрос.

– Поищи лучше тут, что просил Чарли, – голос виконта звучал до удивительного тихо и, вместе с тем, весьма серьезно, что заставило блондина беспокоиться еще больше, – Чистая ткань-то здесь вроде как где-то была...

– Роман! – Эрик, практически насильно усаженный братом на маленькую жесткую кровать, пытаясь успокоиться, внимательно и подозрительно наблюдал за его нарочито тщательными поисками, – Ты ведь знаешь, в чем дело, не так ли?

Виконт вновь вздохнул и, развязав какой-то мешочек, недоверчиво принялся к его содержимому. Затем поморщился и, положив его на то место, откуда взял, сунул руки в карманы, соглашаясь, наконец, опять повернуться к брату.

– Россия – загадочная страна, Эрик, – задумчиво проговорил он, созерцая стену за спиной собеседника, – Наши нравы и обычаи там не приемлемы. Поэтому, боюсь, что Татьяна...

– Погоди, – граф де Нормонд останавливающее поднял руку, – А при чем здесь вообще Россия?

– А, ну да, ты же не в курсе, – Роман, вытащив одну руку из кармана, задумчиво почесал висок и, улыбнувшись почему-то виноватой улыбкой, пожал плечами, – Она русская, Эрик. Не французенка. Да-да, я тоже был этим крайне удивлен, когда узнал, – молодой человек, видя готовое выплеснуться наружу изумление брата, замахал на него рукой, – Не надо громких изумлений, я уже поизумлялся. Татьяна у нас представительница той самой загадочной страны, в которой отношения между кузенами считаются куда как более аморальными и предосудительными, чем у нас. Так что...

– Так что, – перебил молодой граф, вскакивая на ноги, – Я что, не имею права любить ее, коль уж она моя кузина?

Роман опять вздохнул, переводя взгляд со стены на брата.

– А ты любишь, Эрик?

Блондин нахмурился, снова опускаясь на кровать.

– Винсент что, снова поработал над твоей памятью? Ты не помнишь, что я говорил тогда на балу?

– Со времени бала утекло, как говорится, много воды, – элегически протянул в ответ молодой человек, – Ты уверен, что те твои слова еще актуальны сейчас? – и, заметив, что собеседник порывается ответить, виконт останавливающее поднял руку, – Не мне, Эрик. Ответ на этот вопрос для начала себе, реши все окончательно, и уж тогда... Будем решать что-то еще, – здесь он сделал многозначительную паузу, а после продолжил уже совершенно иным тоном, – Ладно, пойду искать штопательные принадлежности для Чарли. А то с вами, страдальцами, наш бедный несчастный кошак так и останется незащитым. И кто тогда будет мышей ловить? Я на такое точно не соглашусь.

Эрик не прореагировал. Слова брата, оказавшиеся до странного точными, всколыхнули в душе молодого графа уже, казалось, забытые опасения и страхи, – боязнь того, что не будучи человеком он не способен испытывать любовь. Симпатию, возможно, желание, – да, но не что-то большее, не что-то светлое, согревающее, заставляющее сердце сладко таять при одном только взгляде в самые дорогие в мире очи.

Роман тихо покинул каморку, захватив с собой тот кусок ткани, что остался лежать здесь еще с тех пор, как Эрик помогал раненой при первом нападении на замок Татьяне перебинтовать руку. В отличие от оставшегося в узкой комнатке в крайней задумчивости блондина, юноша как раз был совершенно убежден в его способности испытывать всю обширную гамму человеческих чувств, включая и самые светлые из них. Наблюдательный по своей природе, Роман не раз обращал внимание на мимолетные взгляды, бросаемые Эриком в сторону Татьяны, замечал их и тихо радовался тому, что брат наконец, после трех столетий самоизгнания, самоотречения и отказа от окружающего мира, вновь сумел обрести смысл жизни. Происходящее сейчас не нравилось ему самым решительным образом, однако, вполне ясно понимая и представляя себе мысли обоих влюбленных, он пока не находил решения проблемы. И в тоже время, в собственном сознании виконта навязчиво копошились какие-то воспоминания, очень смутные и неясные, влекущие за собою нечто неприятное, и, в силу необходимости думать о нескольких немаловажных вещах одновременно, пока не поддающиеся осознанию, но, кажется, способные пролить свет на сложившуюся ситуацию.

И тем не менее, искать конец этой запутавшейся мысленной нити у него сейчас времени не было. Вообще, проводив взглядом психанувшую внезапно девушку, и оставив брата размышлять о вечном в маленькой каморке, Роман с какой-то особенной остротой вдруг почувствовал себя единственным разумно мыслящим существом во всем этом сумасшедшем замке. Даже Винсент, ухитрившийся получить серьезные ранения и нуждающийся сейчас в помощи не только друзей, но и спешно выдернутого с какого-то семинара врача, к таковым им отнесен

быть не мог, посему молодой человек, чувствуя некоторую толику гордости от данного прозрения, в то же время ощущал безумный гнет ответственности, который, в отличие от гордости, его решительно не устраивал.

На мгновение сморщившись, юноша решительным шагом зашел в гостиную и, шлепнув на стол возле успевшего присесть доктора моток ткани, протянул ему небольшой пузырек, который ухватил с одной из полок в каморке в самый последний миг, уже покидая ее.

– Честно, не знаю, что это за пакость, – многозначительно поведал он, – Но пахнет очень вонюче. И вполне себе спиртообразно. Так что, может, сгодится простерилизовать нашего больного?

Чарльз, уже целиком и полностью сосредоточившийся на работе и осторожно освобождающий тело раненого от обрывков одежды, пусть пока и без помощи ножниц, на шутку ожидаемо не отреагировал.

– Возможно, – лаконично заметил он и, приняв флакончик из рук собеседника, сам отвернул его пробку, проводя горлышком возле носа. Вердикт его после этого действия прозвучал не менее лаконично:

– Годится.

Роман, довольный собой, гордо выпрямился, было, однако, тотчас же вспомнив о прочих требованиях, предъявленных доктором, немного сконфузился.

– Так, нужны были еще нитки для художественной вышивки... – он хлопнул себя по бедрам, – Пойду попробую разорить комнатку какой-нибудь рукодельницы.

Винсент, проводив его, направляющегося в сторону коридора, где в свое время разыгралась страшная трагедия, внимательным взглядом, нахмурился.

– Еще вода! – хрипловато напомнил он, немного выпрямляясь на стуле к явному негодованию своего лечащего врача. Роман, не оглядываясь, неопределенно помахал в воздухе рукой.

– Не волнуйся, котяра. В случае чего, будем отстирывать тебя в озерце. Только стиральный порошок надо приобрести, и дело в шляпе!

***

Большой лес, залитый кажущимся особенно ярким после недавних проявлений гнева мага, солнцем, дышал свежестью и легкой прохладой. Кроны деревьев издавали тот особый, ни с чем не сравнимый запах, какой может испускать только согретая теплом летняя зелень; воздух дрожал от перелива птичьих голосов, и все вокруг казалось до удивительного прекрасным, словно усталым серебристым, полупрозрачным, нежным, струящимся шелковым покрывалом, придающим собственной красоте лесного массива неизъяснимо тонкую прелесть.

Девушка, сама не заметившая, как отошла от замка, медленно шла сквозь все это величие, машинально переступая торчащие из земли корневища деревьев, утопая ногами в мягком бархате травы, и чувствовала себя совершенно несчастной. Окружающая прелесть не радовала, а лишь раздражала ее, пение птиц, как нарочно, громкое, прекрасное, залиvistое, вызывало в душе глухую ярость и желание скормить пернатых певцов Винсенту, как только он поправится. Пожалуй, иди сейчас дождь, она бы чувствовала себя лучше. Тонкие или тяжелые струи, падающие с небес, холодные, пусть даже совершенно ледяные капли ливня несомненно подарили бы сейчас облегчение, смывая с души печаль, а с мыслей горечь, или, во всяком случае, хотя бы просто соответствуя настроению путницы. Но, – увы! Небо, мелькающее в просветах между деревьями, оставалось совершенно чистым и ясным, ни единого облачка не появлялось на нем, и надежда на дождь казалось столько же несбыточной, как и надежда на хоть какое-нибудь исправление сложившейся ситуации. Да и в самом деле, что могло бы исправить ее? У нее есть отец, у Эрика есть дядя и то, что оба эти, казалось бы, независимых друг от друга лица, являются одним человеком, перечеркивает все, лишая всяких надежд и даже надежд на возникновение таковых. Кровь, как сказал Альберт, не вода...

Девушка все больше углублялась в лес. Куда она шла, она не знала, не смогла бы ответить на этот вопрос даже самой себе, но и не задумывалась об этом, продолжая бездумно шагать. Мысли ее, растрепанные, расстроенные, неуверенно и в то же время весьма прытко скакали с места на место. Идя так, она вполне может заблудиться, а тут где-то бродили хищные звери... Когда-нибудь все же, наверное, придется, вернуться в замок... А может быть, стоит попросить приюта в той деревне, жители которой нападали на них? Если уж не суждено, так зачем видеться...

– Ты убегаешь, даже не закончив разговор, – знакомый, немного прохладный голос, раздавшийся прямо за ее спиной, нарушил неровное течение мыслей девушки, заставляя ее, испуганно вздрогнув, рывком повернуться назад. Молодой граф, неслышно оказавшийся позади нее, стоял, прислонившись плечом к одному из больших деревьев и смотрел на беглянку с каким-то странным выражением, не то с неудовольствием, не то... с торжеством.

– Хотя это похоже на тебя, – он дернул плечом и, отстранившись от дерева, шагнул в сторону своей собеседницы, приближаясь к ней.

– Мы не так давно знакомы, чтобы ты мог делать такие выводы, – Татьяна постаралась смягчить резкость ответа, однако ей это не удалось. Эрик задумчиво почесал в затылке.

– Ах да, точно... – пробормотал он себе под нос и, неожиданно пожав плечами, приблизился еще на несколько шагов, – Хотя, вообще говоря, можно сделать такой вывод по твоему общему поведению, – он потер переносицу и девушка, хоть и находящаяся под гнетом дурных мыслей, невольно насторожилась. Что-то было в этом жесте странное, что-то очень знакомое и в то же время далекое, решительно не вяжущееся с обликом говорящего с ней человека.

– Так ты догнал меня, чтобы обвинять? – тем не менее не преминула осведомиться она, все же привлеченная больше словами, чем жестом. Молодой человек, демонстрируя полную капитуляцию, поднял перед собой руки.

– Упаси Боже, дорогая моя! Я собирался извиниться, поговорить нормально, безо всяких там нервов... ты не против? – он вскинул брови и Татьяна ощутила, как вдоль позвоночника ровной чередой пробежали мурашки. В этом жесте блондина тоже было что-то странное, что-то абсолютно не похожее на его обычную манеру держаться, как, впрочем, и в речи.

– Я не против... – медленно произнесла она и, склонив голову на бок, пристальнее взгляделась в своего собеседника, – С тобой все нормально? Ты какой-то... не такой.

– Мало ли чего бывает с горя, – Эрик как-то слишком безмятежно пожал плечами, подходя к собеседнице теперь уже вплотную, – Но ты же меня простишь?

– Прости... за что прощу? – не поняла девушка, – То, что случилось, в общем-то, не твоя вина, скорее Альберта, хотя... по большому счету это и виной-то назвать трудно. Просто ужасное совпадение...

– Ну, значит, прощение никому не нужно! – молодой человек широко улыбнулся, совершенно неожиданно кладя руки на плечи собеседнице, – Но все равно, ты знаешь, как-то муторно от всех этих дел... Может, мы хотя бы ссориться не будем?

– Мы разве собирались? – Татьяна, уже совершенно ничего не понимая, осторожно попыталась высвободиться, – Слушай, ты правда какой-то странный... Что произошло?

– Да ничего не произошло, – граф де Нормонд удивленно захлопал ресницами, и в неожиданном порыве привлек девушку к себе, – Я, знаешь, так заволновался, когда ты ушла, и... – он замолчал, все так же не выпуская Татьяну из объятий и неожиданно тихо вздохнул. Девушка, совершенно уверившись после этого вздоха, что в замке произошло нечто крайне неприятное, может быть, даже ужасное (мысли ее мигом обратились к отданному на поруки подозрительно юного врача Винсу), неуверенно завоzilась, все-таки надеясь освободиться.

– Эрик... – начала, было, она, но хриплый шепот над ухом прервал ее.

– Прости меня... – коснулось кожи девушки горячее дыхание, и она, внезапно осознав, что произнесены эти слова были чьим-то другим, слишком знакомым, чтобы не быть не узна-

ным, но от того не менее пугающим голосом, испуганно дернулась, предпринимая заведомо безнадежную попытку оттолкнуть крепко держащего ее человека. Его рука уверенно легла куда-то на основание ее шеи, и пальцы, безошибочно найдя нужную точку, сильно надавили на нее. Татьяна почувствовала, что теряет сознание. Последним, что она видела, были серые, стремительно темнеющие глаза в обрамлении черных ресниц напротив, с застывшим сожалением в них, после чего свет для нее померк.

***

Странный шум неизвестного происхождения привлек внимание девушки, и сознание ее, переключившись из бездны небытия на это внешнее проявление жизни, неожиданно вернулось.

Татьяна распахнула глаза. Взгляд ее, ожидавший встретить кроны зеленых деревьев, ибо о своей лесной прогулке она помнила и перемещения своего из леса как-то не предполагала, неожиданно наткнулся на низкий по сравнению со ставшими уже привычными Татьяне сводами замка, белый потолок. По всей длине его, вдоль стены небольшой комнаты, бежала узкая, тонкая трещина и девушка, ощущающая себя все еще где-то вне реального бытия, медленно проследила ее взглядом, сначала до одной стены, а затем, в обратную сторону, до другой. Откуда над ее головой взялся потолок она решительно не понимала, на белой же поверхности никаких подсказок на сей счет категорически не наблюдалось.

Сбоку снова послышался шум, будто что-то большое шевельнулось совсем близко, и девушка, почему-то никак не могущая заставить себя отвести взгляд от потолка, испытала deja-vu. Когда-то – сейчас ей казалось, что это случилось очень и очень давно, – она стояла в полной темноте среди подвала Нормонда и слушала, как совсем рядом шевелиться кто-то большой и неуловимо грозный в своей незримости. Сердце, словно по привычке, стиснул обруч страха.

В этот момент руки ее, вытянутой вдоль тела коснулось чье-то теплое, почти горячее и одновременно кажущееся слегка прохладным дыхание. Девушка, вообразив, что ее обнимают, вероятно, выясняя, можно ли ей подкрепиться, отдернула руку и, не давая себе размышлять, рывком повернулась на бок.

Взгляд ее натолкнулся на янтарно-желтые глаза на черной морде хищника, и Татьяна, дернувшись, как от удара током, почти отскочила назад, мгновенно принимая более вертикальное положение и вжимаясь спиной в так удачно и одновременно так некстати оказавшуюся позади стенку. Взор ее был прикован к существу, преспокойно восседающему на полу совсем рядом с кроватью.

Большая черная пантера, даже в сидячем положении кажущаяся невероятно ловкой, гибкой и грациозной, в свой черед наблюдала за явно препорученной ей для охраны пленницей весьма лениво, не выказывая особенного интереса. Вспомнив, что несколькими секундами ранее хищник обнюхал ей руку, Татьяна попыталась утешить себя мыслью о том, что ее сочли непригодной для пищи.

Мысль эта, к сожалению, большого утешения ей не доставила, и девушка, опасливо выдохнув, постаралась посильнее прижаться к прохладной стене позади. Холод ее неожиданно оказался очень кстати, – то ли на фоне стресса, то ли по еще каким-то, пока непонятным ей, но, видимо и приведшим к ее заточению здесь, причинам, – голова ее неожиданно заболела, с категоричной настойчивостью требуя холодного льда. Кроме головы почему-то болела и шея, словно тонкая жгучая нить пролегла прямо вдоль позвоночника от какой-то точки возле основания вверх, к черепу. Все это в срочном порядке нуждалось в могущем принести облегчение охлаждении, однако, кроме стены под рукой ничего не было.

Татьяна грустно вздохнула и, стараясь расположиться так, чтобы каждому страдающему месту перепало хоть немного прохлады, вновь обратила внимание на своего страшного тюрем-

щика. Тот же, за время, что девушка разбиралась с собственным организмом, успел уже улечься и теперь наблюдал за действиями пленницы словно бы исподлобья, глядя снизу вверх, все так же лениво, но от того не менее внимательно.

– Кошечка... – жалобным голосом окликнула хищника девушка и, очень надеясь на присутствие у него хоть каких-то зачатков совести, добавила, – У меня головка бо-бо. Ты не бегаешь, не позовешь кого-нибудь на этот счет?

Пантера даже ухом не повела. Татьяна снова вздохнула, на сей раз обреченно и, подтянув поближе к себе ноги, продолжила уговаривать «кошечку».

– Ну, скажи, зачем нам друг друга обижать? Я, между прочим, вообще люблю зверюшек, особенно всяких больших и хвостатых, эээ, кошачьих. Тем более, что их так редко можно встретить в местных широтах, у меня есть только один знакомый лев, и... – девушка замолчала, пораженная внезапной мыслью. Ведь и в самом деле, не так уж часто попадают, даже здесь, в месте, производящем впечатление не самого обычного, на каждом шагу разного рода большие хищные кошки, да еще и столь крупных размеров. Винсент, обращаясь, становится просто гигантом, пантера, лежащая рядом с ее кроватью, тоже, похоже, намного превосходит средние размеры, характерные для представителей ее вида... А где мы совсем не так давно встречали большую черную пантеру? Татьяна нахмурилась и, на глазах теряя страх, рывком подалась вперед, всматриваясь в своего стражника. Как это у Винса звучало? «Он такая же пантера, как я лев» – кажется, так. А еще то, что Ричард исчез из замка совсем внезапно, и вот теперь она здесь...

Девушка нахмурилась сильнее и чуть покачала головой.

– Не может быть... – пробормотала она, не сводя глаз с пантеры. Та на сей раз, как это не странно, прореагировала на слова пленницы и, будто скрываясь, поспешила отвернуть морду. Однако, Татьяне уже и не нужны были лишние доказательства.

– Итак, ты Дэйв, – не терпящим возражений тоном произнесла она и, резко выдохнув через нос, с трудом сдерживая раздражение, продолжила, – А где же хозяин твой, а, кошачья морда? – поймав брошенный на нее недовольный взгляд янтарно-желтых глаз, девушка криво ухмыльнулась, – Да-да, друг мой, я прекрасно знаю, что ты понимаешь меня. Посему давай-ка прекратим мотать друг другу нервы. Повторяю вопрос снова, для внезапно сильно оглохших, – где Ричард?! – последние слова ее прозвучали на удивление громко. Татьяна, повысившая голос, сама не ожидала, что он отразится от узких стен тесной комнатухи столь громким эхом, посему, ощутив, как протестует ее болящая голова против таких шумовых эффектов, невольно поморщилась и как-то беспомощно оглянулась на стенку. Вновь отодвигаться и прислоняться к ней девушке не хотелось, дабы не демонстрировать опять мнимого страха перед не менее мнимой пантерой.

Негромко скрипнула распахиваемая дверь.

Ричард, являясь как ответ на требовательный вопрос девушки, облокотился о косяк двери и, проведя пальцами этой же руки по собственным волосам, насмешливо улыбнулся.

– Поразительно, как быстро способна заскучать девушка даже в новом для нее обществе, – голос мужчины звучал как глас естествоиспытателя, исследующего поведение пойманной любопытной зверушки в неожиданных для нее условиях, и вместе с тем казался ласковым, почти сочувствующим. Легкая язвительность, тенью скользнувшая в каких-то его словах, совершенно не портила этого впечатления.

Татьяна, отвлекшись от пантеры, сумрачно подняла взгляд. В сероватом свете, падающем в комнату из высоких окон, оборотень, стоящий на фоне темного дверного проема, казался все таким же бледным, как и некоторое время назад, в слепящем свете солнца перед дверями замка. Правда, синяков, составлявших столь идеальную гармонию с мертвенно-бледной кожей тогда, ныне на его теле заметно не было, но нос, кажущийся вдавленным внутрь черепа чьим-то сильным ударом, все еще сохранял следы некоторой припухлости.

Тем не менее, больным Ричард не выглядел. Ухмылка, расцветшая на его лице, казалась подтверждением абсолютной наглости и здоровья, движения были довольно легки и уверенны, да и озноба он явно более не ощущал, стоя перед пленницей спокойно и непринужденно.

– И поэтому ты решил, что в старом обществе девушка будет скучать меньше? – Татьяна, в данный момент совершенно забывшая о питаемой ей некогда к этому человеку жалости, заставила себя выпрямиться, надменно приподнимая подбородок, – Может, чтобы меня привлечь, ты еще и объяснишь мне все это? – при этих словах она красноречиво окинула взглядом комнату, случайно останавливая его на поднявшейся при виде хозяина пантере. Ее собеседник и, как небезосновательно полагала девушка, похититель, отметив это, красноречиво хмыкнул.

– А мне казалось, вы уже успели познакомиться с моим приятелем. Это Дэйв, вы даже виделись с ним как-то... Дэйв, не хочешь подать даме лапу?

– А ты не хочешь спросить даму, хочется ли ей пожимать лапу большой пантере? – недовольно отреагировала Татьяна и, заметив, как ягуар повернулся в ее сторону, вероятно, планируя все-таки выполнить предложение хозяина, торопливо отодвинулась подальше. Ричард вздохнул и, вероятно, решив, что продолжать беседу, находясь практически в коридоре, не имеет смысла, наконец зашел в комнату, прикрывая за собой дверь.

– С тем львом ты была определенно более вежлива, – заметил он, делая несколько шагов вперед и неожиданно, пораженный внезапной мыслью, остановился, даже не приблизившись к пантере. Последняя, вероятно, уловив мысли хозяина, насторожилась и, приподняв голову, пристально глянула на него. Оборотень этого не заметил.

– Подожди-ка... – проговорил он, медленно сдвигая брови, – До меня только что дошло... – он автоматически потер переносицу и неожиданно резко шагнул вперед, – Льва звали Винсент, ведь верно? Верно? – Татьяна медленно кивнула, не понимая, к чему этот внезапный вопрос, и мужчина на несколько мгновений закусил губу, будто соображая что-то.

– И тот парень, который на балу прикинулся твоим братом, – наконец продолжил он, не сводя с собеседницы пристального взгляда, – Он ведь тоже... Так значит?..

– Так значит, ты притащил меня сюда, чтобы устроить допрос, – девушка, совершенно не желающая сейчас пояснять, кем является упомянутый «лев» и кто вообще такие хранители памяти, тем более, что пантера, переводя взгляд то на нее, то на хозяина, явно умоляла не делать этого, предпочла прервать собеседника, меняя тему, – Интересно, ты будешь применять ко мне какие-нибудь инквизиторские пытки или думаешь, что хватит оскала твоего котика? – и, видя, что собеседник планирует что-то сказать, она останавливающее подняла руку, – Знаешь, я только не понимаю, как тебе это вообще удалось. В лесу я была с... – она замолчала на полуслове, внезапно вспоминая странное поведение молодого графа и, вновь подавшись вперед, недоверчиво уставилась на стоящего перед ней мужчину, – Да не может быть...

– Почему же? – Ричард, к которому в процессе небольшого монолога девушки опять вернулась былая язвительная наглость, самодовольно ухмыльнулся, – Если человек может быть львом, то почему один человек не может стать другим? Я ведь все-таки оборотень, моя милая, или ты уже успела об этом забыть?

– Не твоя и не милая! – огрызнулась в ответ Татьяна и, недовольно выдохнув, раздраженно отвернула голову, всем видом показывая, что лицезреть собеседника ей неприятно. Ричард, наверное, все-таки не ожидавший столь бурной реакции, умолк и, продолжая стоять, аки соляной столб, опустил взгляд вниз, изучая мыски собственных ботинок. На некоторое время повисло молчание.

– Зачем ты притащил меня сюда? – наконец негромко проговорила девушка, продолжая довольно мрачно изучать стену, – Просто поболтать мы и при других условиях могли.

– Ты думаешь, это было мое желание? – Ричард вскинул голову, вновь взирая на собеседницу и, явно еще не до конца уверенный в собственных действиях, сделал шаг вперед. Правда, тотчас же остановился, впрочем, не сводя пристального взгляда с девушки в ожидании ответа.

Та неопределенно пожала плечами, продолжая очень внимательно изучать какую-то точку на стене.

– Чье же еще?

– Тебе нужна подсказка? – мужчина, мрачней буквально на глазах, неожиданно подошел к кровати вплотную и, сев на нее спиной к пленнице, сцепил руки в замок, внимательно изучая пол. Голос его, когда он продолжил, прозвучал глухо.

– Твой отец выразил желание побеседовать с родной дочерью. Он велел сказать... – оборотень замолчал, на мгновение сжав губы, и вновь продолжил уже с некоторым нажимом, как будто выталкивая из себя слова, – Что держит слово и нашел время пообщаться с собственным ребенком. Поэтому он просил... – мужчина вновь замолчал и, неожиданно тяжело вздохнув, выпрямил спину, – Просил не задерживаться особенно. Время-то он выкроил, но этого времени не так уж и много.

Татьяна, во время этой речи все же соблаговолившая сменить объект созерцания и буквально сверлящая взглядом затылок оборотня, при последних его словах откровенно скривилась.

– До чего благородно, сил никаких нет, – она сморщилась еще больше и, недовольно бормотнув, – Воистину манеры, достойные дворянина... – неожиданно замолчала, взирая на своего собеседника с уже несколько иным выражением. Ее голос в момент продолжения речи прозвучал тихо и, казалось, более спокойно, хотя и с явным оттенком недоверчивого сомнения.

– Так значит... желание было его?

Ричард, не отвечая, попытался подняться с кровати. Девушка, рывком подавшись вперед, резко схватила его за плечо, мешая сделать это и, коснувшись другой рукой вновь напомнившего о себе участка острой головной боли, чуть сжала футболку собеседника.

– Рик... Я понимаю, правда, но... Ты же говорил, что я тебе дорога, просил помочь, почему же тогда?... – вопрос она не закончила, но этого и не требовалось.

Оборотень порывисто обернулся, сбрасывая с плеча руку собеседницы, и рывком вскочил на ноги. В глазах его полыхнуло пламя неожиданной ярости.

– Ах, ну разумеется! – голос его зазвучал так ядовито, что у девушки невольно мелькнула мысль, что в какое-нибудь ядовитое пресмыкающееся ее собеседник сумел бы превратиться не менее ловко и просто, чем в Эрика. Впрочем, доказательствами обратного она не обладала.

– Человек же у нас всегда имеет выбор, не так ли?! – раздраженно продолжал между тем Ричард, начиная, как часто бывало с ним в моменты высокого эмоционального напряжения, расхаживать по комнате. Пантера заметалась из стороны в сторону, стараясь не попасться ему под ноги.

– Как там обычно? Лево или право, огонь или вода, сделать или нет... – он неожиданно остановился, а затем, в несколько шагов оказавшись вновь рядом с кроватью, буквально навис над пленницей, – Только когда имеешь дело с Альбертом, выбора нет! Ты думаешь, я лгал тебе, да? Думаешь, я притащил тебя сюда только по своему желанию, чтобы держать под замком, без его ведома и приказа?! Да сто раз мне это нужно! – он отстранился, и снова прошелся по комнате, останавливаясь на сей раз возле двери. Рука его коснулась дверной ручки, и мужчина замер, не то собираясь с мыслями, не то решая – покинуть комнату или же сделать... что-то другое. Татьяна молча ждала окончания этих раздумий. Немного напуганная вспышкой ярости гневливого оборотня, вновь вспомнившая, что общение, а тем более – спор с ним, это всегда игра с пламенем, она не решалась опять подавать голос, не желая злить похитителя еще больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.